

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

**Научно-практический журнал
3 (29) / 2018**

Выходит 5 раз в год

Учредитель издания:

федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей:

12.00.00 – юридические науки, 13.00.00 – педагогические науки, 19.00.00 – психологические науки.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-67319 от 30.09.2016 г.

ISSN 2307-6852

Главный редактор (председатель редакционной коллегии) –

кандидат педагогических наук, доцент полковник внутренней службы **А. А. Вотинов.**

Редакционная коллегия

Акопов Г. В. – заведующий кафедрой общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии психологических наук, Академии социальных и педагогических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Президиума Российского психологического общества, председатель Самарского регионального отделения РПО, сопредседатель Самарского отделения Лиги профессиональной психотерапии;

Акопян Л. С. – профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Алехин И. А. – заведующий кафедрой педагогики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Арбузова С. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Архимандрит Георгий (Шестун) – заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской духовной семинарии, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН;

Волов В. Т. – директор Самарского филиала Современной гуманитарной академии, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор физико-математических наук, доктор технических наук, член-корреспондент ГАН РАО, академик МАИ, РАЕН, РАТ, МАНПО, Нью-Йоркской академии наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Воронов В. Н. – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Галузин А. Ф. – заместитель прокурора Саратовской области, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, заслуженный юрист Самарской области;

Дашин А. В. – профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук;

Кленова Т. В. – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Колоколов Н. А. – судья Верховного суда Российской Федерации (в отставке), профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, доцент;

Куриленко Л. В. – заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор педагогических наук, профессор;

Лисецкий К. С. – декан психологического факультета, заведующий кафедрой психологии развития Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор психологических наук, доцент, действующий член Международной психологической академии, член Антинаркотической комиссии при администрации г. Самара, член Международного экспертного совета этического комитета, заместитель председателя Самарского отделения Российского психологического общества, официальный эксперт Российского психологического общества по сертификации специалистов образовательных и тренинговых программ;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Рукавишников А. А. – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Уткин В. А. – директор Юридического института, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Хачатуров Р. Л. – профессор кафедры истории государства и права Института права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук России, член комиссии по адвокатской деятельности Министерства юстиции Республики Беларусь.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) <http://elibrary.ru>.

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс: **70018**

Адрес редакции: 443022, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, тел. 205-67-14, e-mail: science@samlawin.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна. Направляя материалы в редакцию журнала, автор соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

© Самарский юридический институт ФСИН России, 2018

**BULLETIN
OF THE SAMARA LAW INSTITUTE**
Science and practical journal
3 (29) / 2018

Comes out 5 times a year

Founder of journal:

Federal Government Educational Institution of Higher Education «Samara Law Institute
of the Federal Penitentiary Service».

The journal is on Higher Attestation Commission of the Russian Federation and the List of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of theses for the degree of Candidate of Science, Doctor of Sciences according to the following scientific areas should be published:

12.00.00 – legal sciences, 13.00.00 – pedagogical sciences, 19.00.00 – psychological sciences.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision in the sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications, PI № FS77-67319 from 30.09.2016.

ISSN 2307-6852

Editor in Chief (Editorial Board Chairman) –

Candidate of Pedagogics, Associate Professor Colonel **A. Votinov**.

Editorial Board

Akopov G. – Head of General and Social Psychology Department of Samara State Social and Pedagogical University, Doctor of Psychology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, member of the International Academy of Psychology, Academy of Social and Pedagogical Sciences, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Presidium member of the Russian Psychological Society, chairman of Samara regional branch of the Russian Psychological Society; Co-chairman of Samara Office of the Professional Psychotherapy League;

Akopyan L. – Professor of Developmental and Educational Psychology Department of Samara State Social and Pedagogical University, Doctor of Psychology, Professor;

Alekhin I. – Head of Pedagogy Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation;

Arbuzova S. – Deputy Head for academic work of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor;

Archimandrite Georgiy (Shestun) – Head of Interacademic Department of Orthodox Pedagogy and Psychology of Samara Theological Seminary, Doctor of Pedagogics, Professor, Academician of Russian Academy of Natural Sciences;

Volov V. – Director of Samara branch of the Modern Academy for the Humanities, Doctor of Engineering, Doctor of Pedagogics, Doctor of Economics, Doctor of Sociology, Doctor of Physics and Mathematics, corresponding member of the State Academy of Sciences of the Russian Academy of Education, Academician of the MAI, Academy of Natural Sciences, RTA, International Academy of Sciences for Pedagogical Education, New York Academy of Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Voronov V. – Senior Researcher of the Research Department of Peter the Great Strategic Rocket Forces Academy, Doctor of History, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Galuzin A. – Deputy prosecutor of Saratov region, Candidate of Law, Associate Professor; Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Honored Lawyer of Samara region;

Dashin A. – Professor of Theory and History of State and Law Department of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law;

Klenova T. – Head of Criminal Law and Criminology Department of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Kolokolov N. – Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (in retirement), Professor of the Criminal and Legal Disciplines Department of Moscow State Teacher's Training University, Doctor of Law, Associate Professor;

Kurylenko L. – Head of Theory and Social Work Technology Department of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Doctor of Pedagogics, Professor;

Lisetskiy K. – Dean of Psychology Faculty, Head of the Developmental Psychology Department of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Doctor of Psychology, Associate Professor, active member of the International Academy of Psychology, member of the counter-drugs commission under the administration of the city of Samara, member of the International Expert Council of the Ethics Committee, deputy chairman of Samara regional branch of the Russian Psychological Society, official expert of the Russian Psychological Society for certification of specialists in educational and training programs;

Romashov R. – Professor of Law Theory and Law Enforcement Department of St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Rukavishnikova A. – Assistant Professor of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law-Enforcement Department of the Law Institute of National Research Tomsk State University, Candidate of Law, Associate Professor;

Utkin V. – Director of the Law Institute, Head of Penal Law and Criminology Department of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Khachaturov R. – Professor of History of the State and Law Department of the Institute of Law of Togliatti State University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Shabanov V. – Head of Criminalistics Department of the Law Faculty of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, active member of the Academy of Military Sciences of Russia, member of the Commission on legal practice of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus.

The journal is in the Russian Science Citation Index <http://elibrary.ru>.

The journal is distributed by subscription. Index: **70018**

Editorial address: Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022; tel. 205-67-14, e-mail: science@samlawin.ru

Published articles contain the opinions of the authors, which may not coincide with the point of view of the editorial board. Responsibility for the content and reliability of the facts has the authors of materials. The editorial board reserves the right to make changes and reductions. In case of complete or partial reprinting or reproduction by all means it is necessary to make reference to the source. Sending materials to the journal the author agrees to place the materials in free access on the Internet.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Азархин А. В. К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ.....</i>	9
<i>Бедняков И. Л. В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....</i>	15
<i>Габараев А. Ш., Новиков А. В. УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ: ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ.....</i>	20
<i>Касаткин С. Н. ССЫЛКА КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРЫ, КОЛОНИЗАЦИОННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ВЗГЛЯД Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО.....</i>	25
<i>Макарова Н. А. ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ИДЕИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. Е. НАТАШЕВА.....</i>	32
<i>Насреддинова К. А., Хаснутдинов Р. Р., Яворский М. А. КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....</i>	37
<i>Орлов А. В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В СВЕТЕ ВВЕДЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.....</i>	48
<i>Расторопов С. В., Адылин Д. М. К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ (Ч. Ч. 1–3 СТ. 122 УК РФ).....</i>	52
<i>Самиулина Я. В. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....</i>	57
<i>Свидерский О. А., Кубанов В. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.....</i>	62
<i>Семенова Е. Ю. ВКЛАД АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЖИЖИЛЕНКО В РАЗРАБОТКУ УЧЕНИЯ О НАКАЗАНИИ</i>	67
<i>Филипова Е. Е. РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ СОВОКУПНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ ФСИН РОССИИ.....</i>	74
<i>Старостин С. А., Кириловский О. В. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ИХ БЛИЗКИХ.....</i>	80
<i>Трофимцева С. Ю. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАДАЧ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х гг. КАК ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ДЛЯ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ГУЛАГА.....</i>	87
<i>Шамсунов С. Х., Лосева С. Н. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТЮРЕМНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.....</i>	93

Яковлева О. Н. НАЧАЛЬНИКИ ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЯ ВЕДОМСТВА В ЛИЦАХ.....	98
--	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Илькевич Б. В., Суходолова Е. М. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	103
Ефименко А. А., Сидакова М. А. ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ЖЕНЩИНАМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.....	109
Ощепкова О. В. ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА ФСИН РОССИИ.....	116

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ежова О. Н. ВЛИЯНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЛИЧНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ С РАЗЛИЧНЫМ РЕЖИМОМ.....	121
Тарасова С. А. ГОТОВНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ОКАЗАНИЮ ЭКСТРЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННОМУ ПРИ УГРОЗЕ СУИЦИДА.....	129

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Борченко В. А., Душин Е. А. ВОПРОСЫ ОТОБРАНИЯ РЕБЕНКА ПРИ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ УГРОЗЕ ЕГО ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ.....	135
Мусалева А. В., Сабиров Д. Ш. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.....	139
Шиханов В. А., Ермуханов Ж. Е. ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ НА РЕЖИМНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ.....	144
ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА».....	149

CONTENTS

LEGAL SCIENCES

Azarkhin A. THE QUESTION OF THE PURPOSE OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIA.....	9
Bedniakov I. SEARCH OF THE OPTIMAL MODEL OF ORGANIZATION OF PROCEDURE IN CRIMINAL CASES.....	15
Gabaraev A., Novikov A. CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR: THE FIRST PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE.....	20
Kasatkin S. THE EXILE AS A MEASURE OF CULTURE, COLONIZATIONAL AND SOCIAL POLICY: L. I. PETRAZHITSKII'S VIEW.....	25
Makarova N. PENITENTIARY IDEAS IN A. NATASHEV'S SCIENTIFIC WORKS.....	32
Nasreddinova K., Khasnutdinov R., Yavorskiy M. CORRUPTION RISKS IN THE FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES OF THE AUTHORITIES AND INSTITUTIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	37
Orlov A. ACTUAL PROBLEMS OF HOUSE ARREST IN THE CONTEXT OF NEW PREVENTIVE MEASURE PROHIBITING CERTAIN ACTIONS.....	48
Rastoropov S., Adylin D. THE QUESTION ABOUT THE SUBJECTIVENESS FOR HIV INFECTION (PARTS 1–3, ARTICLE 122 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)	52
Samiulina Ya. SPECIFIC ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE PRACTICE OF JUDICIAL EXPERTISE AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION	57
Sviderskiy O., Kubanov V. USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE DISCLOSURE OF CRIMES COMMITTED IN THE PENAL INSTITUTIONS.....	62
Semenova E. ALEKSANDR ALEKSANDROVICH ZHIZHILENKO'S CONTRIBUTION TO DEVELOPMENT OF THE PUNISHMENT DOCTRINE.	67
Filipova E. DEVELOPMENT OF INDICATORS SYSTEM AND THEIR APPLICATION FOR THE STRUCTURE ANALYSIS OF THE SYSTEM OF JUVENILE COLONIES OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA WITH STATISTICAL METHODS USING.....	74
Starostin S., Kirilovskiy O. FEATURES OF IMPLEMENTATION OF SELECTED SAFETY MEASURES IN RESPECT OF EMPLOYEES OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM AND THEIR CLOSURES.....	80
Trofimtseva S. TRANSFORMATION OF SOVIET JUSTICE PROBLEMS IN 1920s AND THE BEGINNING OF THE 1930th AS A PREPARATORY STAGE FOR THE GULAG – A SYSTEM OF SOVIET LABOUR CAMPS AND PRISONS.....	87
Shamsunov S., Loseva S. HISTORICAL EXPERIENCE OF PRISON CONSTRUCTION IN FOREIGN COUNTRIES	93

<i>Yakovleva O.</i> CHIEFS OF THE MAIN PRISON ADMINISTRATION THE RUSSIAN EMPIRE: THE HISTORY OF THE AGENCY IN PERSONS.....	98
---	----

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Ilkevich B., Sukhodolova E.</i> MODELING THE PROCESS OF DEVELOPMENT THE CULTURE OF STUDENTS INTERPERSONAL COMMUNICATION STUDYING WITH THE USE OF DISTANCE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES.....	103
<i>Efimenko A., Sidakova M.</i> THE PECULIARITIES OF EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTED WOMEN IN PRISON AT THE PRESENT STAGE OF PENAL SYSTEM REFORMATION.....	109
<i>Oshchepkova O.</i> FORMATION OF KONFLIKTOLOGICAL COMPETENCE OF CADETS LAW INSTITUTES OF THE PENAL SYSTEM.....	116

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Ezhova O.</i> INFLUENCE OF OFFICIAL ACTIVITY ON STAFF PERSONALITY OF CORRECTIVE COLONIES WITH VARIOUS REGIME.....	121
<i>Tarasova S.</i> THE WILLINGNESS OF THE PENAL STAFF TO PROVIDE EMERGENCY PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO CONVICTED WHEN THE THREAT OF SUICIDE.....	129

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Borchenko V., Dushin E.</i> QUESTIONS OF THE REFLECTION OF THE CHILD WHILE DIRECTLY DAMAGE ITS THE LIFE OR HEALTH.....	135
<i>Musaleva A., Sabirov D.</i> A NEW LOOK AT THE INSTITUTION OF RELEASE FROM PUNISHMENT IN THE FORM OF LIFELONG IMPRISONMENT.....	139
<i>Shikhanov V., Ermukhanov Zh.</i> TURNOVER OF PROHIBITED ITEMS IN THE REGIME AREAS OF THE PENAL SYSTEM: CRIMINALIZATION ISSUES.....	144
<i>THE REQUIREMENTS FOR THE MATERIALS SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL «BULLETIN OF THE SAMARA LAW INSTITUTE»</i>	149

УДК 340

Азархин Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры профессиональных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: aazarkhin@mail.ru

доцент кафедры теории и философии права
Института права,
Самарский государственный экономический
университет,
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141,
e-mail: aazarkhin@mail.ru

Aleksey V. Azarkhin

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of professional disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: aazarkhin@mail.ru

Associate Professor of the Department
of theory and philosophy of law at the Institute of Law,
Samara State University
of Economics,
Soviet Army str., 141, Samara, Russia, 443090,
e-mail: aazarkhin@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется понятие «цели уголовно-исполнительной системы». Автор приводит различные мнения юристов относительно понятия целей уголовно-исполнительной системы, делает вывод об отсутствии единства в определении целей уголовно-исполнительной системы на современном этапе в научной литературе. Автором предлагается классификация целей уголовно-исполнительной системы, дается подробная характеристика каждой цели. Автор приходит к выводу о некорректности отождествления целей уголовного наказания с целями уголовно-исполнительной системы. В статье выделяются проблемы недостаточного развития целей ресоциализации и социальной адаптации осужденных, а также анализируются пробелы, которые возникают в процессе реализации указанных целей. Автор рассматривает взаимосвязь целей ресоциализации и социальной адаптации осужденных, а также делает вывод о том, что эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы имеет прямую зависимость от того, какие цели поставлены, как они реализуются и как взаимодействуют друг с другом. В статье делается вывод о необходимости исключения подмены одной цели на другую, решения сложившихся в указанной сфере проблем на каждом этапе функционирования уголовно-исполнительной системы, что позволит уголовно-исполнительной системе быть более эффективной.

Ключевые слова: цель, уголовное наказание, уголовно-исполнительная система, ресоциализация, социальная адаптация, эффективность исполнения наказания, реабилитация осужденных, эффективность целей.

THE QUESTION OF THE PURPOSE OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIA

Summary. The penitentiary system is a system of institutions and bodies that supervise and supervise the enforcement of sentences. Like any organization, the criminal-executive system has specific goals and objectives. In this paper, the author analyzes the concept of the purpose of the criminal executive system. Also, the author gives different opinions of lawyers on the concept of the goals of the penal enforcement system, concludes that there is no unity in determining the goals of the penal enforcement system at the present stage in the scientific literature. In addition, the author proposes a classification of the objectives of the penal system, as well as provides a detailed description of each of the proposed goal. In the work the author comes to a conclusion about incorrectness of identification of the purposes of criminal punishment with the purposes of the penal-executive system. The article highlights the problems of insufficient development of the goals of resocialization and social adaptation of convicts, and also analyzes the gaps that arise in the process of realizing these goals. The author in his work singles out the relationship between the goals of resocialization and social adaptation of convicts, and also concludes that the effectiveness of the functioning of the penal system is directly dependent on what goals are set, how they are implemented and how they function with each other. The article concludes that it is necessary to exclude the substitution of one goal for another, and also the author comes to the conclusion that it is necessary to solve the problems that have developed in this area at every stage of the functioning of the penal system, which will allow the penal system to be more effective.

Keywords: *purpose, criminal punishment, criminal-executive system, resocialization, social adaptation, effectiveness of execution of punishment, rehabilitation of convicts, effectiveness of goals.*

Отсутствие цели делает невозможным полноценное функционирование деятельности, потому что именно целью определяется ее идеология. Определение цели формирует средства, которые направлены на ее достижение. Следовательно, постановку и достижение целей можно рассматривать в качестве фундамента для успешной организации любой деятельности.

Словарь «Социальное управление» определяет цель как понятие, выражающее идеальное предвосхищение результата деятельности, при этом сама деятельность трактуется как «процесс осуществления цели» [1, с. 179].

Значит, категория «цель» в общем виде представляется в качестве идеального образа социально значимого результата конкретной деятельности [2, с. 167]. «Осознание, а именно предвосхищение будущего результата действия, которое выражено словами, называется целью» [3, с. 5].

В указанной статье хотелось бы охарактеризовать цели уголовно-исполнительной системы.

Ст. 5 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» устанавливает учреждения и органы, которые составляют уголовно-исполнительную систему, констатирует возможность включения по решению Правительства Российской Федерации в уголовно-исполнительную систему следственных изоляторов, предприятий, которые специально создаются для того, чтобы обеспечить деятельность уголовно-исполнительной системы, а также научно-исследовательские, проектные, медицинские, образовательные и иные организации [4].

В настоящее время в нормативных актах и в публикациях ученых отсутствует единое понимание целей УИС. Необходимо отметить и то, что уголовно-исполнительное законодательство не содержит в себе цели уголовно-исполнительной системы, а определяет исключительно цели уголовно-исполнительного законодательства. В соответствии с УИК РФ целями уголовно-исполнительного законодательства России являются исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

УИК РФ – кодифицированный нормативно-правовой акт, основной источник уголовно-исполнительного права, регулирующий отношения, которые возникают в процессе и по поводу исполнения всех видов уголовных наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера на территории Российской Федерации. В частности, УИК РФ перечислены органы, исполняющие наказание, определен порядок исполнения разного рода наказаний и т. д. Следовательно, органам, исполняющим наказания, необходимо в своей работе руководствоваться и положениями УИК РФ. Значит, цели, которые преследует уголовно-исполнительное законодательство, относятся и к уголовно-исполнительной системе, поскольку в нее входят органы, исполняющие наказание.

Таким образом, можно сказать, что цели, которые сформулированы в ст. 1 УИК РФ, являются и целями уголовно-исполнительной системы.

Однако следует отметить, что в научной среде отсутствует единая точка зрения относительно целей уголовно-исполнительного законодательства, и все мнения ученых сводятся к необходимости либо корректирования целей уголовно-исполнительного законодательства, либо замены одной цели на другую (например, исправление на ресоциализацию, социальную реабилитацию, социальную адаптацию). Так, одни авторы утверждают, что в соответствии с предписанием ч. 2 ст. 43 УК РФ ч. 1 ст. 1 УИК РФ необходимо дополнить целью восстановления социальной справедливости [5, с. 490], по мнению других – целью интеграции осужденных в общество (их социальная реабилитация) [6, с. 4].

Вместе с тем, определяя тождественность целей уголовно-исполнительного законодательства и уголовно-исполнительной системы, нельзя выделять в качестве цели уголовно-исполнительной системы только ресоциализацию осужденных либо восстановление социальной справедливости. На наш взгляд, это не совсем корректно, ибо цели уголовно-исполнительной системы значительно шире и затрагивают не только сферы социальной адаптации и восстановления социальной справедливости после совершения преступления, но и внутренние процессы уголовно-исполнительной системы, саму систему в целом.

В связи с этим представляется возможным разделить цели уголовно-исполнительной системы:

- на эффективное функционирование уголовно-исполнительной системы;
- упорядочение уголовно-исполнительных отношений.

Первая из выделенных целей уголовно-исполнительной системы достаточно масштабна и подразумевает под собой весь механизм функционирования уголовно-исполнительной системы.

В Публичной декларации целей и задач Федеральной службы исполнения наказаний (далее – Декларация) установлены следующие цели:

1. Оптимизация учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, которая включает в себя ликвидацию и реорганизацию учреждений уголовно-исполнительной системы в связи с их низкой наполняемостью, экономической нецелесообразностью, ветхостью, географически и климатически неблагоприятным расположением; приведение количества учреждений в соответствие с существующей численностью осужденных; повышение эффективности использования бюджетных средств.

2. Совершенствование социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными. Указанная цель предусматривает использование передового опыта в части организации воспитательной, социальной и психологической работы; поиск эффективных форм и методов работы, стимулирующих правопослушное поведение осужденных, их исправление и подготовку к освобождению; организацию полезной занятости осужденных, обеспечение максимального вовлечения их в культурно-массовую и спортивную деятельность, кружковую работу.

3. Повышение эффективности ведомственного здравоохранения. Данная цель предусматривает реализацию комплекса мероприятий, направленных на приведение деятельности медицинской службы в соответствие с концептуальными направлениями развития системы здравоохранения Российской Федерации; совершенствование медико-санитарного обеспечения подозреваемых, обвиняемых и осужденных, в том числе женщин, несовершеннолетних, лиц с ограниченными возможностями, сотрудников и членов их семей; реализацию мероприятий по выявлению, профилактике и лечению социально значимых заболеваний, обеспечение надлежащего санитарно-эпидемиологического контроля.

4. Повышение эффективности производственного сектора, что подразумевает под собой реализацию мер по сохранению, развитию и модернизации производственного сектора и промышленной инфраструктуры; повышение уровня вовлечения осужденных к лишению свободы в трудовые процессы, организация для них дополнительных рабочих мест, профессиональное обучение по востребованным на рынке труда специальностям; осуществление мер по популяризации производимой продукции и продвижению ее на рынке, развитие сотрудничества с федеральными органами исполнительной власти по размещению прямых государственных заказов [7].

Таким образом, цель эффективного функционирования уголовно-исполнительной системы включает в себя и цели, направленные на административное регулирование уголовно-исполнительной системы, на регулирование производственной деятельности. Здесь также можно выделить, например, обеспечение безопасности и должного режима в местах лишения свободы, надлежащего технического обеспечения режима и надзора в учреждениях (численность сотрудников служб режима, безопасность и надзор в местах лишения свободы, обеспеченность системами наблюдения, средствами связи; повышение надежности изоляции, ограничение степени влияния осужденных лиц, содержащихся под стражей, на общество).

В вышеуказанной Декларации также обозначены цели, которые преследует уголовно-исполнительная система в отношении осужденных, однако, на наш взгляд, в обязательном порядке необходимо выделить цели ресоциализации осужденного и социальной адаптации после отбывания наказания.

Под ресоциализацией подразумевается многоплановая и многоаспектная организаторская и воспитательная деятельность в процессе исполнения наказания со стороны исправительных учреждений, которая направлена на социализацию личности, восстановление утраченных социальных контактов, подготовку к жизни на свободе.

В настоящее время указанная цель не развита должным образом и никак не контролируется. В данной сфере существует ряд проблем, например:

- недостаточно урегулированы вопросы правовой защиты;
- отсутствуют комплексные государственные программы социальной защиты бывших осужденных, освободившихся из мест лишения свободы (есть программы, которые контролируют поведение освободившихся лиц, однако отсутствуют программы их социального сопровождения);
- отсутствуют комплексные государственные программы, которые развивают социальные навыки и осуществляют социальное сопровождение граждан, освободившихся из мест лишения свободы;

– существует необходимость расширения числа организаций, занимающихся социальной адаптацией бывших осужденных.

Указанные проблемы необходимо решать, так как, на наш взгляд, цель ресоциализации должна рассматриваться в качестве генеральной цели эффективного функционирования уголовно-исполнительной системы.

В рассматриваемой цели можно выделить следующие подцели:

– необходимость усиления воспитательной направленности труда, общеобразовательного и профессионального обучения;

– ориентированность воспитательной работы на то, чтобы сформировать и развить у осужденных стремление заниматься общественно полезной деятельностью;

– необходимость повышения собственного образовательного и культурного уровня;

– направленность на педагогизацию и психологизацию воспитательного процесса;

– направленность на предотвращение дальнейшей криминализации личности и т. д.

Подчеркнем, что указанные подцели исходят из целей, закрепленных в Декларации.

Следующей немаловажной и социально значимой целью является социальная адаптация осужденного.

В литературе чаще всего уделяется внимание социальной адаптации после выхода осужденного из мест лишения свободы. Однако, по нашему мнению, следует выделить три периода социальной адаптации, которые не исключают друг друга, а, наоборот, находятся во взаимосвязи: 1) когда осужденный попадает в места лишения свободы; 2) когда адаптируется к условиям жизни в местах лишения свободы; 3) когда выходит из мест лишения свободы [8, с. 58].

Для каждого из указанных периодов характерны свои цели. Для первых двух характерны цели, дающие возможность адаптироваться к условиям жизни в местах лишения свободы, режиму в местах лишения свободы. Это могут быть не только «режимные» цели, но и, например, трудоустройство в местах лишения свободы, приобщение к культурной и религиозной жизни в местах лишения свободы и т. д.

Несмотря на взаимосвязь указанных периодов, на наш взгляд, последний период является более масштабным, ведь именно здесь социальная адаптация раскрывается в полной мере. В данный период происходит восстановление социального статуса лиц, вернувшихся в общество из мест лишения свободы; трудоустройство лиц; возобновление своих социальных функций и ролей в рамках семьи, трудового коллектива и иных общественных институтов.

По нашему мнению, абсолютно очевидно, что социальная реабилитация на свободе напрямую зависит от того, насколько эффективно осуществлялись цели на предыдущих периодах социальной реабилитации в местах лишения свободы.

Иначе говоря, качественная социальная реабилитация относится к критериям, свидетельствующим о том, результативна ли социальная адаптация и исправление личности в условиях общественной изоляции.

Таким образом, прослеживается некая взаимосвязь между ресоциализацией и социальной адаптацией осужденных.

Однако в настоящее время уголовно-исполнительной системой не решаются вопросы ресоциализации и последующей социальной адаптации в общество граждан, освободившихся из мест лишения свободы, и цели, которые существуют на данном этапе, либо реализуются не до конца, либо не реализуются вовсе.

Таким образом, нами была дана основная характеристика первой основной цели уголовно-исполнительной системы – эффективному функционированию уголовно-исполнительной системы, на основе которой можно сделать вывод о том, что подцели данной цели имеют четкую взаимосвязь, ведь успешная реализация целей административного характера неизбежно влечет успешную реализацию целей социального характера и наоборот. В связи с этим необходимо исключить несоответствие целей уголовно-исполнительной системы как своеобразной подсистемы государства целям развития общества; подмену целей одним из направлений ее достижения, а также исключить постановку целей, которые редко достижимы или недостижимы вовсе.

Из первой охарактеризованной цели неизбежно вытекает вторая цель уголовно-исполнительной системы – упорядочение уголовно-исполнительных отношений. Это цель упорядочивает все имеющиеся цели уголовно-исполнительной системы: как на этапе реализации административных целей, так и на этапе реализации социальных целей.

Здесь важное значение имеет достижение целей предыдущей категории (административных и социальных). Существующие проблемы в ресоциализации и социальной адаптации осужденных ставят под вопрос реализацию цели упорядочения уголовно-исполнительных отношений, поскольку если все цели и задачи уголовно-исполнительной системы находятся в единстве и взаимосвязи, то нарушение или недостижение конкретной цели на определенном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы неизменно повлечет за собой недостижение целей и подцелей на других этапах.

Учет целей уголовно-исполнительной системы можно отнести к необходимым условиям обеспечения эффективности всей системы в целом, иначе говоря, эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы имеет прямую зависимость от того, будут ли достигнуты цели на каждом этапе ее функционирования. Также необходимо исключить возможность подмены одной цели на другую.

Исходя из вышеизложенного можно прийти к выводу о наличии проблем в организации деятельности уголовно-исполнительной системы России. Важно строго следовать поставленным целям, реализовывать их, а также дорабатывать при отсутствии их эффективности, что будет способствовать совершенствованию деятельности уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. Социальное управление: словарь / под ред. В. И. Добренкова, И. М. Слепенкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 208 с.
2. Азархин А. В. К вопросу о целях юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3(3). С. 167–169.
3. Психологические механизмы целеобразования / отв. ред. О. К. Тихомиров. М.: Наука, 1977. 258 с.
4. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 28.12.2016) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.
5. Уголовно-исполнительному кодексу РФ (УИК РФ) исполнилось 10 лет // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македонии: сборник научных статей. Вып. 1 / отв. ред. А. Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2006. 526 с.
6. Борсученко С. А. Иногда они возвращаются // ЭЖ-Юрист. 2013. № 32. С. 1–4.
7. Публичная декларация ФСИН России на 2018 г.: сайт Федеральной службы исполнения и наказаний [Электронный ресурс]. URL: http://fsin.ru/activity/realizatsiya-kontseptsii-otkrytosti/Publichnaya%20deklaraciya_2018.pdf (дата обращения: 27.05.2018).
8. Бровский П. А. Проблемы социальной адаптации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы // Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 56–65.

References

1. Social'noe upravlenie: slovar' [Social management]. In V. I. Dobren'kov, I. M. Slepencov (ed.). Moscow: Izd-vo MGU, 1994. 208 p. [in Russian].
2. Azarkhin A.V. K voprosu o celjah juridicheskoy otvetstvennosti [To the question of the objectives of legal responsibility]. *Vektor nauki TGU* [Vector of science TSU], 2010, no. 3(3), pp. 167–169 [in Russian].
3. Psihologicheskie mehanizmy celeobrazovaniya [Psychological mechanisms of goal-setting]. In O. K. Tihomirov (ed.). Moscow: Nauka, 1977, 258 p. [in Russian].
4. Ob uchrezhdenijah i organah, ispolnjajushhih ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody: Zakon RF ot 21.07.1993 № 5473-1 (red. ot 28.12.2016) [On institutions and bodies that carry out criminal penalties in the form of deprivation of liberty: Law of 21.07.1993 № 5473-1 (as amended on December 28, 2016)]. *Vedomosti SND i VS RF* [Vedomosti SNM and the RF Armed Forces], 1993, no. 33, art. 1316 [in Russian].
5. Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu RF (UIK RF) ispolnilos' 10 let [The Criminal Executive Code of the Russian Federation (UIC RF) celebrated 10 years]. *Aktual'nye voprosy gosudarstva i prava v Federacii i v Respublike Makedonii: sb. nauch. statej* [Actual questions of the state and law in the

Russian Federation and the Republic of Macedonia], vyp. 1. In A. E. Sherstobitov (ed.). Moscow: Statut, 2006, 526 p. [in Russian].

6. Borsuchenko S. A. Inogda oni vozvrashhajutsja... [Sometimes they come back...]. *EZH-Jurist* [*Ezh-Yurist*], 2013, no. 32, pp. 1–4 [in Russian].

7. Publichnaja deklaracija FSIN Rossii na 2018 god: sayt Federal'noj sluzhby ispolnenija i nakanizacij [Public Declaration of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2018: site of the Federal Service for Execution and Punishment]. URL: http://fsin.su/activity/realizatsiya-kontseptsii-otkrytosti/Publichnaya%20deklaracija_2018.pdf (Accessed: 27.05.2018) [in Russian].

8. Brovskij P. A. Problemy social'noj adaptacii osuzhdennyh, osvobozhdajushhihsja iz mest lishenijsja svobody [Problems of social adaptation of convicts released from places of deprivation of liberty]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [*Woman in Russian society*], 2009, no. 2, pp. 56–65 [in Russian].

УДК 340

Бедняков Иван Львович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: 1981ivan@mail.ru

Ivan L. Bedniakov

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of criminal
procedure and criminology,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: crimlaw@samlawin.ru

В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье анализируются положения ряда правовых актов 1960–2018 гг., изменивших организацию досудебного производства по уголовным делам. Изучены особенности формирования органов предварительного расследования в Советском государстве в послевоенный период, их трансформации в условиях развенчания «культ личности» и периода «перестройки» 80-х гг. XX в. Проанализированы попытки создания единого следственного органа, предусмотренной Концепцией судебной реформы 1991 г. Рассмотрены отличительные черты двух форм предварительного расследования по УПК РСФСР 1960 г.: дознания и предварительного следствия. Изучены особенности реализации протокольной формы подготовки материалов как способа упрощенного производства в условиях очевидности совершенного деяния. Показана роль прокурора в организации предварительного расследования, его полномочия. На основе системного анализа положений уголовно-процессуального законодательства, ведомственных правовых актов сделан вывод о главенствующей роли прокурора при принятии ключевых процессуальных решений следователем. Обозначены основные черты организации досудебного производства в рассматриваемый период, повлиявшие на современное состояние уголовно-процессуального законодательства. Аргументирована необходимость постановки вопроса о реформировании досудебного производства по уголовным делам с целью повышения его эффективности и усиления состязательных начал.

Ключевые слова: следователь, прокурор, досудебное производство, предварительное расследование, милиция, прокуратура, протокольная форма подготовки материалов, Концепция судебной реформы, следственный комитет.

SEARCH OF THE OPTIMAL MODEL OF ORGANIZATION OF SUMMARY PROCEDURE IN CRIMINAL CASES

Summary. The article analyzes the provisions of a number of legal acts 1960–2018 which changed the organization of pre-trial procedure in criminal cases. The peculiarities of the formation of preliminary investigation bodies in the Soviet state during the postwar period, their transformation in the conditions of «personality cult» debunking and the period of «perestroika» in the 80s of the XX century are studied. Attempts have been made to create a single investigative body envisaged by the 1991 Judicial Reform Concept.

The peculiarities of two preliminary investigation forms under the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1960 are considered: investigation and preliminary investigation. The features of the realization of the protocol form for the preparation of materials as a method of summary procedure under the conditions of patent crime are studied. The role of the prosecutor in the preliminary investigation organization as well as his powers is shown. The conclusion about the primary role of the prosecutor in taking key procedural decisions by the investigator based on a system analysis of the provisions of the criminal procedure legislation, departmental legal acts is made. The main features of pre-trial procedure organization during the period under review which have affected the current state of the criminal procedural legislation have been defined. The necessity to raise the issue of reforming pre-trial procedure in criminal cases towards its effectiveness improving as well as strengthening adversarial principles is argued. The shortcomings of the legal regulation of the preliminary investigation in the historical period under review have been revealed and critically assessed.

Keywords: an investigator, a prosecutor, pre-trial procedure, a preliminary investigation, police, a prosecutor's office, a protocol form of material preparation, Judicial Reform Concept, an investigative committee.

В рамках реформ государственного аппарата 1956–1964 гг., направленных на устранение «перекосов» в управлении государством, произошли изменения, связанные с организацией предварительного расследования в период сталинизма [1, с. 14–18]. Согласно ст. 28 Основ уголовного

судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. (далее – Основы УС 1958 г.) осуществление предварительного следствия возлагалось на следователей прокуратуры, а по специальной категории дел – на следователей Комитета государственной безопасности.

Ст. 29 Основ УС 1958 г. устанавливала, что органами дознания является милиция, уполномоченные на то законом учреждения и организации, а также командиры воинских частей, соединений и начальники военных учреждений. Основной функцией органов дознания являлось проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях раскрытия преступлений. В случаях, не терпящих отлагательства, при установлении признаков преступления, орган дознания имел право возбудить уголовное, провести необходимые первичные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления с обязательным уведомлением прокурора. В иных случаях результаты деятельности органа дознания направлялись прокурору для утверждения и передачи в суд.

Однако рост преступности в СССР в начале 60-х гг. XX в. обозначил проблему недостаточности кадров прокуратуры для обеспечения своевременного расследования возросшего количества преступлений. Так, в 1960 г. в СССР было осуждено 516 091 чел., в 1961 – 799 816, в 1962 – 819 731 [2, с. 169]. Указом Президиума Верховного совета СССР от 6 апреля 1963 г., функция предварительного расследования в форме предварительного следствия была предоставлена Министерству охраны общественного порядка – МООП).

Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 14 декабря 1965 г. УПК РСФСР был дополнен п. 6а ст. 34, ст. 127.1, в соответствии с которыми был оформлен процессуальный статус «начальника следственного отдела», расширена подследственность следователей МООП. На начальника следственного отдела возлагался контроль за своевременностью действий следователей по раскрытию и предупреждению преступлений, принятие мер к полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам.

Самостоятельность следователя по принятию ключевых для движения уголовного дела процессуальных решений существенно ограничивалась. Рассматриваемое положение закона оформило институт процессуального контроля начальником следственного отдела за деятельностью следователя, предоставив возможность напрямую влиять на принятие важных процессуальных решений.

Еще более значительное ограничение самостоятельности следователей произошло в г., когда следственные отделы были включены в состав местных органов внутренних дел и стали подчиняться соответствующим начальникам – начальникам органа дознания. Такое решение всецело отвечало стремлению руководства МВД контролировать соответствующее направление работы, от результатов которой зависела оценка деятельности конкретного ОВД. Вместе с тем сложилась парадоксальная ситуация, когда следователь согласно положениям УПК РСФСР был вправе давать обязательные для исполнения указания своему начальнику, например, руководителю районного ОВД.

Прокурор в досудебном производстве по уголовным делам был наделен широким спектром полномочий, позволяющим требовать от следователя совершения определенных процессуальных действий, принятия процессуальных решений, давать санкцию на заключение обвиняемого под стражу, производство обыска. Прокурор не только осуществлял надзор за законностью предварительного расследования, но был вправе самостоятельно возбуждать/прекращать производство по уголовному делу, лично проводить следственные действия. На этапе завершения предварительного расследования прокурор принимал решение о передаче уголовного дела в суд (ст. ст. 211–217 УПК РСФСР).

Институт судебного контроля УПК РСФСР 1960 г. не предусматривал. Вместе с тем считалось, что социалистический суд и иные представители государства в уголовном процессе (прокурор, следователь, орган дознания) объединены одной целью – борьбой с преступностью. В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 26 августа 1966 г. отмечалось, что «...в борьбе с преступностью многие суды не добились еще тесной взаимосвязи с органами внутренних дел и прокуратуры... Судам принять меры по дальнейшему улучшению своей деятельности по борьбе с преступностью...»

На них возлагалась обязанность полно, всесторонне и объективно рассматривать уголовные дела, реагировать на все действия, имеющие признаки преступления. Для реализации этой цели суды были обязаны принимать сообщения о преступлении, возбуждать/отказывать в возбуждении уголовного дела (ст. ст. 109–115 УПК РСФСР), то есть выполняли полномочия представителей стороны обвинения.

Участие защитника на стадии предварительного расследования допускалось только на завершающем этапе – с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления обвиняемому для ознакомления всего производства по делу. По делам, по которым не производилось предварительного следствия, защитник допускался с момента передачи обвиняемого суду (ст. 47 УПК РСФСР).

Деятельность органов дознания по УПК РСФСР 1960 г. осуществлялась в двух формах:

- по делам, по которым предварительное следствие обязательно;
- по делам, по которым предварительное следствие необязательно.

Орган дознания был обязан при наличии повода и оснований возбудить уголовное дело, провести неотложные следственные действия и передать уголовное дело для производства предварительного следствия. Дальнейшие действия органа дознания по уголовному делу возможны только по поручениям следователя (ст. 119 УПК РСФСР). В остальных случаях орган дознания в срок до 10 дней проводил расследование по делу в соответствии с требованиями УПК РСФСР, установленными для предварительного следствия, с некоторыми исключениями (невозможность обжалования указаний прокурора, недопустимость участия защитника, непредъявление материалов потерпевшему).

Указ Президиума Верховного совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» установил ответственность за данный вид преступления и особенности производства по уголовным делам о хулиганстве. 24 августа 1966 г. в УПК РСФСР были внесены изменения и дополнения, в соответствии с которыми кодекс пополнился разделом 9 «Производство по делам о хулиганстве». По делам о неквалифицированном хулиганстве орган дознания должен был не позднее 5-дневного срока установить обстоятельства совершенного преступления и личность виновного. По результатам расследования составлялся протокол, утверждаемый начальником органа дознания, который после его санкционирования прокурором становился основанием для возбуждения дела судом и последующего рассмотрения. По делам о злостном хулиганстве предписывалось производство дознания в 20-дневный срок, а по делам о совершении хулиганства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия – не позднее 1 месяца со дня возбуждения уголовного дела.

Приведенные изменения законодательства были направлены на максимально оперативное реагирование государства на случаи, подпадающие под понятие «хулиганство», являли собой пример использования уголовно-процессуального законодательства в качестве механизма репрессий. Так, ст. 418 УПК РСФСР безальтернативно предписывала задерживать и содержать под стражей, а также избирать меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемых (подозреваемых) в хулиганстве. Впоследствии Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 13 декабря 1977 г. раздел девятый УПК РСФСР распространил действие и на мелкое хищение государственного или общественного имущества.

Кризис системы управления государством диктовал необходимость реагирования руководством страны на вызовы времени. К моменту начала «перестройки», связанной с коренными изменениями в идеологии, экономической и политической жизни Союза ССР, страну захлестнула волна преступности – увеличилось количество экономических преступлений, рэкет, умножилось уличное насилие, формировалась организованная преступность. Необходимость противодействия вызовам преступной среды в качестве одного из элементов требовала упрощение процессуальной формы расследования незначительных преступлений, совершенных в условиях очевидности.

Так, в январе 1985 г. гл. 34 УПК РСФСР получила наименование «Протокольная форма досудебной подготовки материалов» и предусматривалась для 16 составов преступлений (впоследствии около 40 составов преступлений). Протокольная форма подготовки материалов существенно упрощала порядок действия органа дознания по сообщению о преступлении:

- 10-дневный срок производства;
- не предусматривалась возможность производства следственных действий;
- не избиралась меры пресечения;
- возможность передачи материала в товарищеский суд, комиссии по делам несовершеннолетних для применения мер общественного воздействия либо трудовому коллективу или общественной организации для перевоспитания и исправления.

Применение протокольной формы досудебной подготовки материалов было возможно только при очевидности преступления и установлении правонарушителя, который подтверждает совершение им преступления. Однако протокольная форма подготовки материалов не являлась

формой предварительного расследования, которыми по УПК РСФСР оставались дознание и предварительное следствие.

В условиях жесткой централизации власти, проведения в жизнь руководящих указаний партии досудебное производство (как и весь уголовный процесс) было призвано реализовать репрессивное начало уголовной политики. Однако к концу 80-х гг. XX в. система органов предварительного расследования, отягощенная проблемами коррумпированности, зависимости от ведомственных интересов, влияния партийной элиты, испытывала серьезные внутренние проблемы и не вызывала доверия в обществе. В среде ученых и практиков возникла дискуссия о путях реформирования органов предварительного расследования. Так, занимавший пост Генерального прокурора СССР Н. С. Трубин высказался о необходимости ликвидации следственных подразделений в органах прокуратуры и создании независимого следственного комитета [3, с. 10].

Одним из направлений реформирования системы правоохранительных органов должно было стать создание единого следственного органа, который должен был стать независимым органом предварительного расследования в реформируемом уголовном процессе. Такая позиция обосновывалась в Концепции судебной реформы в РСФСР, утвержденной Постановлением Верховного совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. Однако работа по формированию законодательной базы такого правоохранительного органа была свернута в связи с роспуском Верховного совета осенью 1993 г.

Разработка нового УПК длилась около 10 лет. В составе Государственного правового управления администрации Президента РФ был создан отдел по судебной реформе, при котором в течение двух лет функционировала комиссия, подготовившая проект Уголовно-процессуального кодекса РФ. Начиная с 1996 г. над проектом кодекса работала комиссия при Министерстве юстиции РФ. Этот проект постепенно совершенствовался и в конечном счете лег в основу УПК РФ, принятого Государственной думой РФ в первом чтении 6 июня 1997 г. Однако лишь 22 ноября 2001 г. кодекс был принят в окончательном варианте.

Так, в УПК РФ сохранилось деление досудебного производства на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, производство предварительного расследования в двух формах – дознания и предварительного следствия, надзор прокурора за предварительным расследованием с возможностью влияния на его ход и результаты, во многом определяющие судебное решение итоги деятельности органа расследования. Новшеством, встретившим неодобрение со стороны практических работников, стала норма закона, в соответствии с которой уголовное дело считалось возбужденным с момента получения согласия прокурора (рассматриваемая норма изменена лишь в 2007 г.). Вместе с тем в досудебном производстве появился судебный контроль, расширены права участников процесса со стороны защиты. Однако монолитной конструкции досудебного производства по уголовным делам не получилось.

Со временем первоначальный вариант УПК РФ претерпел значительные изменения. Продолжавшаяся длительное время дискуссия о недопустимости совмещения в руках одного субъекта уголовного процесса и полномочий по предварительному расследованию, и надзора за его производством законодательно привела в 2007 г. к появлению такого субъекта уголовного процесса, как руководитель следственного органа. Следственный аппарат прокуратуры стал относительно самостоятельным ведомством, получив наименование Следственный комитет при прокуратуре РФ.

15 января 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». Как отмечалось в пояснительной записке к проекту данного закона, функционирование Следственного комитета вне системы прокуратуры Российской Федерации «создаст необходимые условия для эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, усилению взаимодействия следственных органов с органами прокуратуры, позволит повысить эффективность следствия, тем самым обеспечивая законность в сфере уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан».

Создание сначала Следственного комитета при прокуратуре РФ, а затем и Следственного комитета РФ привело к ожиданию присоединения к нему следственных подразделений иных правоохранительных органов (МВД России, ФСБ России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков). Однако с течением времени этого не произошло. Полномочия Следственного комитета РФ расширялись, велись дискуссии о целесообразности передачи ему полномочий по расследованию преступлений, отнесенных к компетенции ФСБ России и т. п. В феврале 2013 г. руководитель ФСКН РФ В. Иванов заявил, что утвержден график создания единого следственного

комитета, который начнет свою деятельность с 2016 г. [4], но уже в декабре 2014 г. он же сообщил о приостановке работы в данном направлении [5], а в апреле 2016 г. была ликвидирована Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков, единый же следственный комитет так и не был создан. Вместе с тем нельзя с уверенностью утверждать, что на этой идее поставлен крест.

Изложенное свидетельствует о том, что в действующем УПК РФ законодатель сохранил концепцию организации и функционирования органов предварительного расследования преступлений, сформированную еще в советской модели уголовного процесса. Однако практика свидетельствует о ее недостаточной эффективности на современном этапе, несоответствии состязательному типу уголовного судопроизводства. К настоящему времени назрел вопрос о пересмотре принципов организации досудебного производства и формировании новой концепции ее реализации.

Библиографический список

1. Бедняков И. Л. Законодательная регламентация досудебного производства по уголовным делам в советский период (1917–1960 гг.) // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 1(27)/2018. С. 14–18.
2. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2001. 362 с.
3. Трубин Н. С. Прокуратура должна заниматься своим делом // Социалистическая законность. 1991. № 3. С. 8–14.
4. Единый следственный комитет заработает через три года [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2013/02/26/sledstvie_solyut_k_vyboram (дата обращения: 30.06.2018).
5. Директор ФСКН сообщил о приостановке работы по созданию единого следственного комитета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2014/12/12/direktor-fskn-soobschil-o-priostanovke-raboty-po-sozdaniyu> (дата обращения: 30.06.2018).

References

1. Bednikov I. L. Zakonodatel'naya reglamentaciya dosudebnogo pro-izvodstva po ugovolnim delam v sovetskii period (1917–1960) [Legislative regulation of pre-trial proceedings in criminal cases during the Soviet period (1917-1960)]. *Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Bulletin of the Samara legal institute: scientific and practical journal], 2018, no. 1(27), pp. 14–18 [in Russian].
2. Kriminologiya: uchebnik dlay vuzov [Criminology: A extbook for High Schools]. In A. I. Dolgova (ed.). Moscow, 2001, 362 p. [in Russian]
3. Trubin N. S. Prokuratura dolzhna zanimatsya svoim delom [The prosecutor's office must deal with his case]. *Socialisticheskaya zakonnost* [Socialist legality], 1991, no. 3, pp. 8–14 [in Russian]
4. Edinyi sledstvennyi komitet zarabotaet cherez tri goda [A single investigation committee will work in three years]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2013/02/26/sledstvie_solyut_k_vyboram (Accessed: 30.06.2018) [in Russian].
5. Direktor FSKN soobshchil o priostanovke raboty po sozdaniyu edinogo sledstvennogo komiteta [The director of the FDCS reported on the suspension of the work on the creation of a single investigation committee]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2014/12/12/direktor-fskn-soobschil-o-priostanovke-raboty-po-sozdaniyu> (Accessed: 30.06.2018) [in Russian].

УДК 340

Габараев Алан Шотаевич

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
19991, г. Москва, ул. Житная, д. 14,
e-mail: gabiron@mail.ru

Alan S. Gabaraev

Candidate of Political Science,
Senior Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Zhitnaya str., 14, Moscow, Russia, 119991,
e-mail: gabiron@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14,
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Law, Associate Professor,
Chief Research Officer,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Zhitnaya str., 14, Moscow, Russia, 119991,
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

**УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ:
ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования первоначальной правопримени-
тельной практики исполнения нового вида наказания – принудительных работ. Авторы выявляют недо-
статки правового регулирования и организации функционирования исправительных центров territori-
альных органов ФСИН России. Предлагаются меры по совершенствованию и оптимизации института
принудительных работ, в частности, утвердить Инструкцию по организации исполнения наказания в виде
принудительных работ; разработать алгоритм исчисления заработка подучетных ИЦ (УФИЦ) и произ-
водства вычитаний в государственную казну; определить порядок формирования и согласования перечня
организаций и предприятий, в которых будут отбывать наказание осужденные к принудительным рабо-
там; обеспечить гарантированное трудоустройство осужденных к принудительным работам; конкрети-
зировать порядок водворения осужденных в помещение для нарушителей и их содержания в данных поме-
щениях и др.

Ключевые слова: наказания, альтернативные лишению свободы; принудительные работы; испра-
вительные центры; уголовно-исполнительная политика.

**CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR: THE FIRST PROBLEMS
OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Summary. This article presents the results of the study of the initial law enforcement practice of execution
of a new type of punishment – forced labor. The authors reveal the shortcomings of legal regulation and organiza-
tion of the functioning of correctional centers of the territorial bodies of the Federal penitentiary service of Russia.
The measures for improvement and optimization of the institution of punishment in the form of forced labor are pro-
posed, in particular, to approve the Instruction on the organization of execution of punishment in the form of forced
labor; to develop an algorithm for calculating the earnings of accounting IC (UFIC) and the production of deduc-
tions to the state Treasury; to determine the order of formation and coordination of the list of organizations and
enterprises in which convicts will serve their sentences for forced labor; to ensure guaranteed employment of con-
victs for forced labor; to specify the order of placing convicts in the premises for violators and their detention in
these premises, etc.

Keywords: punishment alternative to deprivation of liberty, forced labor, detention centers, penal policy
of the state.

В рамках продолжающегося реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС)
России в конце 2011 г. законодатель расширил институт наказаний, альтернативных лишению сво-
боды. Наряду с наказанием в виде лишения права занимать определенные должности

или заниматься определенной деятельностью, исправительными и обязательными работами, ограничением свободы в ст. 44 УК РФ, п. «з. 1» Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ введены принудительные работы.

Но правоприменительная практика начала свое исчисление лишь с начала 2017 г., так как в силу ряда организационно-финансовых причин введение нового вида наказания прежде трижды откладывалось [1].

Ретроспективный анализ генезиса института принудительных работ показывает, что его применяли в системе уголовного права имперской России дореформенного времени через реализацию ссылки или каторжных работ.

По мнению Б. З. Маликова и Т. Г. Алексеева, принудительные работы в современной конфигурации, по сути, являются усовершенствованной версией исходного варианта ограничения свободы [2, с. 20–21].

Смысловая архитектура сущности первого проекта института ограничения свободы состояла в содержании осужденного лица в специальном учреждении без лишения свободы, с привлечением к оплачиваемой трудовой деятельности под надзором администрации учреждения, то есть содержание принудительных работ во многих аспектах совпадает с конфигурацией характеристик института ограничения свободы, внесенного в разработанный и принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации.

Подобную точку зрения разделяет Р. З. Усеев, который считает, что «законодатель поменял сущность наказания в виде ограничения свободы, его порядок и условия исполнения (отбывания) на вводимое наказание в виде принудительных работ. Естественно, порядок и условия исполнения и отбывания наказания в виде принудительных работ в некоторой степени дополнены и изменены» [3, с. 22].

В специальной литературе достаточно полемичными остаются вопросы, связанные с полнотой, конкретностью, дискреционностью назначения и применения принудительных работ. Отмечается его транзитивный характер в дихотомии института лишения свободы и наказаний, не связанных с лишением свободы [4, с. 62].

В настоящее время в УИС функционирует 8 исправительных центров (далее – ИЦ), а также 15 изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительный центр (далее – УФИЦ). При этом в рамках запланированных организационно-практических мероприятий на 2018 г. предусмотрено создание 10 ИЦ и 38 УФИЦ. В результате лимит наполнения учреждений, созданных для отбывания принудительных работ превысит, 5 тыс. человек.

В целом введение нового вида наказания – принудительных работ – лежит в концептуальной парадигме гуманизации пенитенциарной политики России. Тем не менее реализация принудительных работ выявила немало проблем в ходе правоприменительной практики, что серьезно ограничивает область его применения.

Специалисты и практические работники ИЦ и УФИЦ территориальных органов ФСИН России обращают внимание на необходимость совершенствования нормативной базы и организации отбывания принудительных работ.

Анализ деятельности функционирующих исправительных центров, осуществленный на основе проведенного ФКУ НИИ ФСИН России исследования, позволил выявить несовершенство нормативной базы, регламентирующей исполнение принудительных работ.

Осужденные к принудительным работам, содержащиеся в исправительных центрах УИС, отбывают уголовные наказания в основном по ст. ст. 119, 157, 158, 228, 264 и др. [5, с. 17] (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные статьи УК РФ, по которым осуждены лица, отбывающие принудительные работы

В ходе анкетирования большинство сотрудников ИЦ и УФИЦ территориальных органов ФСИН России отметили, что вопросы, связанные с трудоустройством осужденных, являются наиболее актуальными. Данная проблема возникает из-за ограниченности рынка труда в местах расположения ИЦ и УФИЦ.

Анализ показал, что в базе данных государственной биржи труда вакантными являются лишь неквалифицированные профессии: подсобный рабочий, грузчик, дворник уборщик производственных и офисных помещений и др., и практически 100 % осужденных к принудительным работам отбывают наказание в подобных малоквалифицированных профессиональных нишах.

Учитывая то обстоятельство, что количество подобных рабочих мест тоже лимитировано, расширение судебной практики назначения принудительных работ может привести к серьезным проблемам с трудоустройством указанной категории осужденных.

Ситуация осложняется тем, что законодатель не установил порядок и не разъяснил процедуру привлечения осужденных, отбывающих наказания в ИЦ и УФИЦ, к труду (ч. 3 ст. 53.1 УК РФ, ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ). Часть 5 ст. 53.1 УК РФ предусматривает осуществление соответствующих вычетов из жалования осужденного в бюджет государства, однако законодатель не конкретизирует этот порядок, не указывает контролирующие органы и уполномоченные лица. Данные обстоятельства создают предпосылки к возможным нарушениям законодательства.

В этой связи представляется возможным предусмотреть вариант самостоятельного трудоустройства осужденного по согласованию с администрацией исправительного центра.

Достаточно перспективным представляется обеспечение гарантированного трудоустройства осужденных к принудительным работам за счет квотирования рабочих мест на федеральном уровне. При этом можно было бы предоставить преимущественное право трудоустройства осужденным к принудительным работам в организациях, в которых предусмотрены квоты для трудоустройства иностранных граждан.

Практические работники обращают внимание на отсутствие у ИЦ штатного служебного автотранспорта.

Пунктом 15 Порядка осуществления надзора за осужденными к принудительным работам, утвержденного приказом Минюста России № 311, предусмотрен ежедневный контроль (проверка не реже одного раза в день) по месту пребывания (лечения, работы, проживания) осужденных лиц [6].

Однако данный контроль за осужденным вне пределов ИЦ трудно обеспечить из-за отсутствия у ИЦ штатного служебного автотранспорта. По мнению практических работников, в штатном расписании ИЦ необходимо предусмотреть должность служащего водителя и единицы служебного автотранспорта.

Проведенное исследование показало, что требуют доработки Правила внутреннего распорядка ИЦ и УФИЦ, связанные с условиями содержания осужденных-нарушителей в соответствующих помещениях (в частности, следует конкретизировать перечень вещей и предметов, разрешенных во время отбывания наказания).

Требуют регламентации и действия сотрудников ИЦ в случае отказа осужденного от водворения в помещение для нарушителей, в части применения физической силы, спецсредств и иных действий.

Несмотря на то что в Правилах внутреннего распорядка ИЦ УИС обозначены условия содержания нарушителей в соответствующих помещениях, отсутствует информация об ограничениях – предметах, которые запрещено иметь при себе осужденному, водворенному в помещение для нарушителей.

Необходимо законодательно (в гл. 10) определить порядок организации питания осужденных к принудительным работам, питающихся за счет личных средств, предусмотреть первичный медицинский осмотр, санитарно-гигиенический надзор [7].

Имеется необходимость ввести в штатное расписание ИЦ должность медицинских работников. Так, приказом Минюста России от 01.12.2016 № 271-дсп «Об утверждении порядка проведения обысков и досмотров в ИЦ УИС» предусмотрено обязательное участие медработника при проведении обыска осужденного с полным раздеванием, при этом порядок вызова, участия и ведомственная принадлежность (УИС или Минздраву) не определена, а штатной структурой ИЦ медработник не предусмотрен.

Требует проработки вопрос о размещении в исправительном центре осужденных с различными видами социально значимых заболеваний (ВИЧ, туберкулез, гепатит «В, С», психические расстройства, наркотическая зависимость и др.).

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным утвердить Инструкцию по организации исполнения наказания в виде принудительных работ, где будет прописан порядок привлечения осужденных к трудовой деятельности, права, обязанности и ответственность субъектов уголовно-исполнительных правоотношений в данной части; разработать алгоритм исчисления заработка подучетных ИЦ (УФИЦ) и производства вычитаний в государственную казну; определить порядок формирования и согласования перечня организаций и предприятий, в которых будут отбывать наказание осужденные к принудительным работам; выработать коллегиальную процедуру разрешения осужденному проживать за пределами общежития ИЦ (УФИЦ); обеспечить гарантированное трудоустройство осужденных к принудительным работам; конкретизировать порядок водворения осужденных в помещение для нарушителей и их содержания в данных помещениях; с целью исполнения принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных к принудительным работам в ИЦ необходимо организовать деятельность медицинской службы и др.

Вероятно, решение этих вопросов должно найти отражение в уголовном и уголовно-исполнительном праве, а также подзаконных нормативных правовых актах. Таким образом, институт принудительных работ требует дальнейшей проработки и совершенствования с учетом возникающих проблем в правоприменительной практике.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362; 2012. № 53. Ст. 7632.
2. Маликов Б. З., Алексеев Т. Г. Уголовно-правовые проблемы принудительных работ // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний: материалы Междунар. науч.-теоретич. семинара, посвящ. памяти проф. Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева, 19 апр. 2013 г., г. Рязань. Рязань: Акад. ФСИН России, 2013. С. 20–21.
3. Усеев Р. З. Исполнение уголовного наказания в виде принудительных работ: исторические аналогии // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 6. С. 18–22.

4. Бутенко Т. П. К вопросу о правовой природе уголовного наказания в виде принудительных работ // Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2013. № 62. С. 61–64.

5. Организационно-правовые проблемы исполнения наказаний в виде принудительных работ: аналитический материал. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. 17 с.

6. Об утверждении порядка осуществления надзора за осужденными к принудительным работам: Приказ Минюста России от 27.12.2016 № 311 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2018).

7. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 29.12.2016 № 329 (зарег. в Минюсте России 11.01.2017 № 45168) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2018).

References

1. O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 7 dekabrya 2011 goda № 420-FZ [About modification of criminal code of the Russian Federation and separate legal acts of the Russian Federation: Federal law of December 7, 2011, no. 420-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF [Meeting of the legislation of the Russian Federation]*, 2011, no. 50, st. 7362; 2012, no. 53, st. 7632 [in Russian].

2. Malikov B. Z., Alekseev T. G. Ugolovno-pravovye problemy prinuditel'nykh rabot [Criminal law problems of forced labor]. *Aktual'nye problemy ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ispolneniya nakazaniy: materialy Mezhdunar. nauch.-teoretich. seminar, posvyashch. pamyati prof. N. A. Struchkova i M. P. Melent'eva, 19 apr. 2013 g., g. Ryazan'* [Actual problems of criminal law and execution of : materials internat. scientific.-theoretical. seminar, devoted. memory prof. A. Struchkova and M. P. Melent'eva, 19 APR. 2013, Ryazan']. Ryazan': Akad. FSIN Rossii, 2013, pp. 20–21 [in Russian].

3. Useev R. Z. Ispolnenie ugolovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot: istoricheskie analogii [Execution of criminal punishment in the form of forced labor: historical analogies]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Criminal-Executive system: law, Economics, management], 2012, no. 6, pp. 18–22 [in Russian].

4. Butenko T. P. K voprosu o pravovoi prirode ugolovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot [On the legal nature of criminal punishment in the form of forced labor]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Amur state University. Series: Humanities], 2013, no. 62, pp. 61–64 [in Russian].

5. Organizatsionno-pravovye problemy ispolneniya nakazaniy v vide prinuditel'nykh rabot: analiticheskii material [Organizational and legal problems of execution of punishments in the form of forced labor]. Moscow: FКУ НИИ ФСИН России, 2017, p. 17 [in Russian].

6. Ob utverzhdenii Poryadka osushchestvleniya nadzora za osuzhdennymi k prinuditel'nym rabotam: Prikaz Minyusta Rossii ot 27.12.2016 № 311 [About the statement of the order of supervision of the condemned to forced labor: the Order of the Ministry of justice of Russia of 27.12.2016, no. 311]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 16.04.2018) [in Russian].

7. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh tsentrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: Prikaz Minyusta Rossii ot 29.12.2016 № 329 (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 11.01.2017 № 45168) [Approving the internal Regulations of correctional facilities of criminal Executive system: the Order of the Ministry of justice of Russia from 29.12.2016, no. 329]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 16.04.2018) [in Russian].

УДК 340

Касаткин Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: kasatka_s@bk.ru

Sergei N. Kasatkin

Candidate of Law, Assistant Professor,
Professor of the Department of theory
and history of state and law,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: kasatka_s@bk.ru

ССЫЛКА КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРЫ, КОЛОНИЗАЦИОННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ВЗГЛЯД Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Аннотация. Автор статьи обращается к исследованию института ссылки, предложенному выдающимся российским и польским правоведом профессором Санкт-Петербургского и Варшавского университетов Львом Иосифовичем Петражицким (1867–1931). Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что подобный аспект творчества Л. И. Петражицкого ранее не исследовался в зарубежной и отечественной литературе. Более того, рассматриваемое в статье исследование ученого демонстрирует применение его общеметодологического подхода («политики права») к конкретному случаю, вводя ценные рассуждения об институте ссылки и уголовном наказании в целом с точки зрения ценностей культуры и этического прогресса. В статье на базе общенаучных методов анализируются и обобщаются ключевые аргументы Л. И. Петражицкого против ссылки, а равно его итоговые выводы о причинах дефектности традиционных теорий ссылки (и наказания) и надлежащих ориентирах пенитенциарной политики государства. Отмечается значимость соответствующих взглядов Л. И. Петражицкого, трактующего наказание в более широком и комплексном контексте, в системе ценностей и средств культуры, инструментов колониальной и социальной политики, общих начал уголовного правосудия и правового строя, в либеральной политико-правовой перспективе, основанной на центрировании юридической аргументации и защите свобод личности.

Ключевые слова: Л. И. Петражицкий, ссылка, наказание, пенитенциарная политика, политика права.

THE EXILE AS A MEASURE OF CULTURE, COLONIZATIONAL AND SOCIAL POLICY: L. I. PETRAZHITSKII'S VIEW

Summary. This article addresses the study of an institute of exile, proposed by a prominent Russian and Polish legal thinker, a professor of Saint-Petersburg and Warsaw universities, Lev Iosiphovich Petrazhitskii (1867–1931). Topicality of the chosen theme is conditioned by a fact that such aspect of L. I. Petrazhitskii's work has not been examined in foreign and domestic literature. Moreover the scholar's study considered in the article demonstrates an application of his methodological approach («politics of law») to a concrete case, introducing meaningful thoughts about an exile and a punishment in general from the point of view of values of culture and ethical progress. Basing on general scientific methods the article offers an analysis and systematization of L. I. Petrazhitskii's key arguments against an exile as well as of his final conclusions as to reasons of defectiveness of traditional theories of exile (and punishment) and due guidelines of penitentiary policy of a state. A significance of L. I. Petrazhitskii's relevant views is emphasized concerning the scholar's interpretation of punishment in a more broad and complex context, in a system of values and measures of culture, instruments of colonial and social policy, general principles of criminal justice and legal order, within a liberal political and legal perspective based on a priority of legal argumentation and protection of person's freedoms.

Keywords: L. I. Petrazhitskii, exile, punishment, penitentiary policy, politics of law.

Идеи выдающегося правоведа Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931) [1; 2] продолжают привлекать к себе внимание исследователей в России и за рубежом. На первый план здесь выходит проблематика теории и философии права (а также методологии социальных наук), связанная прежде всего с обсуждением его оригинальной психологической трактовки права и ее импликаций для современного правоведения [3; 4; 5]. В рамках же данной статьи предлагается рассмотреть неисследованные в литературе пенитенциарные идеи Л. И. Петражицкого. Речь идет об

одном из ранних и весьма содержательных очерков 1899 г. «Ссылка преступников с точки зрения культуры, колонизационной и социальной политики», где институт ссылки рассматривается ученым в контексте его общей политико-правовой концепции права как инструмента культуры и этического прогресса. В основу очерка положена записка 1897 г., подготовленная автором для Уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества в связи с предстоящим конгрессом Международного союза криминалистов в Лиссабоне и критически обсуждающая аргументы в пользу ссылки в западной и отечественной литературе [6].

Отправной точкой в рассуждениях Л. И. Петражицкого является утверждение о неудовлетворительности и неуспешности института ссылки так, как он практиковался в прошлом и в современной ученому действительности. По словам автора, опыт обнаруживает и подтверждает дефекты ссылки: ее дороговизну, трудность, невозможность успешного устройства семейного быта ссыльных (так называемый «женский вопрос»), сложности в транспортировке преступников, в устранении произвола и иных злоупотреблений со стороны местной администрации ссылки (далекой от контроля центрального руководства и обычно состоящей не из лучших представителей пенитенциарного дела) и т. п. [6, с. 1002–1003]. Вместе с тем отмеченные дефекты ссылки традиционно связываются ее защитниками не с идейным существом или принципом данного института, а с несовершенством практикуемых способов ее осуществления, потенциально устранимым в будущем. По Л. И. Петражицкому, за подобным оптимистическим взглядом стоит восприятие ссылки не только как карательного средства, но и как средства колонизации, устройства дальнейшего быта и исправления преступников, а также обеспечения и очищения страны от опасного преступного элемента [6, с. 1003]. Однако, замечает автор, эти очевидные на первый взгляд соображения не выдерживают внимательной критики: «с точки зрения колонизационной и социальной политики ссылка должна быть признана... вредной и антикультурной мерой» [6, с. 1003]. Отстаивая данный тезис, ученый разбирает аргументы, используемые в защиту ссылки, более подробно.

1. *Ссылка и культурный уровень колоний.* Л. И. Петражицкий констатирует общепризнанность вредного влияния ссылки на нравственный уровень колоний: «окрепнувшие и осознавшие свои культурные интересы колонии протестуют обыкновенно против ссылки, указывая на несправедливость и эгоизм политики метрополии, освобождающей себя от подонков общества и массы нравственного яда путем перенесения их в среду общества колоний». Однако, подчеркивает автор, здесь имеет место не просто перенесение «нравственного яда» из одного общества в другое, но и «усиление действия и силы переносимого вредного фактора» [6, с. 1003]. Последнее, по мнению ученого, зависит от двух причин. Во-первых, если в метрополии нравственный яд, воплощаемый преступным элементом, находится в рассеянном состоянии и не может оказывать разлагающего влияния на общество, то при переносе в колонию этот яд концентрируется и получает силу серьезного фактора, который общество колонии не в состоянии нейтрализовать, что вызывает крайне вредное давление на общий культурный и нравственный уровень страны [6, с. 1003–1004, 1072]. Во-вторых, если в метрополии, где есть прочные обычаи и традиции, преступники «не в состоянии понизить ее общий культурный уровень или придать ему неблагоприятную окраску», то при переносе в колонию, где культура молодого общества еще находится в стадии зарождения и неопределенности, преступный элемент выступает «отрицательным фактором образования и развития характера молодой и впечатлительной культуры» [6, с. 1004].

При этом, подчеркивает Л. И. Петражицкий, вопреки традиционным утверждениям указанные причины действуют не только на собственно нравственный, но и на другие элементы культуры. Так, правила и обычаи вежливости, деликатности и эстетичности в общественном быту, общественные нравы и обычаи в целом (не относящиеся к этике в узком смысле слова) в колонии получают более некультурный и грубый тон: «такие проявления грубости, которые в метрополии являются отдельными, шокирующими общественное мнение диссонансами, делаются в местах ссылки обычным явлением, не только не вызывающим удивления, возмущения и порицания со стороны других граждан, но и стремящимся кристаллизироваться в культурный тип, в основание для подражания и приспособления» [6, с. 1004–1005]. То же касается чувства святости и ненарушимости права и вообще прочного правового чувства, а также самого права, приобретающего в колонии менее цивилизованный характер. Согласно автору, чтобы удовлетворять своей задаче, право «должно быть приспособлено к психическому и, в частности, этическому уровню подлежащих его психическому воздействию и руководству людей» [6, с. 1005]. Скопление же ссыльных в колонии «неминуемо и естественно должно препятствовать воплощению и развитию идеи гуманности, мягкости и свободы в праве и вести к большей грубости и деспотичности права, органов и способов

его осуществления, в частности, к умалению свободы граждан и усилению деспотизма администрации» [6, с. 1005].

Как следствие, резюмирует Л. И. Петражицкий, колониционную ссылку следует признать «не только мерой, переносящей нравственное зло из метрополии в колонию, то есть мерой относительно вредной, но и явлением абсолютно бескультурным, создающим и усиливающим антикультурные факторы, так что бороться против нее следует не только с точки зрения нравственных интересов колонии, но и с точки зрения культуры человечества в целом» [6, с. 1005].

2. *Экономическая целесообразность ссылки.* Л. И. Петражицкий признает относительную успешность ссылки как средства, обеспечивающего основание и развитие материального процветания колонии. Так, при наличии естественных богатств и иных благоприятных условий на территории ссылки и одновременном недостатке рабочих рук и капиталов для эксплуатации этих богатств, доставка ссыльных рабочих и организация первоначальных устроительных работ (например, путей сообщения) могут способствовать более скорому и легкому экономическому развитию колонии (как, например, в Австралии) [6, с. 1005–1006].

Однако, замечает автор, данная сторона ссылки – и соответствующая аргументация – не адекватны современным ему экономическим и социальным условиям, когда предложение свободных рабочих рук и капиталов постоянно растет, получая общемировой характер, и, как следствие, нет опасности, что новая богатая естественными дарами местность останется без населения и эксплуатации без искусственного пионерства или что частная предприимчивость не сможет организовать более обширных первоначальных работ. В современной мировой экономике, продолжает ученый, на первый план выступают вопросы о том, «где и как можно отыскать место для эксплуатации предлагаемых в изобилии и ищущих приложения трудовых сил и капиталов», а против всякого искусственного плана по эксплуатации сил природы какой-либо местности говорит презумпция, что «такая искусственная и принудительная экономическая политика нерациональна, неэкономична» [6, с. 1006]. Все это, резюмирует Л. И. Петражицкий, в корне уничтожает рассмотренное экономическое значение ссылки: теперь и в будущем следует предполагать, что «причиной отсутствия или недостаточной эксплуатации естественных богатств данной местности является не ее отдаленность или неизвестность... мешающая продуктивным силам устремляться туда, а, напротив, то обстоятельство, что такое направление продуктивных сил было бы неэкономичным или вообще неудачным» [6, с. 1006, 1072].

3. *Ссылка и решение социально-трудового вопроса.* Далее Л. И. Петражицкий обсуждает аргумент о социальном значении ссылки, согласно которому данный институт устраняет вредную с социальной точки зрения конкуренцию тюремного труда и производства со свободным трудом, лишаящую заработка свободных рабочих. По мнению ученого, тюремному труду здесь приписывается значение, которое на деле ему вряд ли принадлежит. Более того, данный аргумент и связанное с ним недовольство игнорируют то обстоятельство, что тюремные мастерские не создают новых рабочих сил, но лишь сообщают им новое направление: человек, поступая в тюрьму и становясь новым конкурентом для одних, одновременно освобождает от конкуренции (или от еще более вредного воздействия) других. К тому же при постоянной и длительной работе тюремных мастерских в определенной местности происходит адаптация народной экономики, что исключает социальный вред [6, с. 1073]. Таким образом, замечает автор, «обвинение тюрьмы с этой точки зрения... может заключаться только в том, что она не удаляет из страны избытка рабочих рук (и желудков), каковой цели служит ссылка» [6, с. 1073].

Однако и при такой постановке вопроса ссылка не рассматривается Л. И. Петражицким в качестве «разумного средства политики народонаселения». По его мнению, даже широкое приращение ссылки не упраздняет ни социального вопроса о превосходстве предложения труда над его спросом в метрополии и необходимой заботы о других мерах регулирования народонаселения, ни, в частности, заботы о регулировании свободного переселения и водворении добровольных переселенцев (государство должно дорожить свободными территориями, годными для водворения избытка рабочих рук, – размещая там ссыльных, оно умалывает способность данных местностей к принятию добровольного переселения). В этом отношении, настаивает ученый, ссылка составляет конкуренцию именно свободному переселению и водворению избытка рабочих рук из метрополии, являясь по сравнению с ним ущербным и в действительности вредным средством социальной политики народонаселения [6, с. 1073–1074].

Согласно Л. И. Петражицкому утверждение о том, что ссылка, как и добровольное переселение, является клапаном для отвода излишка народонаселения, основано на механическом

и поверхностном понимании рассматриваемого социального вопроса и существа задач соответствующей политики. Действия государства по механическому уменьшению народонаселения в стране не облегчили бы социального зла (то есть невозможность приложения всех наличных рабочих сил), а усилили бы его, порождая новые замешательства и источники безработицы: «излишек трудового народонаселения, причиняющий социальные бедствия, может всецело или отчасти состоять именно в недостатке трудового народонаселения», в связи с чем наилучшим решением здесь могло бы быть «увеличение количества такого рода труда, который бы создал приложение и спрос для людей, являющихся теперь в народной экономии [ке] излишними» [6, с. 1074]. Отсюда, по Л. И. Петражицкому, «существо задачи социальной политики народонаселения есть не механическое и числовое, а органическое и качественное. Вопрос состоит не в удалении из страны каких бы то ни было людей, лишь бы уменьшить количество предложения труда... [ибо это может оказаться лекарством не устраняющим, а усиливающим болезнь], а прежде всего в правильном подборе удаляемых и оставляемых лиц» [6, с. 1074–1075].

Данный вывод, продолжает ученый, обнаруживает несостоятельность взгляда на ссылку как на средство решения социального вопроса, по сути, предлагающего «заменить естественный и органический переселенческий подбор механическим и искусственным уменьшением количества населения метрополии» [6, с. 1075]. Рекомендуемое здесь основание отбора с точки зрения решения социального вопроса больше похоже на жребий: если добровольное переселение направляется и изменяется сообразно экономической конъюнктуре (исходя из излишков предложения определенного рода и вида труда в метрополии и его недостатка в колонии), то институт ссылки «игнорирует все эти факторы и вместо них устанавливает неизменный, формальный и с интересующей нас точки зрения случайный признак – совершение известных тяжких правонарушений» [6, с. 1075]. Не учитывает институт ссылки и индивидуальных условий быта, характера и вообще индивидуальной приспособленности к переселению каждого переселенца. Только при добровольном переселении можно ожидать безболезненного и безвредного отделения переселенца от общественного организма метрополии и его успешного вхождения в организм колонии (тем самым учета многочисленных индивидуальных факторов: здоровья, энергии и предприимчивости переселенца, отсутствия рутинной и узкой специализации в трудовых знаниях, привычках и стремлениях, его семейного положения, привязанности к родине и родным, и пр.) [6, с. 1075–1076]. Таким образом, резюмирует автор, даже при отдельных ошибках, добровольное переселение обеспечивает во многом «правильное и органически комбинированное воздействие со стороны изменяющихся общественно-экономических и индивидуальных факторов. Ссылка же необходимо является в значительной степени жребием, без разбора падающим на годный и негодный для переселения материал» [6, с. 1076].

4. *Ссылка и исправление преступника.* Из приведенных соображений вытекает и оценка Л. И. Петражицким одного из важнейших аргументов в пользу ссылки, согласно которому данный институт путем водворения и доставления преступнику возможности достигнуть в колонии материальных успехов и хозяйственного благосостояния делает его полезным членом общества. По мысли ученого, ссылка действительно может вести к подобным результатам, если страна изобилует естественными богатствами и не имеет людей для их эксплуатации (Австралия): при наличии таких источников легкой, быстрой и одновременно законной наживы введение преступников в законную экономическую колею может быть в значительных размерах достигнуто в колонии с большим успехом, нежели в метрополии. В то же время существование в колонии более трудных условий (Сибирь, Сахалин) по сравнению с метрополией, наоборот, препятствует исправлению преступников. К тому же в складывающейся ситуации мирового рынка труда и капитала упомянутые благодатные страны более не представлены, а свобода некой территории от наплыва переселенцев и капитала свидетельствует против экономической привлекательности эксплуатации данной колонии [6, с. 1076–1077].

Однако главное возражение Л. И. Петражицкого здесь состоит в том, что в силу отмеченной ранее случайности критерия для выбора годного и приспособленного для переселения «материала» ссылка по своему существу ухудшает условия для дальнейшей успешной легальной хозяйственной деятельности большинства принудительных переселенцев (перевесить это могут лишь чрезвычайные преимущества колонии по легкости извлечения и присвоения ее естественных богатств). Как отмечает автор, большинство ссыльных при переселении лишаются самого существенного капитала, обеспечивавшего их успешную деятельность в метрополии, – приложимой здесь профессии, знаний и опыта: «Чем выше культура и специализация труда, знания и вообще

хозяйственной приспособленности в том месте, из которого прибывают в колонии ссыльные, тем больше ссылка означает уничтожение того существенного и второй раз в жизни не легко приобретаемого капитала, который заключается в профессии» [6, с. 1077–1078]. Кроме того, продолжает ученый, нельзя игнорировать и «той психологической истины, что уже само сознание бесполезности и неприложимости своего мастерства, ловкости и знания ведет к упадку энергии, к апатии и бессилию. Тоска по родине и родным, отсутствие привычных... культурных удобств, развлечений и удовольствий тоже не способствует развитию или... сохранению прежней энергии, жизнерадостности и трудоспособности... Естественным последствием отсутствия тех удовольствий, которые были на родине, в том числе общества честных девушек и женщин, является апатия, перемежающаяся с пьянством, искусственным разгулом и грубым или даже противоестественным развратом» [6, с. 1078].

5. *Ссылка как способ «очищения» метрополии.* Л. И. Петражицкий соглашается с распространенным доводом, согласно которому ссылка «очищает» метрополию от опасных элементов: при должных мерах безопасности «штрафная колония не может быть источником опасности и помехой для развития благосостояния иного общества, если она вполне изолирует ссыльных и не допускает их смешения со здоровым и нормальным обществом... Опасности преступлений и деморализующее влияние преступников осуществляются только в пределах штрафной колонии» [6, с. 1079].

Вместе с тем ученый фиксирует внимание на обратной стороне данного вопроса. При оценке института ссылки ключевым выступает мотив безопасности метрополии (а не колонии) [6, с. 1080]. Более того, если при организации штрафной колонии (учитывая неизбежное здесь отсутствие достаточного для устройства семейного быта количества женщин и действие смертоносного климата) происходит быстрое ее вымирание и пополнение состава только новыми транспортом преступников, то «мы имеем дело с явлением, похожим не на выбрасывание нечистот во двор соседа, как при ссылке колонизационного типа, а на сжигание нечистот или истребление вредных насекомых, роль которых играют в данном случае *люди*. Но чем больше штрафные колонии приближаются к такому типу общественного [крематория]... тем более неуместны имеющие вид гуманности и культурности указания на возвращение преступников в лоно общества, колонизацию и т. п., тем больше противоречий вносится в защиту института» [6, с. 1079].

Давая *общую оценку* различным доводам в пользу ссылки и проектам ее организации, Л. И. Петражицкий подчеркивает: зачастую ссылка оказывается прекрасным институтом в теории и весьма неудачным – на практике. С одной стороны, это обусловлено противоречивостью соответствующих «теорий», их поверхностностью и механистичностью в отношении как к экономическим и социальным явлениям, так и к сложным и деликатным особенностям человеческого индивида, его психической природы [6, с. 1078]. С другой стороны, что особенно акцентируется автором, это обусловлено оппортунизмом в самой постановке и приемах решения вопроса (присущего науке и государственной практике): «...К принципам и задачам юстиции в чистом и высоком значении этого слова здесь постоянно примешивается, искажая и отодвигая их на задний план, погоня за всевозможными добавочными практическими целями... Единый и прямой путь уголовного правосудия, его задач и принципов в этой области теряется и исчезает, сменяясь множеством окольных дорожек, ведущих к разным побочным выгодам и мелким целям, относящимся к области разнообразных задач т. н. полицейской деятельности государства, поли [тике]... безопасности и благосостояния» [6, с. 1080]. Источник подобных искушений, по Л. И. Петражицкому, корениться в самой природе ссылки, связанной с перемещением и возможностью использования разнообразного человеческого материала: «здесь имеется весьма благодатная и обильная почва для разных побочных видов и целей как политики удаления нежелательных участников общения, так и политики извлечения разных выгод из добываемого таким образом и подлежащего свободному распоряжению в другом месте человеческого материала» [6, с. 1081]. Этому же способствует «отчасти наивный и бессознательный, отчасти сознательный эгоизм метрополии как по отношению к колониям, так и по отношению к сбываемым с рук и с глаз своим провинившимся членам» [6, с. 1081].

Так или иначе, Л. И. Петражицкий отвергает подобные научные теории, образовательные курсы, а равно государственную уголовную и пенитенциарную политику и практику как в отношении ссылки, так и в отношении любого другого наказания: «...Независимо от такой эгоистической и несогласной ни с началами достоинства человеческой личности, ни с гуманностью и справедливостью подкладки, ждать добра от всей этой литературы и практики нельзя именно потому, что прямой и принципиальный путь юстиции здесь извращается оппортунистической погоней за добавочными выгодами. Такой... субсидиарный оппортунизм... в самой природе своей содержит

источник опасности и зла. Мешая достижению основной задачи и искажая соответственные основные принципы, он в то же время осужден на неудачу в достижении выгод, добываемых на чуждой и несоответствующей цели почве... Безусловно, вредно... [и для образования, и для государственной политики], если в дело науки вносится побочный элемент специальных партийных или иных политических видов и целей... Весьма интимные и чуткие струны индивидуальной и общественной совести затрагивает карательная функция государства. Стремиться к утилизации преступлений граждан и уголовных кар для достижения разных побочных выгод и целей принципиально не следует... Желательно, чтобы наука уголовного права поставила вопрос о ссылке исключительно на почву задач и начал уголовного правосудия, отвергнув принципиально и наперед погоню за разными чуждыми уголовному правосудию и с ним несоединимыми целями. При такой постановке вопроса едва ли бы ссылка продолжала находить защитников, и прожектерству на этой почве и самой ссылке пришел бы скоро конец» [6, с. 1081–1082].

Данный принципиальный вывод сопровождается у Л. И. Петражицкого рядом иных итоговых позиций. Во-первых, рассмотренные аргументы в пользу ссылки (прежде всего из западной литературы) показывают свою большую несостоятельность применительно к российскому контексту с ее удаленными губерниями (Сибирь и Сахалин), а не отдаленными заморскими колониями: в этих условиях «перемещение преступных элементов из одних частей государства и концентрирование их в других приобретает с культурной точки зрения еще более ненормальный характер, колонизационные и т. п. планы еще менее уместны, и вследствие отсутствия изоляции места ссылки применение ее с точки зрения политики безопасности тем менее выдерживало бы критику. Напротив, именно с этой точки зрения перенесение преступного люда в губернии с менее организованной администрацией вообще и полицией безопасности в частности является только отрицательной, усиливающей зло мерой» [6, с. 1082].

Во-вторых, по мнению ученого, применяемый в России институт административной ссылки как «некультурное средство», подлежит отмене, а равно компенсации, сообразной началам и принципам правового строя: «...Последней и важнейшей основой не только личной и имущественной безопасности, но вообще государственного порядка и материального и морального благосостояния народа является развитие и укрепление принципиального уважения к личным и имущественным правам и вообще здорового правосознания. Такое развитие и укрепление правосознания, а равно необходимая и с экономической точки зрения уверенность в прочности своих прав и своей личной и хозяйственной будущности, в корне колеблются и подкапываются институтом, дающим возможность по [нередко] личным... и посторонним мотивам произвольно разрушить личное и имущественное благосостояние человека, поразить его существеннейшие права личности. Именно для доставления гарантии гражданских прав и безопасности необходимо институт административной ссылки заменить согласными с началами права и государства мерами» [6, с. 1083].

Наконец, в-третьих, автор подчеркивает полную обоснованность финансовых расходов на соответствующее преобразование карательного механизма и в целом на создание правильной пенитенциарной системы государства: «Затраты на такое великое культурное дело, несомненно, с излишком окупятся даже в материальном... смысле, не говоря уже о благих культурных и, в частности, моральных результатах... Вполне достойной и правильной может быть только такая постановка вопроса: об отсутствии средств на правильную организацию юстиции и, в частности, на карательную систему, соответствующую задачам и принципам культурного государства, не может быть вовсе и речи. Дело идет об элементарной потребности правового и цивилизованного общежития» [6, с. 1082].

Завершая рассмотрение научных воззрений Л. И. Петражицкого, следует отметить их сохраняющуюся значимость для сегодняшнего осмысления института ссылки и уголовного наказания в целом. В отличие от традиционной литературы по наказанию ученый предлагает рассмотрение института ссылки в широком и комплексном контексте: экономическом, социокультурном, психологическом, юридикто-политическом, историческом, компаративном. Институт ссылки обсуждается им в свете более общих параметров социального порядка и задач государственной политики, а наказания мыслится с точки зрения инструментария культуры и соотносится с идеей и тенденциями этического прогресса. При этом импонирует строгость Л. П. Петражицкого в анализе проблем наказания – ограничение (и центрирование) им собственно юридической аргументации, связанной с целями уголовного правосудия и общими началами правопорядка, от побочных («оппортунистических») аргументов. Это же касается рассмотрения вопросов наказания в контексте либеральной правовой политики: отстаивания ценностей права, гуманизма, свободы личности,

прямо согласующихся с идеологией современной российской конституции, принципами уголовного и уголовно-исполнительного права.

Безусловно, взгляды Л. И. Петражицкого более чем вековой давности должны рассматриваться с поправкой на современность: сегодня нет ни традиционной ссылки, ни традиционной колонизации, а ценности культуры и этического прогресса воспринимаются в ином ключе. Вместе с тем предложенная ученым аргументация продолжает вызывать интерес в качестве интеллектуальной системы координат, в рамках которой возможна надлежащая оценка как действующих пенитенциарных институтов и практик, так и различных проектов их преобразования.

Библиографический список

1. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. 608 с.
2. Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избранные труды / Науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. 1104 с.
3. Тимошина Е. В. Лев Иосифович Петражицкий // Философия права в России: из опыта XX в.: монография / отв. ред. В. Г. Графский. М., 2017. С. 104–128.
4. Койдер А. Жизнь и творчество Леона Петражицкого // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избранные труды / Науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. XXXVII–LXXII.
5. Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого: монография / под ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб., 2018. 650 с.
6. Петражицкий Л. И. Ссылка преступников с точки зрения культуры, колонизационной и социальной политики // Право. Еженедельная юридическая газета. 1899. № 20. Стб. 1001–1006. № 21. Стб. 1072–1083.

References

1. Petrazhitskii L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравственности [Theory of law and state concerning theory of morals]. Saint-Petersburg, 2000, 608 p. [in Russian].
2. Petrazhitskii L. I. Teoriya i politika prava: izbrannyye trudy [Theory and politics of law: Selected works] / In E. V. Timoshina (ed.). Saint-Petersburg, 2010, 1104 p. [in Russian].
3. Timoshina E. V. Lev Iosifovich Petrazhitskii. *Filosofiya prava v Rossii: iz opyta XX veka: monografiya* [Philosophy of Law in Russia: From experience of the XXth century] / In V. G. Grafskii (ed.). Moscow, 2017, pp. 104–128 [in Russian].
4. Koyder A. Zhizn' i tvorchestvo Leona Petrazhitskogo [Life and Works of Leon Petrazhitsky]. *Petrazhitskii L. I. Teoriya i politika prava: izbrannyye trudy* [Theory and politics of law: Selected works] / In E. V. Timoshina (ed.). Saint-Petersburg, 2010, pp. XXXVII–LXXII [in Russian].
5. Peterburgskaya shkola filosofiya prava: k 150-letiyu L'va Petrazhitskogo: monografiya [Petersburg school of philosophy of law: on Lev Petrazhitskii' 150th anniversary] / In A. V. Polyakov & E. V. Timoshina (eds.). Saint-Petersburg, 2018, 650 p. [in Russian].
6. Petrazhitskii L. I. Ssylka prestupnikov s tochki zreniya kul'tury, kolonizatsyonnoi i sotsyal'noi politiki [An exile of criminals from the point of view of culture, colonial and social policy]. *Pravo. Yezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta* [Law. Weekly legal newspaper], 1899, no. 20, pp. 1001–1006; no. 21, pp. 1072–1083 [in Russian].

УДК 340

Макарова Наталья Алексеевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: inst@samlawin.ru

Natalya A. Makarova

Candidate of Law,
Senior Lecturers of the Department
of theory and history of state and law,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: inst@samlawin.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ИДЕИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. Е. НАТАШЕВА

Аннотация. В статье анализируются основные научные труды профессора А. Е. Наташева. На основе анализа научных источников формулируются взгляды ученого по вопросам эффективности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, определения целей и задач, стоящих перед уголовно-исполнительным (исправительно-трудовым) законодательством, эффективности практики назначения судами видов исправительных учреждений конкретным правонарушителям и др. Автор статьи резюмирует, что многие критические замечания и предложения профессора А. Е. Наташева, особенно связанные с вопросами эффективности наказания в виде лишения свободы, поиском факторов, снижающих эту эффективность, не теряют своей актуальности и по сей день. В частности, заслуживают внимания доводы А. Е. Наташева, приводимые им в подтверждение необходимости усиления режима в исправительных колониях общего режима. Кроме того, справедливым представляется его критический взгляд на сложившуюся практику предоставления условно-досрочного освобождения и замену оставшейся части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания. Автор статьи соглашается с позицией ученого в той части, что существующая система не позволяет в полной степени оценить характер и степень позитивных изменений в личности осужденных к наказанию в виде лишения свободы и способствует тому, что в более льготные условия отбывания наказания подчас попадают лица, не вставшие в действительности на путь исправления, а имеющие низкий уровень правосознания и морали.

Ключевые слова: наказание, исполнение наказаний, лишение свободы, эффективность, исправление, перевоспитание, режим, исправительно-трудовое воздействие.

PENITENTIARY IDEAS IN A. NATASHEV'S SCIENTIFIC WORKS

Summary. In the article are analyzed a scientific works of Professor A. E. Natashev. Based on the analysis of scientific sources, the views of the scientist on the effectiveness of the execution of criminal punishment in the form of imprisonment, definition of goals and tasks facing the criminal enforcement legislation, effectiveness of the practice of appointing courts of correctional institutions to specific offenders. The author of the article notes that many criticisms and suggestions of Professor A. E. Natashev does not lose its urgency to this day. In the article are analyzed the arguments of A. E. Natasheva, cited by him in support of the need to strengthen the regime in correctional colonies of the general regime. It is justified to take a critical look at the current practice of granting parole and replacing the remaining part of the sentence in the form of deprivation of liberty with a milder form of punishment. It seems fair to take a critical look at the current practice of granting parole and replacing the remaining part of the sentence in the form of deprivation of liberty with a milder form of punishment. The existing system does not allow to fully assess the nature and extent of positive changes in the personality of convicts. As a result, those who have a low level of legal conscience and morality fall into more privileged conditions of serving punishment.

Keywords: punishment, execution of punishments, deprivation of liberty, effectiveness, correction, re-education, treatment, correctional labor.

В современный период Российское государство все еще находится в стадии реформирования, поиска наиболее оптимальных стратегий и направлений развития. Однако в отличие от практики начала 90-х гг. прошлого века современные реформы не означают отрицания опыта прошлых лет, в котором было много негативных моментов, но, очевидно, присутствовали и эффективные модели функционирования органов государственной власти, в том числе и в области исполнения уголовных наказаний.

Заимствование этого позитивного опыта возможно только при качественном анализе научного наследия в пенитенциарной сфере. В рамках данной статьи мы обратимся к научным трудам А. Е. Наташева.

А. Е. Наташев родился в 1951 г. в Вологодской области, был выпускником Ленинградского государственного университета, закончил аспирантуру Всесоюзного института юридических наук. Профессиональная деятельность Алексея Емельяновича была связана с работой в органах прокуратуры, надзором за соблюдением законности в местах лишения свободы и реабилитацией жертв политических репрессий 1930–50-х гг., – затем Алексей Емельянович занимал различные должности профессорско-преподавательского состава Академии управления МВД России [1].

Алексей Емельянович в своих трудах высказал много прогрессивных для своего времени идей, практическая реализация целого ряда которых актуальна и по сей день.

Прежде всего, он одним из первых справедливо обратил внимание на то, что для обозначения сферы правового регулирования в области исполнения уголовных наказаний более целесообразно использовать термин не «исправительно-трудовое», а «уголовно-исполнительное право». По его мнению, предмет исправительно-трудового права является более узким, в него входят лишь общественные отношения непосредственно по исполнению наказания и применению к осужденным мер исправительно-трудового воздействия, а не все отношения в сфере и по поводу исполнения наказания [2, с. 36].

Также А. Е. Наташев пишет о том, что господствующая в юридической литературе точка зрения о соотношении понятий «содержание наказания» и «режим отбывания наказания», заключающаяся в том, что нормы, регламентирующие наказание, делятся на нормы, устанавливающие режим, выражающие кару, и другие, остающиеся за пределами режима, неверна. При таком подходе происходит смешение целей и предмета правового регулирования уголовного и исправительно-трудового права. Многие нормы, регламентирующие режим отбывания наказания, носят отнюдь не карательный характер, выражаясь в дозволениях. Речь, в частности, идет о регламентации приобретения осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости, получения посылок, передач, бандеролей, предоставления свиданий и т. д. [2, с. 34].

Анализ трудов профессора А. Е. Наташева показывает, что наибольшее внимание он уделял вопросам эффективности воспитательного воздействия на осужденных, предупреждения рецидивной преступности.

По его мнению, задача исправления и перевоспитания осужденных может считаться достигнутой тогда, когда лицо, освобожденное от наказания или находящееся в местах лишения свободы, честно относится к труду, точно исполняет законы, уважает правила человеческого общежития, не совершает новых преступлений в силу внутреннего убеждения. Однако указанные обстоятельства в полной мере не могут быть критерием эффективности деятельности исправительно-трудовых учреждений. «В отличие от исправления и перевоспитания цель специального предупреждения следует считать достигнутой в том случае, когда осужденный не совершает нового преступления из боязни разоблачения, из страха перед наказанием».

Таким образом, наиболее надежным критерием эффективности деятельности исправительно-трудовых учреждений ему видится уровень рецидивной преступности лиц, освобожденных от наказания, учитываемый в течение нескольких лет, как правило, в течение трехлетнего периода.

Вместе с тем А. Е. Наташев вполне справедливо обращает внимание на то, что такой подход представляет определенную ценность лишь для оценки эффективности исправительно-трудовой системы в целом и имеет весьма ограниченное значение для оценки работы каждого отдельного исправительно-трудового учреждения и принятия конкретных мер для улучшения его деятельности. В таком случае оценка деятельности конкретного исправительно-трудового учреждения отражает положение дел, имевшееся три года назад, за это или даже более короткое время в работе конкретного учреждения могли произойти существенные изменения [3, с. 33–34] (смена руководства, качественные изменения в работе и т. д. – прим. авт.). Поэтому для качественной оценки работы каждого отдельного исправительно-трудового учреждения должны быть выбраны принципиально иные критерии.

В своих трудах А. Е. Наташев критикует современную ему практику определения типа исправительного учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы в зависимости от степени и характера совершенного преступления, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Однако речь не идет о полном отказе от учета указанных критериев, которые, безусловно, связаны с реализацией принципа справедливости наказания и достижением целей

общей превенции. По мнению А. Е. Наташева, при назначении наказания необходимо также исходить из степени нравственной запущенности конкретного правонарушителя. Важность данного критерия обусловлена тем, что для организации процесса исправительно-трудового воздействия и перевоспитания осужденных именно степень нравственной запущенности лица имеет решающее значение.

В то же время данное обстоятельство иногда не учитывают суды, когда определяют рецидивистам для отбывания наказания колонии общего и усиленного режима, а впервые осужденным – колонии строгого режима. Негативные последствия помещения некоторых рецидивистов в колонии усиленного и особенно общего режима очевидны. Для устранения указанных недостатков судебной практики при назначении осужденным вида исправительного учреждения необходимо добиться такого положения, чтобы отступление от общих правил назначения режима было бы действительно незначительным явлением [4, с. 104].

А. Е. Наташев отмечает, что указанное выше обстоятельство, к сожалению, не является единственным недостатком в организации исполнения наказания в виде лишения свободы. По статистике половина рецидивистов совершают новые преступления в первый год после освобождения, что в целом свидетельствует о низком уровне эффективности наказания в виде лишения свободы.

Причем корнем проблемы в указанной сфере А. Е. Наташеву видится отнюдь не специфика контингента исправительных учреждений отдельных видов, а неправильная организация режима в исправительных учреждениях. В доказательство своей позиции он приводит следующие доводы.

Анализ правоприменительной практики показывает, что наибольший уровень рецидивной преступности наблюдается у лиц, освобожденных из колоний общего режима, наименьший – из колоний усиленного режима. Тот факт, что уровень рецидива со стороны лиц, освобожденных из колоний строгого режима выше соответствующих показателей по колониям усиленного режима, на первый взгляд, явление закономерное: в этих колониях содержатся лица, неоднократно отбывавшие наказание в виде лишения свободы, представляющие повышенную общественную опасность и имеющие высокую степень нравственной запущенности. Но чем тогда объяснить, что уровень рецидива со стороны лиц, освобожденных из колоний общего режима, значительно выше уровня рецидива освобожденных из колоний усиленного режима?

Слабая эффективность отбывания наказания в колониях общего режима в определенной степени связана с преувеличением значения принципа соответствия наказания степени вины осужденного и, тем самым, с недооценкой принципа индивидуализации исправительно-трудового воздействия. Статистические данные рецидивной преступности позволяют говорить о том, что условия отбывания наказания в колониях общего режима не обладают достаточной карательной силой. Данное положение становится особенно очевидным, если учитывать сравнительно небольшие сроки наказания содержащихся в них осужденных, а также практику сокращения этих сроков в результате применения условно-досрочного освобождения. Выход из сложившейся ситуации А. Е. Наташев видит в сближении режимов и условий отбывания наказания в колониях разных видов. Дифференциация же условий содержания, по его мнению, должна происходить путем установления разницы в степени взысканий и поощрений в колониях разных видов [4, с. 104–106].

При этом в прямой связи с принципами соединения наказания с мерами исправительно-трудового воздействия и их индивидуализацией находится принцип отбывания осужденными всего срока наказания в одном и том же исправительном учреждении. Это создает возможности для более глубокого изучения личности осужденного, непрерывности процесса исправительно-трудового воздействия в условиях более стабильного коллектива [5, с. 69].

Ученый отмечает, что сложившаяся прогрессивная система изменения режима отбывания наказания, строящаяся на основе смягчения кары в зависимости от поведения осужденных по усмотрению администрации, неприемлема. Она связана с недооценкой воспитательного значения назначенного судом наказания и создания в местах лишения свободы коллективов осужденных, формируемых на здоровой основе.

Такая система поощряет осужденных любыми средствами добиваться облегчения наказания, в том числе путем хитрости и угодничества перед отдельными представителями администрации. Во многих случаях она может воспитывать «образцовых» осужденных, но недостойных граждан. В результате в более льготных условиях нередко оказываются наиболее опасные преступники, со своей точки зрения «оценившие» возможности прогрессивной системы. В колониях

и тюрьмах должны быть установлены стабильные виды режимов для содержания различных категорий осужденных [6, с. 106–107].

При этом следует отметить, что А. Е. Наташева нельзя причислить к числу авторов, считающих суровость наказания и режима его отбывания непеременимым условием искоренения рецидивной преступности. Однако им справедливо обращается внимание на то, что сама природа уголовного наказания подразумевает введение ряда обоснованных ограничений. Пока существует уголовное наказание в качестве кары за совершенное преступление и средства предупреждения преступлений, порядок и условия отбывания наказания, в частности лишения свободы, не могут не выражаться в лишении осужденных одних социально значимых благ и в ограничении пользования другими. Но в указанной сфере обязательно должен быть определенный баланс. Успеху борьбы с преступностью в равной мере могут причинить вред как чрезмерная суровость наказания, так и его необоснованное смягчение [7, с. 85].

Обязательной составной частью уголовного наказания, по мнению А. Е. Наташева, должны быть меры исправительно-трудового воздействия. Применение к осужденному этих мер диктуется необходимостью достижения прежде всего цели исправления и перевоспитания осужденных, а тем самым и цели частного предупреждения, поскольку исправление и несовершение осужденными нового преступления в силу сознательного соблюдения правил общежития – более надежная гарантия против рецидива, чем страх перед повторным наказанием. При этом гуманизм как средство достижения целей наказания предполагает, что при его осуществлении кара ограничивается необходимым минимумом, создавая условия для подлинного трудового перевоспитания осужденных [5, с. 68, 70].

Таким образом, в своих трудах А. Е. Наташев последовательно развивает мысль о том, что страх перед наказанием не является наиболее оптимальным и тем более самым желательным механизмом формирования установок, сдерживающих конкретную личность от противоправных проявлений. В русле советской исправительно-трудовой политики он пишет о том, что именно труд как средство исправления осужденных способен привести к качественным изменениям в сознании конкретной личности, что будет способствовать формированию стереотипов правомерного поведения.

Также большого внимания заслуживают рассуждения ученого о недостатках в работе учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в части организации режима в таких учреждениях, системы перевода на облегченные условия содержания, практики назначения типа исправительного учреждения судами.

Библиографический список

1. Федеральный правовой портал «Юридическая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/person/person.asp?persID=1495218> (дата обращения: 10.05.2018).
2. Наташев А. Е. Актуальные вопросы теории правового регулирования исполнения наказания // Проблемы совершенствования исполнения уголовных наказаний: материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Рязань, 1983. 232 с.
3. Наташев А. Е. Об оценке деятельности исправительно-трудовых учреждений по исправлению и перевоспитанию осужденных // Актуальные проблемы научной организации исправления и перевоспитания осужденных: материалы научно-практической конференции. Рязань, 1973. 165 с.
4. Наташев А. Е. Эффективность исполнения лишения свободы и предупреждение рецидивной преступности // Советское государство и право. 1961. № 1. С. 103–106.
5. Наташев А. Е. Важный этап в развитии советского исправительно-трудового законодательства // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 62–70.
6. Наташев А. Е. Уголовное законодательство и кодификация исправительно-трудового права // Советское государство и право. 1964. № 1. С. 104–107.
7. Наташев А. Е. Законность и гуманизм основа исправления и перевоспитания осужденных // Советское государство и право. 1977. № 3. С. 79–87.

References

1. Federal'nyj pravovoj portal «Yuridicheskaya Rossiya» [The Federal legal portal «Juridical Russia»]. URL: <http://law.edu.ru/person/person.asp?persID=1495218> (Accessed: 10.05.2018) [in Russian].
2. Natashev A. E. Aktual'nye voprosy teorii pravovogo regulirovaniya ispolneniya nakazaniya [Actual problems of the theory of the legal regulation of the execution of punishment]. *Problemy sovershenstvovaniya ispolneniya ugolovnyh nakazaniy: materialy Vsesoyuznoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Problems of improving the execution of criminal penalties]. Ryazan', 1983, 232 p. [in Russian].
3. Natashev A. E. Ob ocenke deyatel'nosti ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij po ispravleniyu i osuzhdeniy [On the evaluation of the activities of correctional labor institutions for the correction and re-education of convicts]. *Aktual'nye problemy nauchnoj organizacii ispravleniya i iya osuzhdeniy: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of scientific organization of correction and re-education of convicts]. Ryazan', 1973, 165 p. [in Russian].
4. Natashev A. E. Ehffektivnost' ispolneniya lisheniya svobody i preduprezhdenie recidivnoj prestupnosti [Effectiveness of execution of deprivation of liberty and prevention of recidivism]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1961, no. 1, pp. 103–106 [in Russian].
5. Natashev A. E. Vazhnyj etap v razvitii sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva [An Important Stage in the Development of Soviet Correctional Labor Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1970, no. 6, pp. 62–70 [in Russian].
6. Natashev A. E. Ugolovnoe zakonodatel'stvo i kodifikaciya ispravitel'no-trudovogo prava [Criminal law and codification of correctional labor law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1964, no. 1, pp. 104–107 [in Russian].
7. Natashev A. E. Zakonnost' i gumanizm osnova ispravleniya i perezvospitaniya osuzhdennyh [Law and humanism are the basis for the correction and re-education of convicts]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1977, no. 3, pp. 79–87 [in Russian].

УДК 340

Насреддинова Кристина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: uiuipsuifsin@yandex.ru

Kristina A. Nasreddinova

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of Department of criminal
and criminal-executive rights,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: uiuipsuifsin@yandex.ru

Хаснутдинов Ренат Рафаильевич

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: Khasnutdinoff@mail.ru

Renat R. Khasnutdinov

Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of Department
of state and legal disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: Khasnutdinoff@mail.ru

Яворский Максим Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации борьбы
с экономическими преступлениями,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141,
e-mail: yavorm@mail.ru

Maksim A. Yavorskiy

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of organization
of combating economic crimes,
Samara State University of Economics,
Soviet Army str., 141, Samara, Russia, 443090,
e-mail: yavorm@mail.ru

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье приведены результаты эмпирического исследования, проводимого в целях снижения уровня коррупционных правонарушений в сфере финансово-хозяйственной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с учетом применения системы коррупционной опасности. На основе проведенного анализа практики контрольно-ревизионной работы ГКРИ УД Федеральной службы исполнения наказаний в территориальных органах УИС за 2012–2015 гг., а также анкетирования сотрудников территориальных органов ФСИН России, осуществляющих контроль за целесообразностью проводимых финансовых и хозяйственных операций и их соответствием законодательству Российской Федерации, были выявлены: основные процессы в сфере финансово-хозяйственной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, при реализации которых наиболее вероятно (возможно) возникновение коррупционных правонарушений; должности, для которых характерны высокие риски коррупционных злоупотреблений в этой сфере; сферы деятельности, в которых при проведении финансовых и хозяйственных операций чаще всего проявляются коррупционные риски. Были предложены меры организационного характера, снижающие уровень коррупционных правонарушений с учетом применения системы коррупционной опасности, а также меры по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупционные правонарушения, коррупционная опасность, коррупционные риски, финансово-хозяйственная деятельность, злоупотребление должностными полномочиями, антикоррупционный контроль.

CORRUPTION RISKS IN THE FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES OF THE AUTHORITIES AND INSTITUTIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary. Results of the empirical research conducted for decrease in level of corruption offenses in the sphere of financial and economic activity of bodies and institutions of a penal correction system taking into account use of system of corruption danger are given in article. On the basis of the carried-out analysis of practice of control and auditing work of GKRI UD of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation in territorial authorities of penal correction system for 2012–2015 and also questioning of staff of territorial authorities of FSIN of Russia of the performed financial and economic transactions exercising control of expediency and their compliance to the legislation of the Russian Federation, have been revealed: the main processes in the sphere of financial and

economic activity of bodies and institutions of a penal correction system, at which realization (most possibly possibly) emergence of corruption offenses; positions of which high risks of corruption abuses in this sphere are characteristic; fields of activity in which when carrying out financial and economic transactions corruption risks are most often shown. The measures of organizational character reducing the level of corruption offenses taking into account use of system of corruption danger, and also measures for improvement of standard and legal base in the sphere of anti-corruption have been proposed.

Keywords: Corruption offenses, corruption risks, corruption risks, financial and economic activities, abuse of official authority, anti-corruption control.

Коррупция в нашей стране относится к числу наиболее острых и злободневных проблем, в значительной степени препятствующих реализации социально-экономической и политической стратегии развития страны и мешающих ее эффективному развитию [1, с. 50]. Очевидно, что полностью искоренить коррупционные проявления невозможно: несмотря на оценочно низкий уровень коррупции в отдельных странах мира (например, в Скандинавских странах), пока это не удалось сделать ни одному государству в мире. Главной целью антикоррупционной политики государства является достижение такой ситуации, когда не только коррупционная практика станет социально неодобряемой и неприемлемой моделью поведения во всех сферах жизнедеятельности общества, но и будут созданы организационно-правовые механизмы минимизации коррупционных процессов.

В настоящее время в России создана законодательная база противодействия коррупции, приняты соответствующие организационные меры по предупреждению коррупции и активизирована деятельность правоохранительных органов по борьбе с ней и т. д. В 2016 г. был утвержден План противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2016–2017 гг. [2], согласно которому результатом повышения профессионального уровня сотрудника является формирование навыков, умений, стандартов антикоррупционного поведения, рост эффективности осуществляемой антикоррупционной деятельности, повышение уровня как общей культуры, так и культуры служебной.

Однако коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Обстоятельства, возникающие во время несения службы, побуждающие сотрудника при исполнении должностных обязанностей использовать служебное положение в личных целях, всегда неблагоприятны по своей сути не только для конкретного учреждения (органа), исполняющего наказания [3, с. 98–109]. Важно подчеркнуть, что неблагоприятный исход коррупционных рисков выражается в нарушении законных интересов всего общества и государства, а применительно к УИС сводится к невозможности осуществления сотрудниками возложенных на них функций и решения поставленных задач в рамках действующего законодательства.

По данным Общественной палаты РФ 63 % поступающих жалоб и заявлений касаются деятельности правоохранительных органов, из них: прокуратуры и следственного комитета – 15 %, полиции – 15 %, судебной системы – 30 % и Федеральной службы исполнения наказаний – 3 % [4, с. 6].

Приведенные данные о фактах коррупции в уголовно-исполнительной системе не должны успокаивать, поскольку, во-первых, это касается органов, непосредственно работающих в сфере исправления осужденных, и, во-вторых, данная система представляется достаточно замкнутой сферой деятельности, поэтому в ней увеличивается риск сокрытия совершения противоправных деяний [5, с. 6].

ФСИН России обладает специфическими функциями, которые могут провоцировать совершение коррупционных преступлений. В настоящее время не существует единой методики предупреждения, раскрытия и расследования коррупционных преступлений в системе исполнения наказаний.

Анализ практики контрольно-ревизионной работы ГКРИ УД ФСИН России в территориальных органах УИС России за 2012–2015 гг., осуществленный в рамках реализации Плана дополнительных мероприятий по противодействию коррупции в Федеральной службе исполнения наказаний на 2016–2017 гг., утвержденного директором ФСИН России 16.08.2016, а также проводимая в ФКОУ ВО СЮИ ФСИН России совместно с НИИ ФСИН России и образовательными учреждениями ФСИН России НИР по теме «Снижение уровня коррупционных правонарушений с учетом

применения системы коррупционной опасности» позволили определить следующие процессы в сфере финансово-хозяйственной деятельности органов и учреждений УИС России, при реализации которых наиболее вероятно (возможно) возникновение коррупционных правонарушений:

- 1) искажение бухгалтерской отчетности (грубое нарушение правил ведения бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности, порядка и сроков хранения учетных документов);
- 2) систематическое присвоение денежных средств должностными лицами;
- 3) необоснованное списание денежных средств;
- 4) нарушение договорной работы (несоблюдение процедуры проведения торгов, отсутствие учета исполнения договоров и другие нарушения при размещении заказов);
- 5) нарушения порядка формирования размещения и использования заказов на закупку и поставку товаров, работ, услуг для государственных нужд;
- 6) нецелевое и неэффективное использование денежных средств и материальных ценностей;
- 7) нарушения при приеме и использовании благотворительной помощи;
- 8) отказ от проведения обязательных инвентаризаций при смене материально-ответственных лиц;
- 9) нарушения при обеспечении осужденных продуктами питания (занижение норм);
- 10) списание продуктов питания сверх установленных норм;
- 11) несоблюдение норм потребления и отсутствие надлежащего контроля за реально полученными ресурсами, норм потребления полученных услуг;
- 12) приобретение продуктов питания для нужд органов и учреждений УИС у индивидуальных предпринимателей;
- 13) завышение объемов выполненных работ;
- 14) завышение сметной стоимости работ;
- 15) применение строительных материалов, отличных от сметных;
- 16) завышение объемов оплачиваемых работ;
- 17) приемка фактически невыполненных работ;
- 18) нерациональное использование топливно-энергетических и иных ресурсов (завышение норм потребления тепловой и электрической энергии, водоснабжения и водоотведения и т. д.);
- 19) закупка товаров, заказ работ и услуг по завышенным ценам (как у сторонних поставщиков, так и в учреждениях и предприятиях УИС);
- 20) закупка невостребованных, ненужных товаров;
- 21) неправомерное разукрупнение основных средств;
- 22) реализация товаров, работ, услуг физическим лицам и сторонним организациям по ценам ниже стоимости.

В условиях специфики функций, реализуемых ФСИН России, особую важность как предмет антикоррупционного контроля имеют взаимоотношения не между начальником и подчиненным, а между работником и осужденным.

Наряду с взяточничеством в исправительных учреждениях УИС России существуют и иные проявления коррупционных схем. Например, использование благотворительной помощи в личных интересах, создание улучшенных условий содержания лицам, находящимся в штрафном изоляторе, дисциплинарном изоляторе, помещениях камерного типа и единых помещениях камерного типа. Закрытость и единоличность принятия решений старшим начальствующим составом мест лишения свободы, а также наличие коррупционных составляющих, заложенных в нормативных правовых актах, регулирующих службу в уголовно-исполнительной системе, представляют серьезную угрозу функционированию пенитенциарной системы в целом и являются факторами, способствующими распространению коррупции в исправительных колониях.

К основным выгодам и преимуществам, которые могут быть получены при совершении коррупционного правонарушения, и формам (наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом) могут быть отнесены незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав.

Под незаконным оказанием услуг имущественного характера понимается предоставление должностному лицу в качестве выгод и преимуществ любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, предоставление бесплатных либо по заниженной стоимости туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами).

Имущественные права включают в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например исключительное

право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ). Получение выгод или преимуществ в виде незаконного предоставления должностному лицу имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др.

Освобождение должностного лица от имущественных обязательств как имущественная выгода в качестве выгоды или преимущества представляет собой любое обязательство в интерпретации ст. 307 ГК РФ.

Высокие риски коррупционных злоупотреблений в сфере финансово-хозяйственной деятельности органов и учреждений УИС России возможны для должностей, в обязанности которых входит проведение финансовых и хозяйственных операций, учет и расходование средств от приносящей доход деятельности, организация работы по расходованию финансовых и материальных ресурсов, выделяемых на продовольственное, вещевое, коммунально-бытовое, медицинское обеспечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей. К этой категории должностей следует отнести начальников учреждений, заместителей начальников учреждений по тылу, главных бухгалтеров, начальников финансово-экономических отделов (отделений).

При проведении финансовых и хозяйственных операций наиболее подвержены коррупционным проявлениям руководящая должность, должность главного бухгалтера и должности, связанные с финансовыми и хозяйственными операциями, а также материально-ответственные лица, должности, связанные с непосредственным контактом с осужденными и их родственниками, условно-досрочным освобождением и закупками, с заключением договоров.

Указанные выводы сделаны на основе проведенного анкетирования среди работников УИС подразделений Самарской области, осуществляющих контроль за целесообразностью проводимых финансовых и хозяйственных операций и их соответствием законодательству Российской Федерации.

Для анализа использовалась анкета, включающая 28 вопросов. Из подразделений УФСИН России по Самарской области поступило и было обработано 77 анкет. В анкеты были включены следующие вопросы: «Какие явления, указанные ниже, по Вашему мнению, являются наиболее распространенными в Вашем учреждении?».

Ответы респондентов выглядят следующим образом (результаты расположены в порядке убывания от наиболее распространенных к наименее распространенным). К наиболее распространенным проявлениям коррупции были отнесены получение незаконного вознаграждения, «откат», злоупотребление государственным имуществом, фаворитизм и кумовство (около 26 %). Следующая группа – незаконные пожертвования и вклады, а также растрата (около 19 %). Взяточничество, мошенничество, протекционизм и «подношения» (около 16 %). Вымогательство занимает последнее место (около 14 %).

«Каковы, на Ваш взгляд, причины коррупционных проявлений при проведении финансовых и хозяйственных операций?».

Около 40 % респондентов выделили экономические факторы, почти 20 % назвали слабый внутренний контроль. Низкий уровень правовой культуры, пробелы в правовой регламентации работы работников УИС, низкое качество норм закона в среднем к причинам коррупции относят около 10 % опрошенных.

Какие, по Вашему мнению, должностные лица наиболее связаны с коррупционными рисками?

42 % опрошенных указали должность «начальник учреждения»; четверть всех опрошенных – «заместитель по тылу»; 23 % респондентов указали должность главного бухгалтера и лишь 9 % – начальника финансово-экономического отдела учреждения УИС (см. табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Распределение анкет по ответам на вопрос: «Какие, по Вашему мнению, должностные лица наиболее связаны с коррупционными рисками?»

Начальник учреждения		Заместитель начальника учреждения по тылу		Начальник финансово-экономического отдела (отделения)		Главный бухгалтер	
абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
32	42 %	19	25 %	7	9 %	18	23 %

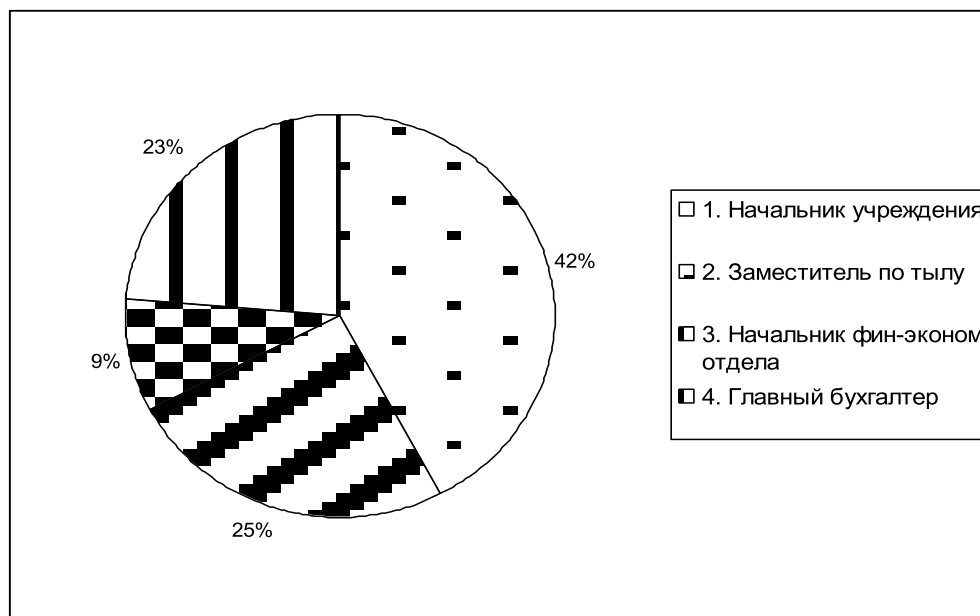

Рис. 1. Распределение анкет по ответам на вопрос: «Какие, по Вашему мнению, должностные лица наиболее связаны с коррупционными рисками?»

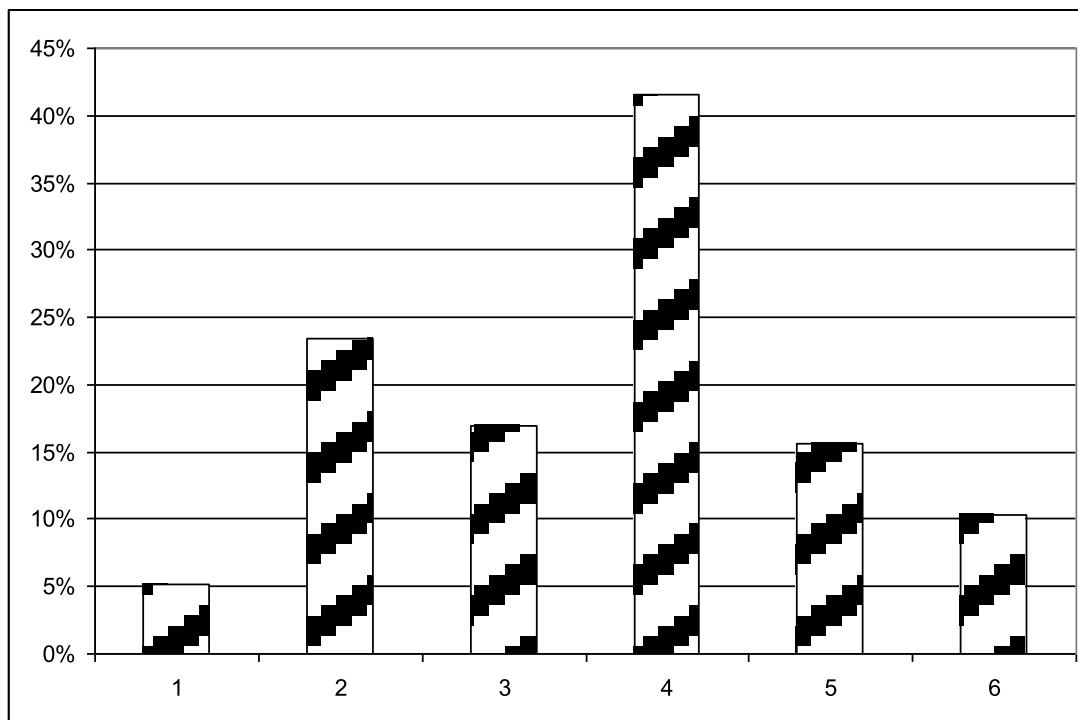
В каких сферах деятельности при проведении финансовых и хозяйственных операций чаще всего проявляются коррупционные риски?

42 % опрошенных указали на порядок учета и расходования средств от приносящей доход деятельности; 23 % – на организацию работы по расходованию финансовых и материальных ресурсов, выделяемых на продовольственное, вещевое, коммунально-бытовое, медицинское обеспечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей; 17 % – на организацию работы по расходованию финансовых и материальных ресурсов, выделяемых на приобретение специальной техники, вооружения, средств связи, охраны и сигнализации, оргтехники и др.; 16 % – на составление финансовой отчетности по исполнению бюджета, поступлению доходов в федеральный бюджет, использованию средств, получаемых в результате приносящей доход деятельности. Другие сферы деятельности указали менее 10 % респондентов (см. табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

Распределение анкет по ответам на вопрос: «В каких сферах деятельности при проведении финансовых и хозяйственных операций чаще всего проявляются коррупционные риски?» (можно указать несколько вариантов)

При организации работы по расходованию бюджетных ассигнований, предусмотренных на обеспечение денежным довольствием сотрудников и оплату труда работников, не имеющих специальных званий	4	5 %
При организации работы по расходованию финансовых и материальных ресурсов, выделяемых на продовольственное, вещевое, коммунально-бытовое, медицинское обеспечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей	18	23 %
При организации работы по расходованию финансовых и материальных ресурсов, выделяемых на приобретение специальной техники, вооружения, средств связи, охраны и сигнализации, оргтехники и др.	13	17 %
При порядке учета и расходования средств от приносящей доход деятельности	32	42 %
При составлении финансовой отчетности по исполнению бюджета, поступлению доходов в федеральный бюджет, использованию средств, получаемых в результате приносящей доход деятельности	12	16 %
При осуществлении инспектирования финансово-экономической деятельности учреждений и органов УИС	8	10 %

1. При организации работы по расходованию бюджетных ассигнований, предусмотренных на обеспечение денежным довольствием сотрудников и оплату труда работников, не имеющих специальных званий
2. При организации работы по расходованию финансовых и материальных ресурсов, выделяемых на продовольственное, вещевое, коммунально-бытовое, медицинское обеспечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей
3. При организации работы по расходованию финансовых и материальных ресурсов, выделяемых на приобретение специальной техники, вооружения, средств связи, охраны и сигнализации, оргтехники и др.
4. При порядке учета и расходования средств от приносящей доход деятельности
5. При составлении финансовой отчетности по исполнению бюджета, поступлению доходов в федеральный бюджет, использованию средств, получаемых в результате приносящей доход деятельности
6. При осуществлении инспектирования финансово-экономической деятельности учреждений и органов УИС

Рис. 2. Распределение анкет по ответам на вопрос: «В каких сферах деятельности при проведении финансовых и хозяйственных операций чаще всего проявляются коррупционные риски?» (можно указать несколько вариантов)

Что, по Вашему мнению, наиболее характерно для коррупции при проведении финансовых и хозяйственных операций: инициативный подкуп или вымогательство взятки работником УИС?

На инициативный подкуп указали 10 % опрошенных; вымогательство взятки – 8 %; и то, и другое характерно по мнению 22 % респондентов, 60 % респондентов затруднились ответить (см. рис. 3).

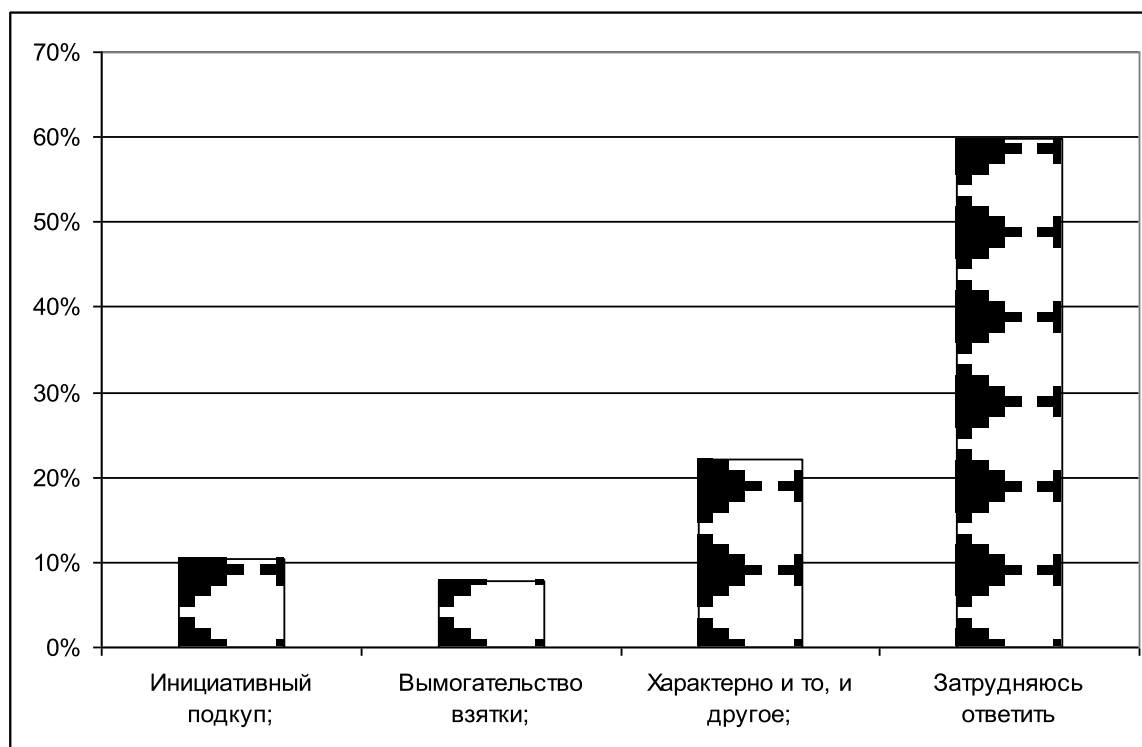

Рис. 3. Распределение анкет по ответам на вопрос: «Что, по Вашему мнению, наиболее характерно для коррупции при проведении финансовых и хозяйственных операций: инициативный подкуп или вымогательство взятки работником УИС?»

Коррелирующие данные были нами получены при проведении опроса среди сотрудников УИС в рамках исследования (мониторинга) коррупционных рисков, возникающих при реализации возложенных функций, среди работников УИС ТО, НПУ и организаций, дислоцированных в Приволжском и Уральском федеральных округах. Было проведено анкетирование не менее 15 % сотрудников каждого подразделения – общее количество анкетированных составило 12 138, анкета включала 34 вопроса (см. табл. 3, 4, рис. 4, 5).

Таблица 3

**Распределение анкет по субъектам Российской Федерации
и способам совершения коррупционных правонарушений**

Субъект Российской Федерации	Использование служебного положения в личных целях	Получение взятки	Содействие в получении/даче взятки	Дача взятки	Хищение бюджетных средств	Неслужебные связи со спецконтингентом или его окружением	Дорогой подарок	Иное (укажите)
Пермский край	930	966	745	607	577	551	304	14
Республика Марий Эл	148	150	90	103	90	59	59	1
Нижегородская область	585	692	442	460	462	368	236	10
Самарская область	438	491	387	401	207	190	111	90
Удмуртская республика	395	477	352	377	292	251	181	3

Окончание табл. 3

Ульяновская область	252	253	215	238	179	160	102	4
Тюменская область	249	255	170	184	189	171	70	12
Саратовская область	633	724	483	528	452	411	234	9
Свердловская область	494	661	472	491	371	309	257	13
Оренбургская область	212	254	160	208	160	137	76	9
Ямало-Ненецкий а. о.	72	98	68	76	61	52	30	2
Пензенская область	211	229	162	184	133	116	85	0
Курганская область	199	207	129	152	153	143	96	0
Челябинская область	1070	1271	837	923	704	564	438	34
Чувашская республика	431	573	349	411	342	264	211	16
Кировская область	327	395	265	278	240	231	148	6
Ханты-Мансийский а. о. – Югра	109	116	86	91	78	73	53	3
Республика Татарстан	364	480	327	338	279	283	179	9
Республика Башкортостан	780	780	645	780	583	542	139	
Республика Мордовия	358	362	212	230	229	264	136	
ВСЕГО	8257	9434	6596	7060	5781	5139	3145	235
%	68 %	77,7 %	54,3 %	58,2 %	47,6 %	42,3 %	25,9 %	1,9 %

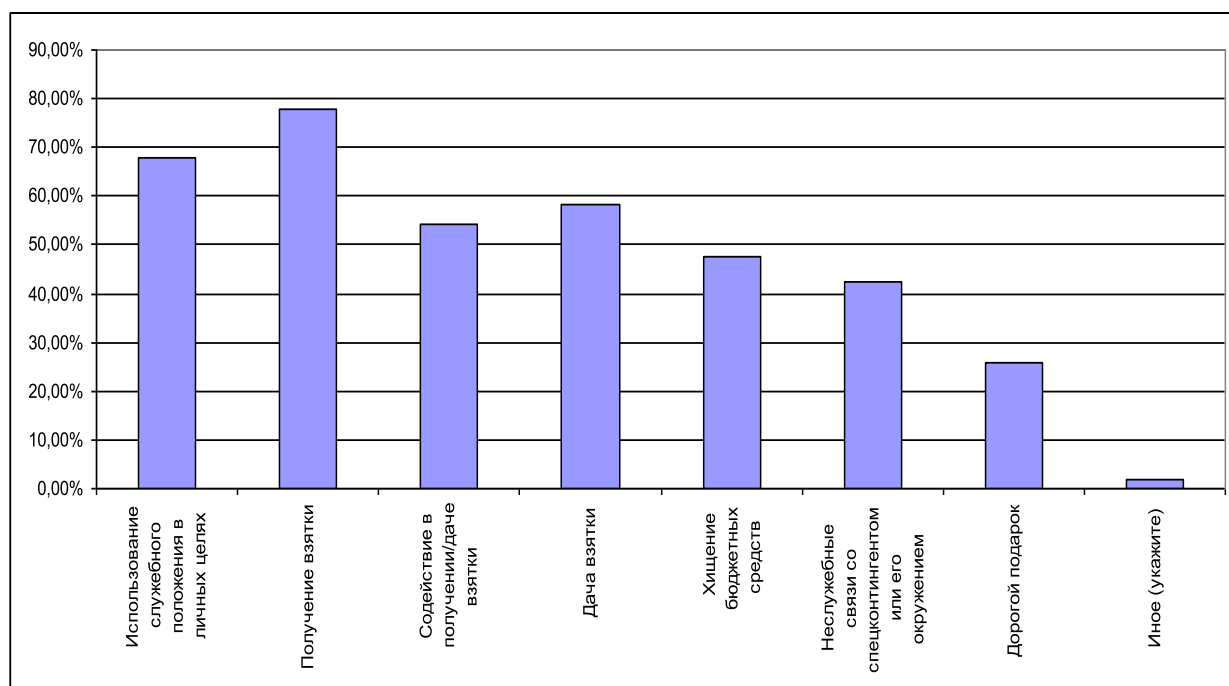

Рис. 4. Распределение анкет по способам совершения коррупционных правонарушений

Таблица 4

Распределение анкет по должностям, подверженным коррупции

Должности	Абс.	В %
Руководство учреждений	4496	37,04 %
Отдел безопасности/режима	2971	24,48 %
Отдел охраны	569	4,69 %
Оперативный отдел	2908	23,96 %
Воспитательный отдел	1607	13,24 %
Отдел специального учета	295	2,43 %
Отдел кадров	551	4,54 %
Отдел тылового обеспечения	1644	13,54 %
Юридическая служба	287	2,36 %
Производственно-технический отдел	720	5,93 %
Контрактная служба	714	5,88 %
Медицинская служба	735	6,06 %
Бухгалтерия	1126	9,28 %
Вольнонаемный персонал	1028	8,47 %

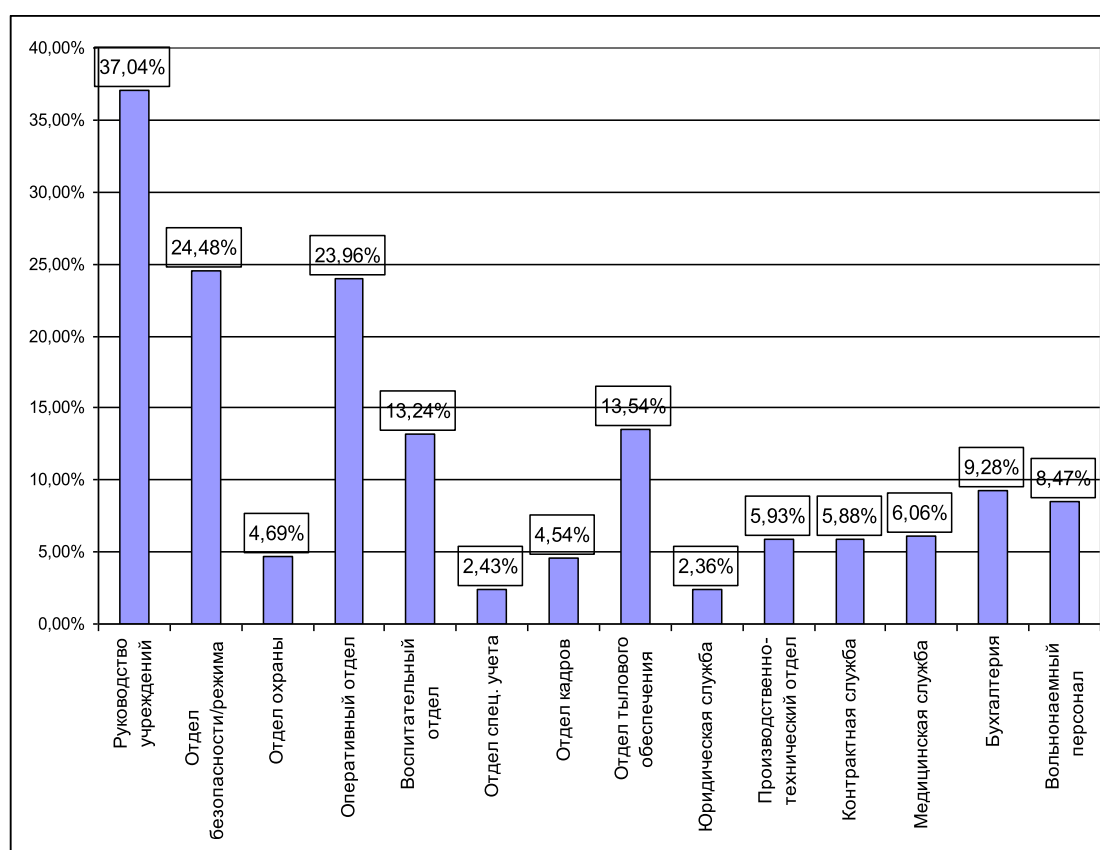

Рис. 5. Распределение анкет по должностям, подверженным коррупции

По коррупционным правонарушениям возможно приобретаемая выгода или преимущества могут быть материального и нематериального характера.

Согласно действующему закону под коррупцией понимается только использование должностного статуса для извлечения имущественной выгоды. Таким образом, существенный пласт служебных злоупотреблений для извлечения неимущественных выгод выводится за пределы коррупции. Тем не менее в рамках иных коррупционных правонарушений необходимо учитывать всю сово-

купность форм и проявлений. Так, по смыслу ст. 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями») под выгодой традиционно понимаются выгоды неимущественного характера, к которым может относиться, например, повышение уровня деловой репутации. Ст. 285 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями») предусматривает ответственность за злоупотребления не только из корыстной, но и иной личной заинтересованности, которая может быть обусловлена такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.

Публичный статус неправомерно используется для получения незаслуженных наград, ученых степеней, ученых и почетных званий; трудоустройства и продвижения по службе родственников, приятелей и других «нужных» людей; собственного уклонения и увода других от юридической ответственности; самочинного присвоения привилегий на использование телохранителей, спецтранспорта, «мигалок», кортежей, специальных автомобильных номеров, а также получения сексуальных услуг.

Чтобы поставить заслон подобным коррупционным проявлениям, в понятие коррупционной выгоды следует включить и неимущественную выгоду. Такая редакция соответствует смыслу ст. 2-11 Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» и ст. ст. 15, 16 и 21 Конвенции ООН против коррупции [6, с. 1450].

На основе проведенного исследования сделаны следующие предложения по снижению уровня коррупционных правонарушений.

1. Меры организационного характера:

а) эффективным средством противодействия коррупции и снижения уровня коррупционных правонарушений в финансово-хозяйственной деятельности (ФХД) органов и учреждений УИС России будет создание советов по противодействию коррупции в уголовно-исполнительной системе на уровне ФСИН России и его территориальных органов. Предлагаем закрепить существование советов по противодействию коррупции Приказом директора ФСИН России и руководителей территориальных органов соответственно, где предусмотреть порядок образования и работы советов, круг вопросов, решаемых на заседаниях, определить полномочия членов советов;

б) в целях эффективного и своевременного ведомственного контроля в сфере закупок, организации проведения контрольных мероприятий предлагаем создать в структуре контрольно-ревизионных отделов территориальных органов ФСИН России подразделения (группы) ведомственного контроля закупок (по аналогии с Главной контрольно-ревизионной инспекцией управления делами ФСИН России);

в) считаем необходимым организовать систему обязательного обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы – участников ФХД в сфере противодействия коррупции. Обучение должностных лиц будет способствовать снижению уровня коррупционных правонарушений.

2. Совершенствование нормативной правовой базы

а) совершенствование ведомственной нормативной базы по противодействию коррупции, затрагивающей как антикоррупционное регулирование отношений между сотрудниками уголовно-исполнительной системы – участниками ФХД, так и внутренние организационные процессы в ФХД органов и учреждений УИС России;

б) считаем необходимым дополнить перечень должностей федеральной государственной службы в уголовно-исполнительной системе, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих, супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденный приказом ФСИН России 2009 г. № 372, включив в него всех сотрудников органов и учреждений УИС России, тем или иным образом функционально связанных с осуществлением ФХД («коррупционно уязвимых»);

в) учитывая, что основным фактором, способствующим совершению коррупционных нарушений в финансово-хозяйственной деятельности органов и учреждений УИС, является недостаточный внутриведомственный контроль за состоянием ФХД, предлагаем ввести персональную ответственность руководителей органов и учреждений УИС России за нарушения порядка формирования размещения и использования заказов на закупку и поставку товаров, работ, услуг для государственных нужд.

Библиографический список

1. Хаснутдинов Р. Р., Ермакова Е. В. Стратегии противодействия коррупции в УИС на современном этапе // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. 2011. № 3(5). С. 50–56.
2. План противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2016–2017 гг. (утв. ФСИН России 13.05.2016) (с изм. от 11.08.2016) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.05.2018).
3. Аксенова А. В. О коррупционных рисках, возникающих при исполнении должностных обязанностей сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Вопросы безопасности. 2015. № 1. С. 98–109.
4. Доклад Общественной палаты об эффективности проводимых в Российской Федерации антикоррупционных мероприятий и участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2011. 6 с.
5. Сивцов С. А. Коррупционные преступления в исправительных колониях России и механизмы противодействия им: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 35 с.
6. Щедрин Н. В. О совершенствовании законодательного определения коррупции // Право и политика. 2009. № 7. С. 1450.

References

1. Hasnutdinov R. R., Ermakova E. V. Strategii protivodejstvija korruptsii v UIS na sovremen-nom `etape [The strategy of anti-corruption in penal correction system at the present stage]. *Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Bulletin of the Samara legal institute: scientific and practical journal], 2011, no. 3(5), pp. 50–56 [in Russian].
2. Plan protivodejstvija korruptsii Federal'noj sluzhby ispolne-nija nakazanij na 2016–2017 gody. (utv. FSIN Rossii 13.05.2016) (s izm. ot 11.08.2016) [Plan of anti-corruption of Federal service of execution of punishments for]. *SPS «Konsul'tant Pljus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 15.05.2018) [in Russian].
3. Aksenova A. V. O korruptsionnyh riskah, vznikajuschih pri ispolnenii dolzhnostnyh objazan-nostej sotrudnikami uchrezhdenij i organov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [About the corruption risks arising at execution of functions by the staff of institutions and bodies of a penal correction system]. *Voprosy bezopasnosti* [Security concerns], 2015, no. 1, pp. 98–109 [in Russian].
4. Doklad Obschestvennoj palaty ob `effektivnosti provodimyh v Rossijskoj Federatsii antikorrupsionnyh meroprijatij i uchastii institutov grazhdanskogo obschestva v realizatsii antikorrupsionnoj politiki [The report of Public chamber on efficiency of the anti-corruption events held in the Russian Federation and participation of institutes of civil society in realization of anticorruption policy]. Moscow: Obschestvennaja palata Rossijskoj Federatsii, 2011, 6 p. [in Russian].
5. Sivtsov S. A. Korruptsionnye prestuplenija v ispravitel'nyh kolonijah Rossii i mehanizmy protivodejstvija im. Avtoreferat diss. kand. jur. nauk [Corruption crimes in corrective labor colonies of Russia and mechanisms of counteraction by him. Extended Abstract of candidate's of Law thesis]. Saratov, 2017, 35 p. [in Russian].
6. Schedrin N. V. O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo opredelenija korruptsii [About improvement of legislative definition of corruption]. *Pravo i politika* [The Right and policy], 2009, no. 7, p. 1450 [in Russian].

УДК 340

Орлов Алексей Викторович

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного
процесса и криминалистики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: avorlov7@rambler.ru

Aleksey V. Orlov

Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of criminal procedure and
criminalistics,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: avorlov7@rambler.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В СВЕТЕ ВВЕДЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Появление в тексте УПК РФ новой меры пресечения в виде запрета определенных действий внесло существенные коррективы в саму систему процессуальных принудительных мер. Изменения затронули и меру пресечения в виде домашнего ареста. Однако далеко не все новеллы, как нам представляется, носят бесспорный характер и позволяют повысить эффективность применения домашнего ареста.

Приведенные в статье статистические данные убедительно демонстрируют продолжавшийся до последнего времени рост количества применений домашнего ареста в качестве меры пресечения. Однако, по мнению автора, рассматриваемые законодательные изменения способны существенно изменить пропорцию и сократить использование анализируемой меры пресечения в правоприменительной практике.

Отдельно в работе затронуты проблемы технической оснащенности уголовно-исполнительных инспекций как органов, осуществляющих контроль за соблюдением обвиняемым требований домашнего ареста. Автор отмечает, что новая редакция УПК РФ впервые зафиксировала на законодательном уровне возможность замены домашнего ареста при отказе обвиняемого от применения к нему технических средств контроля или при их повреждении. Вызывает вопросы и новый перечень запретов, сопряженных с домашним арестом.

В целом в работе дается анализ новой редакции ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ в свете внесенных изменений и формулируются возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, уголовно-процессуальная деятельность, уголовный процесс, полномочия уголовно-исполнительных инспекций.

ACTUAL PROBLEMS OF HOUSE ARREST IN THE CONTEXT OF NEW PREVENTIVE MEASURE PROHIBITING CERTAIN ACTIONS

Summary. The appearance of a new measure of restraint in the Criminal procedure code in the form of prohibition of certain actions made significant adjustments to the system of procedural coercive measures. The changes also affected the house arrest. However, not all of the novelties seem to be indisputable and allow to improve the use of house arrest.

The statistical data presented in the article convincingly demonstrate the growth of the number of applications of house arrest as a preventive measure, which has continued until recently. However, according to the author, the considered legislative changes may change the ratio and reduce the use of analyzed measure of restraint in law enforcement.

Separately in the work affected by the technical problems of equipment status of the criminal executive inspections as bodies exercising control over the observance by the accused of the requirements of house arrest. The author notes that the new version of the code of criminal procedure for the first time recorded at the legislative level the possibility of replacing house arrest in case of refusal of the accused to use technical means of control or damage to them. The new list of prohibitions associated with house arrest also raises questions.

As a whole, the scientific article analyzes the new version of regulation of house arrest in the Criminal procedure code of the Russian Federation and formulates possible ways of solving the identified problems.

Keywords: preventive measures, house arrest, prohibition of certain actions, criminal procedural activity, criminal procedure, powers of criminal executive inspections.

Появившаяся вместе с принятием УПК РФ 2001 г. новая для отечественного уголовно-процессуального законодательства мера пресечения в виде домашнего ареста в течение достаточно продолжительного времени оставалась практически неработающей конструкцией. Причин тому

было много, причем далеко не последнее место среди них занимало отсутствие в тексте УПК РФ четкой процедуры реализации этой меры пресечения. Несмотря на это, перспективы применения домашнего ареста были очевидны уже тогда, что подталкивало ученых-процессуалистов заниматься исследованием данной тематики [1, с. 78].

Ситуация кардинально изменилась с принятием Федерального закона № 420-ФЗ от 07.12.2011 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который, по сути, превратил ст. 107 УПК РФ из «мертвой» нормы в активно применяемое правовое правило. В рассматриваемой статье наконец-то появилась процедура избрания и изменения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также было расписано (пусть и в самом общем виде) содержание основных запретов, возлагаемых на помещенных под домашний арест лиц.

Данные судебной статистики последних лет отражают безусловный факт, что количество случаев применения домашнего ареста вплоть до апреля 2018 г. продолжало неуклонно увеличиваться. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2016 г. было заявлено и рассмотрено судами всех уровней 6857 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (удовлетворено – 6056), а в 2017 г. – уже 7339 (удовлетворено – 6442) [2].

Принятие же Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» [3] (далее – Федеральный закон № 72-ФЗ), который ввел в текст УПК РФ новую меру пресечения «запрет определенных действий» (ст. 105.1 УПК РФ) и кардинально поменял правовое содержание ряда других принудительных мер из той же главы, как нам представляется, знаменует начало нового этапа в применении домашнего ареста.

Говорить о том, как в действительности повлиял Федеральный закон № 72-ФЗ на практику применения домашнего ареста, пока преждевременно, однако предвидеть некоторые «потенциальные» трудности его реализации с учетом внесенных изменений можно уже сейчас.

Во-первых, законодатель изменил понятие домашнего ареста. Если раньше рассматриваемая мера пресечения подразумевала нахождение лица, к которому она применялась, в условиях «полной либо частичной изоляции от общества» в определенном жилом помещении, то после апрельских изменений домашний арест выражается просто в «изоляции от общества» без уточнения объема этой изоляции.

Такая редакция ч. 1 ст. 107 УПК РФ недвусмысленно указывает на то, что изоляция как сущностная составляющая домашнего ареста перестает быть переменной величиной, и по законам логики должна теперь всегда пониматься как полная изоляция. Частичная же изоляция, если под ней понимать нахождение лица в определенном жилом помещении в установленное судебным решением время, вполне может реализовываться через запрет определенных действий, то есть не требует теперь применения домашнего ареста.

На наш взгляд, такое законодательное новшество вряд ли можно признать бесспорным и лишенным недостатков. Как показывает практика, домашний арест чаще всего избирался при невозможности применить к подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу по состоянию здоровья, что подразумевает возможность покидать место жительства, например, для проведения медицинских процедур. Если же изоляция станет полной, не подразумевающей право выходить из квартиры или другого места жительства, то и смысл избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения исчезнет. В подобных ситуациях, видимо, придется избирать запрет определенных действий.

Во-вторых, законодатель при формулировании ст. 107 УПК РФ отказался от ранее применявшегося для описания налагаемых домашним арестом правоограничений термина «ограничение». Теперь домашний арест характеризуется исключительно «запретами», установленными в п. п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

В настоящее время сложно предвидеть, какие правовые последствия повлечет такое терминологическое изменение и насколько оно существенно. Вероятнее всего, использование в Федеральном законе № 72-ФЗ исключительно термина «запрет» должно подчеркнуть степень серьезности правоограничения и не дать возможности смягчать их по усмотрению суда. Здесь же отметим, что из числа запретов, которые могут налагаться на обвиняемого или подозреваемого по усмотрению суда при применении домашнего ареста, в новой редакции ст. 107 УПК РФ исключен запрет выходить за пределы жилого помещения в определенные периоды времени. Скорее всего,

этот запрет теперь должен устанавливаться «по умолчанию», в любом случае. Видимо, это лишний раз подтверждает, что домашний арест превращается в полную, не подразумевающую исключений изоляцию лица от общества.

В-третьих, Федеральным законом № 72-ФЗ существенно расширен перечень условий, которые могут повлечь изменение домашнего ареста на более строгую меру пресечения.

Если раньше законодатель говорил о некоем абстрактном нарушении «условий исполнения» домашнего ареста, то теперь в ч. 14 ст. 107 УПК РФ в дополнение к указанному перечислены конкретные действия, влекущие замену избранной меры пресечения на заключение под стражу. В этот перечень вошли и отказ обвиняемого от применения специальных технических средств контроля (электронных, аудиовизуальных и др.), и умышленное их повреждение, нарушение целостности или уничтожение, и любые другие действия, направленные на нарушение функционирования средств контроля.

Такое внимание законодателя к сохранности и исправности технических средств контроля вполне понятно, так как на современном этапе именно оборудование СЭМПЛ является, по сути, единственной реальной возможностью для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций обеспечить эффективный контроль за соблюдением обвиняемыми или подозреваемыми правовых запретов, установленных домашним арестом [4, с. 47]. Однако до сих пор законодатель очень неохотно включал в текст УПК РФ прямые отсылки к технической стороне реализации процессуальных положений. Хочется надеяться, что подобные аспекты в будущем будут освещаться более детально.

К сожалению, при формулировании текста новой редакции ст. 107 УПК РФ за пределами внимания законодателя так и остался вопрос о том, в каких случаях домашний арест должен обязательно сопровождаться применением технических средств контроля, а в каких этот вопрос остается на усмотрение суда. Осознавая, что техническая оснащенность уголовно-исполнительных инспекций оставляет желать лучшего и что оборудование СЭМПЛ не всегда надежно обеспечивает контроль за поведением обвиняемого, рискнем предположить, что эффективность домашнего ареста с точки зрения достижения целей, указанных в ст. 97 УПК РФ, с учетом рассматриваемых изменений в законе вряд ли повысится. В этой связи целесообразным представляется дополнить текст ст. 107 УПК РФ перечнем случаев, когда применение технических средств контроля при избрании домашнего ареста является обязательным. Другим вариантом решения является установление в законе обязанности суда при избрании рассматриваемой меры пресечения всегда разрешать вопрос о необходимости применения СЭМПЛ или других средств обеспечения.

И, наконец, еще один вопрос, на котором нельзя не остановиться при рассмотрении новой редакции домашнего ареста. Связан он со сроками применения данной меры пресечения и зачета времени пребывания под арестом в итоговый срок назначенного по приговору наказания.

В соответствии со ст. 109 УПК РФ предельный срок заключения лица под стражу (или под домашний арест, так как данная норма распространяет свое действие и на него) в ходе досудебного производства по уголовному делу с учетом всех возможных продлений составляет 18 месяцев, после чего данная мера пресечения должна быть заменена или отменена. Как уже было отмечено выше, домашний арест предполагает изоляцию лица от общества в определенном жилом помещении; при этом ограничение права на свободу передвижения и выбора места пребывания считается настолько строгим правоограничением, что срок домашнего ареста засчитывается в срок лишения свободы (при условии осуждения человека к этому наказанию) из расчета 1 день лишения свободы за 1 день ареста.

Теперь же с учетом внесенных Федеральным законом № 72-ФЗ изменений практически те же правоограничения для обвиняемого или подозреваемого можно добиться гораздо проще и без приложения со стороны следователя или дознавателя тех усилий, которые раньше требовались для помещения лица под домашний арест. Дело в том, что п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ закрепил возможность установить для названных выше лиц запрет на выход за пределы жилого помещения, в котором они проживают, в определенные периоды времени (что, по сути дела, поразительно напоминает домашний арест). Более того, законодатель предусмотрел возможность установления этого запрета на гораздо более длительные сроки, чем при применении домашнего ареста – вплоть до 36 месяцев с момента избрания меры пресечения по обвинению в совершении особо тяжкого преступления. Отдельно прописана возможность применения данной меры пресечения при обвинении лица в совершении преступлений даже небольшой тяжести, что для ареста было практически исключено. И, что самое главное, нигде в уголовно-процессуальном законе не установлен механизм зачета этого срока в итоговый срок наказания, что по логике существенно снижает риск выплаты больших компенсаций при реабилитации незаконно привлеченного к ответственности лица.

Получается, что при таких формулировках закона следовательно нет никакого смысла «связываться» с домашним арестом, который потом еще и будет зачтен в срок наказания, когда есть запрет на совершение определенных действий, позволяющий фактически те же ограничения на обвиняемого возлагать на более длительный срок и без последующего зачета в срок назначенного наказания. Такой подход в перспективе, как нам представляется, способен существенно сократить количество лиц, к которым будет избираться домашний арест, за счет роста количества обвиняемых и подозреваемых, ограниченных запретом определенных действий.

Завершая статью, еще раз подчеркнем, что изменения в УПК РФ, внесенные Федеральным законом № 72-ФЗ, в любом случае демонстрируют внимание законодателя к проблемам мер пресечения. Вместе с тем для успешного решения целого ряда вопросов требуется не только совершенствование законодательных формулировок, но и серьезное техническое оснащение уголовно-исполнительных инспекций как контролирующих исполнение домашнего ареста органов.

Библиографический список

1. Беляков А. В., Попова Л. Н. Понятие домашнего ареста как меры процессуального пресечения // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 4(29). С. 78–82.
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. Раздел «Правовая статистика». URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 16.05.2018).
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.
4. Демидова Е. Т., Грязева Н. В. Основные направления оптимизации практики применения домашнего ареста с использованием электронных средств надзора и контроля // Организационные, правовые и технические проблемы использования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц: материалы ведомственной научно-практической конференции (17 февраля 2012 г.). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2012. С. 46–49.

References

1. Belyakov A. V., Popova L. N. Ponyatie domashnego aresta kak mery processual'nogo presecheniya [The concept of house arrest as a measure of procedural restraint]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of Vladimir law institute], 2013, no. 4(29), pp. 78–82 [in Russian].
2. Oficial'nyj sajт Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. Razdel «Pravovaya statistika» [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court]. URL: <http://www.cdep.ru/> (Accessed: 16.05.2018) [in Russian].
3. O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti izbraniya i primeneniya mer presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij, zaloga i domashnego aresta: Federal'nyj zakon ot 18 aprelya 2018 g. № 72-FZ [About modification of the Criminal procedure code of the Russian Federation regarding election and application of measures of restraint in the form of the ban of actions, pledge and house arrest]. *Sobraniye Zakonodatel'stva RF* [Meeting of the legislation of Russian Federation], 2018, no. 17, st. 2421 [in Russian].
4. Demidova E. T., Gryazeva N. V. Osnovnye napravleniya optimizacii praktiki primeneniya domashnego aresta s ispol'zovaniem ehlektronnyh sredstv nadzora i kontrolya [The main directions of optimization of practice of application of house arrest with use of electronic means of supervision and control]. *Organizacionnye, pravovye i tekhnicheskie problemy ispol'zovaniya sistemy ehlektronного monitoringa podkontrol'nyh lic: materialy vedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii (17 fevralya 2012 g.)* [Organizational, legal and technical problems of using the electronic monitoring system of controlled entities: materials of the departmental scientific and practical conference (February 17, 2012)]. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2012, pp. 46–49 [in Russian].

УДК 340

Расторопов Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры профессиональных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: crimlaw@samlawin.ru

Sergey V. Rastoropov

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of professional disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: crimlaw@samlawin.ru

Адылин Дмитрий Михайлович

преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: crimlaw@samlawin.ru

Dmitriy M. Adylin

Lecturer of the criminal and penal
executive law Department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: crimlaw@samlawin.ru

**К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ
(Ч. Ч. 1–3 СТ. 122 УК РФ)**

***Аннотация.** Современная ситуация в противодействии распространению вируса иммунодефицита человека в России не полной мере соответствует требованиям обеспечения населения мерами по профилактике заражения ВИЧ-инфекцией, в том числе с использованием средств уголовно-правового воздействия. Количество зафиксированных преступлений остается незначительным по сравнению с постоянным увеличением новых случаев заражения ВИЧ-инфекцией, выявленных медицинскими учреждениями. Поэтому существует необходимость в изучении уголовно-правовых средств борьбы с заражением ВИЧ-инфекцией.*

В статье проводится исследование субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. ч. 1–3 ст. 122 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), а именно вины как ее основного признака. Подробно рассмотрены позиции ученых-правоведов в области решения проблемы, связанной с определением формы вины заведомого поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 122 УК РФ), а также заражения другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни (ч. ч. 2, 3 ст. 122 УК РФ). В материалах исследования отражена авторская позиция по данным вопросам с учетом международного опыта уголовно-правового противодействия заражению ВИЧ-инфекцией, внесены предложения по изменению уголовного законодательства в конструкции ст. 122 УК РФ.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, заражение, вина, умысел, неосторожность.

**THE QUESTION ABOUT THE SUBJECTIVENESS FOR HIV INFECTION
(PARTS 1–3, ARTICLE 122 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

***Summary.** The current situation in counteracting the spread of the human immunodeficiency virus in Russia does not meet the requirements of providing the population with measures for the prevention of HIV infection, including with the use of criminal law means. The number of recorded crimes remains insignificant in comparison with the continuous increase in new HIV infections detected by medical institutions. Therefore, there is a need to study criminal legal means to combat infection with HIV.*

In the article the author conducts research on the subjective side of the crime, provided for in part 1, 122 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely, guilt, as its main feature. The scientific positions of legal scholars in the field of solving the problem of determining the form of guilt of deliberately posing in danger of contracting HIV infection (Part 1, Article 122 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as infecting another person with HIV infection by a person who knew about the presence of HIV of this disease (part 2, Article 122 of the Criminal Code). The materials of the study reflect the author's position on these issues, taking into account the international experience of criminal legal opposition to HIV infection, and proposals have been made to amend criminal legislation in the design of Art. 122 of the Criminal Code.

Keywords: HIV infection, infection, guilt, intent, imprudence.

В настоящее время проблема распространения ВИЧ-инфекции среди населения является не только нерешенной, но и прогрессирующей. Отсутствие медицинских препаратов, способных излечить данное заболевание, приводит государство и общество к принятию различных мер по противодействию заражения ВИЧ-инфекцией: медицинского лечения, социальной поддержки

больных, а также уголовно-правовых средств борьбы с распространением ВИЧ-инфекции, предусмотренные ст. 122 УК РФ.

При этом согласно статистическим данным за 2014–2017 гг. по количеству совершенных преступлений заражение ВИЧ-инфекцией находится на одном из последних мест. Так, в 2014 г. зафиксировано 42 преступления по ст. 122 УК РФ, в 2015 г. – 45, в 2016 г. – 55, в 2017 г. – 56 [1]. Указанные данные отражают лишь минимум зафиксированных случаев совершения преступлений, связанных с заражением ВИЧ-инфекцией, что подтверждается показателями регистрации новых случаев заражения. Так, с момента выявления первого случая ВИЧ-инфекции в России в 1987 г. до 2014 года было зарегистрировано 864 394 случая заражения граждан России, а на 31 декабря 2017 г. данная цифра составляла уже 1 220 659 человек [2]. Поэтому преступления, связанные с заражением ВИЧ-инфекцией, имеют высокий уровень латентности и требуют большего внимания со стороны государства и общества.

Рассматривая уголовно-правовую характеристику ст. 122 УК РФ, стоит уделить внимание субъективной стороне данного преступления, центральным элементом которой является вина, то есть психическое отношение лица к общественной опасности своего деяния и наступлению общественно опасных последствий.

Вина, являясь одним из основных элементов субъективной стороны состава преступления, непосредственно влияет на признание деяния преступлением и позволяет назначить справедливое наказание.

Анализируя субъективную сторону ч. 1 ст. 122 УК РФ, стоит отметить, что среди ученых отсутствует единое мнение по форме вины данного состава преступления. Ряд правоведов придерживаются мнения о том, что субъективная сторона заведомого поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией характеризуется сознанием лица. Поэтому они предполагают, что данное преступление может совершаться в форме прямого умысла, косвенного умысла или легкомыслия [3].

Ю. А. Красиков придерживается мнения о том, что субъективная сторона заведомого поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией характеризуется косвенным умыслом или преступным легкомыслием [4, с. 331]. Противоположной точки зрения придерживается третья группа ученых, которая отмечает, что заведомое поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией может совершаться только в форме прямого умысла [5].

Четвертая группа ученых субъективную сторону заведомого поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией определяет как вину в форме прямого или косвенного умысла. Обоснованием данной точки зрения является то, что в ходе совершения противоправного деяния субъект должен осознавать общественную опасность поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией [6, с. 133].

Единое мнение выражают все ученые по поводу отсутствия такой формы вины, как небрежность, что обусловлено отсутствием интеллектуального критерия вины. При этом трудно согласиться с тем, что совершение данного преступления возможно в форме легкомыслия, так как обязательным его признаком является «заведомость поставления», то есть лицо сознательно нарушает правила предосторожности, достоверно зная о возможности создания опасности заражения потерпевшего [7, с. 169], а при совершении преступлений в форме легкомыслия данный интеллектуальный элемент отсутствует. Поэтому в случае когда субъект соблюдает все меры предосторожности, ответственность по ч. 1 ст. 122 УК РФ исключается.

Анализируя судебную практику, можно встретить случаи неверной квалификации заведомого поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией в форме легкомыслия. Так, в соответствии с приговором мирового судьи гр-ка М., проявив преступное легкомыслие, не предупредив В. о наличии у нее ВИЧ-инфекции, предвидя возможность заражения В. данной болезнью и безразлично относясь к этому, сознательно пренебрегая санитарно-гигиеническими правилами при совершении половых актов с В. дома у последнего по вышеуказанному адресу, перестала использовать предохранительные средства и современные методы контрацепции, тем самым поставив В. в опасность заражения ВИЧ-инфекцией [8]. В данном случае содержание приговора суда противоречиво, так как суд квалифицирует деяние, совершенное в форме легкомыслия, при этом указывает, что М. осознавала, что, пренебрегая санитарно-гигиеническими правилами при совершении половых актов с В., создает опасность заражения ВИЧ-инфекцией и сознательно допускает наступление данной опасности. Данные действия отражают умышленную форму вины.

В аналогичной ситуации судья Судебного участка № 107 Усть-Удинского района Иркутской области правильно квалифицировал действия Шакировой Н. Р., которая в период

с 07.2015 по 12.2016, действуя умышленно, осознавая фактический характер и общественную опасность своих преступных действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий, а именно возможного заражения, своевременно не предупредила своего партнера Атабаева Э. А. о наличии у нее данного заболевания, регулярно вступала с последним в незащищенные средствами контрацепции половые акты. Таким образом, Шакирова Н. Р. при указанных обстоятельствах, действуя умышленно, заведомо поставила Атабаева Э. А. в опасность заражения ВИЧ-инфекцией [9].

Спорным представляется также мнение о том, что заведомое поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией может быть совершено в форме косвенного умысла. Это обусловлено тем, что данные ученые косвенный умысел определяют по отношению к наступлению последствий в виде заражения ВИЧ-инфекцией, а не к созданию опасности заражения. Также состав преступления по ч. 1 ст. 122 УК РФ сконструирован как усеченный, то есть момент окончания преступления перенесен на стадию подготовки, а в науке уголовного права признано, что подготовка к преступлению не может быть совершена в форме косвенного умысла [7, с. 161]. Поэтому данное преступление может быть совершено только в форме прямого умысла. При этом, учитывая усеченную конструкцию состава преступления, прямой умысел должен быть направлен на совершение противоправного деяния, то есть субъект должен осознавать, что своими действиями (бездействием) создает опасность заражения ВИЧ-инфекцией и желает ее создать.

Рассматривая субъективную сторону заражения ВИЧ-инфекцией (ч. ч. 2, 3 ст. 122 УК РФ), отметим, что в науке уголовного права также отсутствует единое мнение по поводу формы вины совершения данного преступления.

Так, некоторые ученые считают, что субъективная сторона данного преступления выражена только в неосторожной форме вины [10]. При этом в случае умышленного заражения другого лица ВИЧ-инфекцией виновный должен нести ответственность по ст. 111 УК РФ, так как данная болезнь неизлечима, заканчивается смертью. На наш взгляд, данное утверждение спорно, так как, анализируя норму ст. 111 УК РФ, можно отметить, что существует закрытый перечень заболеваний, утвержденный приказом Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н, в котором отсутствует заболевание в виде ВИЧ-инфекции. Следовательно, квалификация по данной статье УК РФ за умышленное заражение невозможна.

Другие правоведы придерживаются мнения о том, что заражение ВИЧ-инфекцией (ч. ч. 2, 3 ст. 122 УК РФ) возможно только в форме умысла, как прямого, так и косвенного [11, с. 83; 6, с. 133]. При этом необходимо отметить, что осознание противоправного деяния также характерно и для легкомыслия. Хотя законодательное определение легкомыслия не содержит элемента осознания, предвидение является одной из функций сознания. Поэтому в отличие от умысла при легкомыслии осознается лишь фактическая опасность своих действий, но недостигающая степени опасности, характерной для преступления.

Так, если ВИЧ-инфицированное лицо рассчитывало, что заражения не произойдет вследствие стерилизации использованного шприца, хотя, как потом выяснилось, недостаточно тщательной, и в результате чего произошла передача ВИЧ-инфекции, то данное преступление необходимо квалифицировать как преступление, совершенное по легкомыслию.

Следовательно, стоит поддержать позицию тех ученых, которые отмечают, что субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. ч. 2, 3 ст. 122 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла, а также неосторожностью в форме преступного легкомыслия [5].

При этом важно отметить, что в науке уголовного права одним из показателей вины является ее степень, которая отражает глубину искажения социальных ориентаций субъекта, его представлений об основных социальных ценностях [12]. Как отмечали П. С. Дагель, Р. И. Михеев, степень отрицательного отношения лица к интересам общества, проявленного в совершенном деянии, характеризуется совокупностью формы и содержания вины с учетом психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин [13, с. 17]. Поэтому трудно согласиться с тем, что степень общественной опасности заражения ВИЧ-инфекцией, совершенного умышленно при полном несоблюдении мер предосторожности и в форме легкомыслия, когда ВИЧ-инфицированное лицо, соблюдая меры предосторожности, не в полной мере их выполняет, является одинаковой.

Также в уголовном законодательстве некоторых стран находит свое отражение дифференцированный подход привлечения к уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией

в зависимости от формы вины. Так, ст. 130 УК Украины предполагает различные санкции за заражение ВИЧ-инфекцией при умышленной форме вины и при неосторожности [14]. Также УК Республики Беларусь предполагает разделение санкций за заражение ВИЧ-инфекцией в зависимости от формы вины. За заражение ВИЧ-инфекцией другого лица по легкомыслию или с косвенным умыслом лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, – наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет (ч. 2 ст. 157 УК РБ), а с прямым умыслом, – на срок от пяти до тринадцати лет лишения свободы (ч. 3 ст. 157 УК РБ) [15].

Поэтому для соблюдения принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) предлагаем внести изменения в ст. 122 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

« ...1.1. Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, совершенное по неосторожности, – наказывается лишением свободы на срок до трех лет».

Библиографический список

1. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ, формы – 10-а [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 23.04.2018).
2. Справка ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://aids-centr.perm.ru> (дата обращения: 23.04.2018).
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / отв. ред. В. И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.04.2018).
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 976 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. Г. А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.04.2018).
6. Норвартян Ю. С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. 224 с.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
8. Решение по делу 1-46/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 23.04.2018).
9. Решение по делу 1-28/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 23.04.2018).
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / отв. ред. А. И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2004. URL: <https://studfiles.net> (дата обращения: 23.04.2018).
11. Власенко С. С. Уголовно-правовые аспекты противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний человека: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 183 с.
12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник [Электронный ресурс] / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2008. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.04.2018).
13. Дагель П. С., Михеев Р. И. Установление субъективной стороны преступления. Владивосток, 1972. 36 с.
14. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks> (дата обращения: 23.04.2018).
15. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.kulichki.com> (дата обращения: 23.04.2018).

References

1. Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa RF, formy – 10-a [Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation, forms – 10-a]. URL: <http://www.cdep.ru> (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].

2. Spravka VICH-infekciya v Rossijskoj Federacii na 31 dekabrya 2017 g. [Reference HIV infection in the Russian Federation as of December 31, 2017]. URL: <http://aids-centr.perm.ru> (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].
3. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Prospekt, 2008. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].
4. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. In V. M. Lebedev (ed.). 5-e izd., pererab. i dop. Moscow: Norma, 2007, 976 p. [in Russian].
5. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. In G. A. Esakov (ed.). 7-e izd., pererab. i dop. Moscow: Prospekt, 2017. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].
6. Norvartian Yu. S. Zarazhenie infekcionnymi zabolevanijami, predstavlyayushchimi opasnost' dlya okruzhayushchih: voprosy kriminalizacii i penalizacii. Diss. kand. jurid. nauk [Infection with infectious diseases that are dangerous for others: the issues of criminalization and penalization. Candidate's of Law thesis]. Samara, 2015, 224 p. [in Russian].
7. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshechaya chast': uchebnik dlya vuzov [Criminal law of the Russian Federation. General part]. In V. S. Komissarov, N. E. Krylova, I. M. Tyazhkova (ed.). Moscow: Statute, 2012, 879 p. [in Russian].
8. Reshenie po delu 1-46/2015 [Decision on case 1-46/2015]. URL: <https://rospravosudie.com> (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].
9. Reshenie po delu 1-28/2017 [Decision on case 1-28/2017]. URL: <https://rospravosudie.com> (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].
10. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: TK Velby; Izd-vo Prospekt, 2004. URL: <https://studfiles.net> (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].
11. Vlasenko S. S. Ugolovno-pravovye aspekty protivodejstviya rasprostraneniyu opasnyh infekcionnyh zabolevanij cheloveka. Diss. kand. jurid. nauk. Krasnodar [Criminally-legal aspects of to distribution of dangerous infectious diseases of the person. Candidate's of Law thesis]. Krasnodar, 2011, 183 p. [in Russian].
12. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshechaya chast': uchebnik [Criminal law of the Russian Federation. General part]. In L. V. Inogamova-Hegaj, A. I. Rarog, A. I. Chuchaev (eds.). 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: KONTRAKT; INFRA-M, 2008. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].
13. Dageļ P. S, Mikheev R. I Ustanovlenie subektivnoj storony prestupleniya [Establishment of subjective side of the crime]. Vladivostok, 1972, 36 p. [in Russian].
14. Ugolovnyj kodeks Ukrainy [Criminal Code of Ukraine]. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks> (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].
15. Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus' [The Criminal Code of the Republic of Belarus]. URL: <http://pravo.kulichki.com> (Accessed: 23.04.2018) [in Russian].

УДК 340

Самиулина Яна Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры профессиональных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: yanasam-09@mail.ru

Yana V. Samiulina

Candidate of Law,
Assistant Professor of the Department of professional disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: yanasam-09@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются отдельные проблемы назначения судебной экспертизы на стадии предварительного расследования. Автором высказывается предложение закрепить в ч. 3 ст. 195 УПК РФ обязанность следователя (дознателя) проводить ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя с вынесенным постановлением о назначении судебной экспертизы до начала ее производства.

Одной из актуальных проблем стадии досудебного разбирательства является длительность производства судебной экспертизы, что порождает в следственной практике определенные сложности. Согласно ст. 208 УПК РФ период производства экспертизы не отнесен к основанию приостановления предварительного следствия. В связи с этим автор считает целесообразным внести дополнительное основание для приостановления предварительного следствия – «п. 5) производство судебной экспертизы».

Нередко формулировки вопросов в постановлении о назначении экспертизы не соответствуют общепринятым рекомендациям. Автором предлагается ч. 2 ст. 204 УПК РФ дополнить следующим положением: «в случае необходимости эксперт имеет право изменить редакцию поставленных вопросов, не изменяя их смысл, о чем обязан не позднее 24 часов с момента начала производства экспертизы в письменном виде уведомить субъекта, назначившего экспертизу».

Ключевые слова: предварительное расследование, судебная экспертиза, постановление, заключение эксперта, процессуальный срок, процессуальные права.

SPECIFIC ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE PRACTICE OF APPOINTMENT OF JUDICIAL EXPERTISE AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Summary. In this article, some problems of the appointment of judicial expertise at the stage of preliminary investigation are considered. The author expresses an offer in part 3 of Art. 195 of the Code of Criminal Procedure fix a direct indication of the duty of the investigator (inquirer) to acquaint with the decision to appoint an expert examination of the suspect, the accused, his counsel, the victim, his representative before the start of its production.

One of the topical problems of the pre-trial stage is the length of the forensic examination, which gives rise to certain difficulties in the investigative practice. According to Art. 208 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the period for the production of the examination is not attributed to the ground for suspension of the preliminary investigation. In this regard, we believe it is advisable to adduce additional grounds for suspending the preliminary investigation by including in the specified rule clause «5) the production of a forensic examination».

Often, the wording of questions in the decision on the appointment of examination does not comply with generally accepted recommendations. The author proposes Part 2 of Art. 204 of the Code of Criminal Procedure should be supplemented with the following provision: «if necessary, the expert shall have the right to change the wording of the issues raised, without changing their meaning, which must be notified in writing to the subject who has made the examination no later than 24 hours after the commencement of the examination».

Keywords: preliminary investigation, judicial examination, decision, expert's conclusion, procedural term, procedural rights.

Назначение экспертизы представляет собой процессуальное действие, проводимое для получения значимых доказательств расследуемого события.

В гл. 27 УПК РФ определены права, обязанности, правоотношения всех участников экспертизы, а также содержание документов, оформляемых во время экспертных мероприятий. Процесс взаимодействия органов предварительного расследования с экспертными подразделениями

определен Федеральным законом от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1].

На стадии предварительного расследования следователь (дознатель) принимает решение о назначении судебной экспертизы сразу же, как возникает необходимость (ст. ст. 195, 207 УПК РФ). При этом под необходимостью назначения экспертного исследования следует понимать возникновение потребности использования специальных криминалистических познаний для решения возникающих в ходе расследования вопросов, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Несмотря на правовое регламентирование вопросов, относящихся к проведению экспертизы по уголовным делам, следственно-экспертная практика показывает, что на этапе досудебного производства нередко возникают отдельные проблемы. Так, одним из дискуссионных является вопрос, связанный со сроком ознакомления заинтересованных участников по уголовному делу с вынесенным процессуальным решением лица, производящего расследование, о назначении судебной экспертизы [2, с. 178].

Действующая редакция ч. 3 ст. 195 УПК РФ указывает на обязанность следователя знакомить заинтересованных лиц с вынесенным постановлением о назначении судебной экспертизы, о чем составить протокол. Эта возможность предоставляется с тем, чтобы подозреваемый, обвиняемый, их защитники, потерпевший, его представитель могли реализовать предоставленные им права, закрепленные п. п. 2–4 ст. 198 УПК РФ. Однако сроки ознакомления как с составленным постановлением о назначении экспертного исследования, так и с заключением эксперта в законе не уточняются (ч. 3 ст. 195, ст. 198 УПК РФ). Полагаем, что законодатель предполагал выполнение следователем указанной обязанности до начала производства назначенной им экспертизы. Но, к сожалению, на практике часто следователи исполняют это требование уже после окончания экспертизы и получения результатов экспертного исследования, нередко в момент выполнения требований ст. ст. 216, 217 УПК РФ, то есть после окончания следственных действий при ознакомлении с материалами уголовного дела.

В результате такая практика фактически нарушает целый ряд прав участников процесса, связанных с назначением судебной экспертизы. Например, обвиняемые и потерпевшие лишены возможности заявить отвод эксперту, задать какие-либо вопросы, участвовать в выборе экспертного учреждения, представлять на исследование дополнительные объекты, присутствовать при производстве экспертизы. Тем самым нарушаются их конституционные права.

В этой части показательным является следующий пример судебной практики. Суд апелляционной инстанции согласился с доводами апелляционной жалобы осужденной З. и ее защитника, что постановление о назначении медико-криминалистической ситуационной судебной экспертизы вынесено с существенным нарушением положений уголовно-процессуального законодательства. Следователем не было указано, экспертам какого именно экспертного учреждения поручено производство экспертизы, чем нарушены права участников процесса, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК РФ. С постановлением о назначении экспертизы потерпевший, обвиняемая и ее защитник ознакомлены после проведения экспертизы. При этом сторона защиты выразила несогласие с заключением эксперта и представила ходатайство, связанное с производством данной экспертизы, в его удовлетворении следователем было отказано [3].

Для устранения создавшейся ситуации в Государственной думе РФ обсуждался законопроект № 632474-6 «О внесении изменений в ч. 3 ст. 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в котором авторы предлагали уточнить порядок ознакомления заинтересованных лиц с постановлением о назначении экспертизы, указав обязанность следователя это сделать до направления его эксперту. Законопроект, к сожалению, был отклонен [4].

Полагаем, что внесение изменений в ч. 3 ст. 195 УПК РФ необходимо и целесообразно на законодательном уровне закрепить обязанность следователя (дознателя) проводить ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя с вынесенным постановлением о назначении судебной экспертизы до начала ее производства.

Одной из проблем, связанной с производством экспертного исследования на стадии расследования, являются сроки производства экспертиз, которые в уголовном судопроизводстве на законодательном уровне не закреплены. На практике на этапе досудебного производства, как правило, следователи (дознатели) предварительно согласовывают срок проведения экспертизы с экспертом или руководителем экспертной организации с учетом вида, характера и объема предстоящего исследования в соответствии с ведомственными актами, утвержденными приказами.

Например, на основании п. 12 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ – 15 суток в порядке очередности поступления материалов [5]. Приказом Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 346 на производство судебной экспертизы определен срок в пределах 30 календарных дней [6].

В Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который в настоящее время является основным нормативно-правовым актом, регламентирующим деятельность экспертов, основательно прописан только срок производства судебно-психиатрической экспертизы, проводимой в стационарных условиях медицинского учреждения. Основной срок проведения таких экспертиз составляет 30 суток, а максимальный срок при продлении срока судом – 90 суток.

Исходя из анализа следственной практики по отдельным категориям дел производство судебных экспертиз проводится достаточно длительное время. В частности, для определения степени тяжести вреда здоровью, причиненного потерпевшему по уголовному делу, нередко требуется несколько месяцев. В некоторых случаях, перечисленных в ст. 196 УПК РФ, даже при достаточности других доказательств, собранных в ходе предварительного расследования, назначение экспертизы является обязательным. В иных случаях экспертиза назначается по усмотрению о ее необходимости лицом, осуществляющим предварительное расследование. Например, на этапе возбуждения уголовного дела и в ходе его расследования судебная экспертиза назначается для выяснения, относится ли изъятое вещество к перечню наркотических средств, является ли предмет оружием, являются ли денежные купюры поддельными, а также для установления механизма дорожно-транспортного происшествия, выяснения причин пожара и в других случаях.

Другой актуальной проблемой стадии досудебного разбирательства при длительности производства судебной экспертизы является отсутствие возможности приостановления срока предварительного расследования на этом основании. На практике мы сталкиваемся с такой ситуацией: в соответствии с ч. 4 ст. 223 УПК РФ в случаях, связанных с необходимостью производства судебной экспертизы по уголовному делу, допускается продление срока дознания до 6 месяцев. Продление по указанному основанию предварительного следствия законодателем не предусмотрено (ст. 162 УПК РФ). Вместе с тем при продлении срока предварительного расследования в постановлениях довольно часто основной причиной указана необходимость получения заключения эксперта, находящегося в производстве экспертного подразделения.

Согласно ст. 208 УПК РФ период производства экспертизы законодателем не отнесен к основанию приостановления предварительного следствия, что порождает в следственной практике определенные сложности, связанные с соблюдением процессуальных сроков. В связи с этим полагаем, что целесообразно в ч. 1 ст. 208 УПК РФ включить дополнительное основание для приостановления предварительного следствия – «п. 5) производство судебной экспертизы».

Среди существующих проблем, связанных с этапом назначения судебной экспертизы, следует указать на момент подготовки вопросов, выносимых на разрешение эксперта. По общим требованиям вопросы эксперту должны отличаться четкостью формулировки, соответствовать компетенции эксперта и реальным научно-техническим возможностям, не содержать правового характера, не предполагать конкретный ответ на него, иметь понятное смысловое содержание. Каждая из сторон, участвующих в уголовном деле, при ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы вправе представить вопросы, разрешение которых, по их мнению, требует специальных познаний. Окончательный круг вопросов определяет должностное лицо, назначающее экспертизу, сформулировав их в резолютивной части постановления.

К сожалению, несмотря на имеющиеся в распоряжении органов предварительного расследования различные справочники и методические рекомендации, в которых приводятся примерные вопросы по видам экспертиз, нередко их формулировки не соответствуют общепринятым рекомендациям. Ошибка в постановке вопросов эксперту требует разрешения и приводит к затягиванию сроков проведения экспертного исследования, что также отражается на сроке предварительного расследования по уголовному делу и ведет к нарушению разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ. На этом основании заинтересованные в исходе дела участники имеют правовую возможность обратиться в суд с исковым заявлением о присуждении компенсации. Так, были удовлетворены исковые требования В., признанной потерпевшей по уголовному делу, возбужденному по ч. 3 ст. 195 УК РФ, общий срок досудебного и судебного производства по которому за период с 11.10.2011 по 05.09.2017 составил 5 лет 10 месяцев 25 дней [7].

В соответствии с ч. 2 ст. 204 УПК РФ в случае установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, по поводу которых эксперту не были поставлены вопросы, законодатель наделяет его инициативой указать на них в своем заключении. При этом действующим законодательством не предоставлено право эксперта переформулировать вопросы, содержащиеся в постановлении о назначении экспертизы. Однако утвержденная приказом МВД России № 511 от 29 июня 2005 г. Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации в п. 30 дает указание, что «в случае необходимости эксперт имеет право изменить редакцию вопросов, не изменяя их смысл» [5].

В практической деятельности в случае некорректного изложения вопросов эксперт должен согласовать с руководителем судебно-экспертного учреждения их формулировку. В свою очередь, руководитель извещает об этом должностное лицо, назначившее экспертизу. После этого следователь (дознатель) вносит изменения в постановление о назначении экспертизы. Такой механизм требует временных затрат, что сказывается на сроках расследования уголовного дела. Поэтому в подобных ситуациях чаще всего эксперты, исходя из обстоятельств дела и своих специальных познаний, в заключениях применяют фразу: «Исходя из специальных знаний понимаю вопрос (приводится формулировка поставленного вопроса или его номер) следующим образом (приводится корректная формулировка)».

По нашему мнению, право эксперта самостоятельно уточнять вопросы, вынесенные на его разрешение, должно быть четко ограничено на законодательном уровне. Представляется целесообразным при необходимости корректировки поставленных перед экспертом вопросов обязать его в течение 24 часов с момента начала производства экспертизы в письменном виде уведомить об этом субъекта, назначившего экспертизу. Указанное положение корреспондирует с требованиями, оговоренными в ст. 198 УПК РФ.

На практике проблема редакции вопросов, поставленных на разрешение экспертного исследования, возникает достаточно часто. Однако в тексте ст. 204 УПК РФ и положениях Федерального закона от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не закреплено право эксперта изменять вопросы в случае некорректного их изложения в постановлении (определении) о назначении экспертизы. На основании изложенного предлагаем ч. 2 ст. 204 УПК РФ дополнить следующим положением: «в случае необходимости эксперт имеет право изменить редакцию поставленных вопросов, не изменяя их смысл, о чем обязан не позднее 24 часов с момента начала производства экспертизы в письменном виде уведомить субъекта, назначившего экспертизу».

Таким образом, проведенный анализ показал, что современное законодательство, регулирующее механизм назначения и производства судебной экспертизы, содержит определенные пробелы и нуждается в дальнейшем совершенствовании. В связи с этим следует признать прогрессивным шагом разработку проекта Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», принятие которого планируется в 2020 г. [8]. Специальный закон должен урегулировать отношения в области всей судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, что будет способствовать качеству экспертных заключений, сократит сроки их проведения.

Библиографический список

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015 № 23-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.06.2018).
2. Резяпов А. А. Дискуссионные вопросы ознакомления с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта // Вестник Удмуртского университета. 2014. Т. 24. Вып. 4. С. 178–180.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 12 декабря 2017 г. Дело № 22-8252/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 15.06.2018).
4. Итоги заседаний Государственной думы от 13 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.06.2018).
5. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ: приказ МВД России от 29 июня

2005 г. № 511 (ред. от 18.01.2017 № 15) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.06.2018).

6. Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 346 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.06.2018).

7. Решение Самарского областного суда от 26 марта 2018 г. по делу № 3а-814 / 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 15.06.2018).

8. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: проект Федерального закона № 306504-6 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.06.2018).

References

1. O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 31 maya 2001 g. no. 73-FZ (red. ot 08.03.2015 № 23-FZ) [On state forensic expert activity in the Russian Federation: Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 (as amended on 08.03.2015, no. 23-FZ)]. *SPS «Konsul'tant Pljus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 11.06.2018) [in Russian].

2. Rezyapov A. A. Diskussionnyye voprosy oznakomleniya s postanovleniyem o naznachenii ekspertizy i s zaklyucheniyem eksperta [Discussion issues of familiarization with the decision on the appointment of expertise and with the conclusion of an expert]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2014, vol. 24, issue. 4, pp. 178–180 [in Russian].

3. Apellyatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Samarskogo oblastnogo suda ot 12 dekabrya 2017 g. Delo no. 22-8252/2017 [Appeal Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Samara Regional Court of December 12, 2017 Case no. 22-8252/2017]. URL: <https://rospravosudie.com/> (Accessed: 15.06.2018) [in Russian].

4. Itogi zasedaniy Gosudarstvennoy Dumy ot 13 iyunya 2018 g. [Results of the meetings of the State Duma of June 13, 2018]. *SPS «Konsul'tant Pljus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 15.06.2018) [in Russian].

5. Voprosy organizatsii proizvodstva sudebnykh ekspertiz v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyakh organov vnutrennikh del RF: prikaz MVD Rossii ot 29 iyunya 2005 no. 511 (red. ot .01.2017 no. 15) [Questions of the organization of forensic examinations in the forensic criminalistic units of the internal affairs agencies of the Russian Federation: Order no. 511 of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 29, 2005 (Edited on January 18, 2017, no. 15)]. *SPS «Konsul'tant Pljus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 15.06.2018) [in Russian].

6. Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsiy po proizvodstvu sudebnykh ekspertiz v gosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh sistemy Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii: prikaz Minyusta RF ot 20 dekabrya 2002 g. no. 346 [On the approval of the Methodological recommendations on the production of forensic examinations in state forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 20, 2002 no. 346]. *SPS «Konsul'tant Pljus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 15.06.2018) [in Russian].

7. The decision of the Samara Regional Court of 26 March 2018 in case no. 3a-814/2018. URL: <https://rospravosudie.com/> (Accessed: 15.06.2018).

8. O sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: proyekt Federal'nogo zakona no. 306504-6 [On forensic expert activity in the Russian Federation: draft Federal Law no. 306504-6]. *SPS «Konsul'tant Pljus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 15.06.2018) [in Russian].

УДК 340

Свидерский О. А.

доктор медицинских наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: oleg.sviderskiy@yandex.ru

Кубанов В. В.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: vkubanov@yandex.ru

Oleg A. Sviderskiy

Doctor of Medicine, Associate Professor,
Professor of the Department of criminal procedure
and criminology,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: oleg.sviderskiy@yandex.ru

Valeriy V. Kubanov

Candidate of Law, Associate Professor,
Assistant Professor of the Department of criminal procedure
and criminology,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: vkubanov@yandex.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам использования специальных знаний в области криминалистики и судебной медицины лицами, проводящими неотложные следственные действия при совершении преступления на территории учреждений уголовно-исполнительной системы.*

Анализируются проблемы правового регулирования и практического решения вопроса проведения таких неотложных следственных действий, как осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения.

Исследованы вопросы привлечения и использования помощи лиц, обладающих специальными знаниями в области криминалистики и судебной медицины, в ходе расследования преступлений, совершенных в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Высказано мнение о недопустимости подмены выполнения своих обязанностей оперативным сотрудником на месте преступления работой привлекаемых для оказания ему помощи специалистов.

Затронуты вопросы профессиональной подготовки и квалификационных требований, предъявляемых к кандидатам на замещение должностей сотрудников оперативных подразделений и врачей медицинских частей.

Ключевые слова: специальные знания, криминалист, специалист в области судебной медицины, учреждения уголовно-исполнительной системы, неотложные следственные действия, место происшествия, осмотр трупа на месте обнаружения, материальные и идеальные следы преступления, сотрудник оперативного подразделения.

**USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE DISCLOSURE OF CRIMES COMMITTED
IN THE PENAL INSTITUTIONS**

***Summary.** The article is devoted to the use of special knowledge in the field of criminalistics and forensic medicine by persons conducting urgent investigative actions in the commission of a crime on the territory of the institutions of the penal system.*

The problems of legal regulation and practical solution of the issue of carrying out such urgent investigative actions as examination of the scene and the corpse at the place of its detection are analyzed.

The issues of attracting and using the help of persons with special knowledge in the field of forensic science and forensic medicine were studied during the investigation of crimes committed in institutions that provide isolation from society. The view was expressed that it was inadmissible to replace the performance of their duties with an operational officer at the crime scene by the work of specialists involved in assisting him.

The issues of professional training and qualification requirements for candidates for the positions of employees of operational units and physicians of medical units were touched upon.

Keywords: special knowledge, criminalist, forensic medicine specialist, penitentiary system institutions, urgent investigative actions, scene of the accident, inspection of the corpse at the place of detection, material and ideal traces of crime, officer of the operational unit.

Проблемы, связанные с профилактикой, раскрытием и расследованием преступлений, актуальны для учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС). На протяжении последних пяти лет остается на довольно высоком уровне показатель количества совершенных преступлений на территориях исправительных учреждений. Об этом свидетельствуют официальные статистические данные. Так, в 2017 г. совершено 875 преступлений, в том числе 14 убийств, случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 23, совершенных побегов – 106. Особо следует отметить, что показатели общего количества преступлений и убийств имеют тенденцию к увеличению по сравнению с предыдущим 2016 годом. Уровни преступности и особо учитываемых преступлений, совершенных в исправительной колонии (на 1000 осужденных), составляют 1,75 и ,08, соответственно. В ходе проведения режимных и досмотровых мероприятий сотрудниками учреждений УИС предотвращено 965 преступлений, в том числе 742 против личности, изъято 31 708,2 литра спиртных напитков промышленного и кустарного производства, 43 754,859 граммов наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, 4397 единиц колюще-режущих предметов [1].

Данную ситуацию можно охарактеризовать как «криминогенно сложную и дестабилизирующую оперативную обстановку в исправительном учреждении». Очевидно, что любое преступление, совершаемое на территории исправительного учреждения, нарушает его нормальную деятельность и препятствует выполнению основных целей – исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений [2].

Анализ противоправных действий в исправительных учреждениях позволяет выделить в их структуре обособленные группы наиболее распространенных преступлений: против личности, общественной безопасности и общественного порядка, правосудия и порядка управления. Отдельные виды преступлений в исправительных колониях могут совершаться только лицами, которые отбывают наказание: побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ); дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Другие преступления носят общеуголовный характер (убийства, причинения вреда здоровью, кражи и др.). К данной категории относятся преступления, которые прежде всего связаны с незаконным оборотом предметов и веществ, традиционно относимых к общественно опасным: наркотических средств, психотропных веществ, оружия, взрывчатых веществ [3].

Первыми о совершенном преступлении узнают сотрудники исправительного учреждения, которые в соответствии с УПК РФ в случае необходимости обязаны самостоятельно произвести ряд неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее распространенными из них справедливо считаются осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. Как правило, проведение этих следственных действий поручается сотрудникам оперативных подразделений учреждений и органов УИС.

Необходимо указать, что нарушения процессуального законодательства в ходе следственных действий приводят к невосполнимым потерям доказательственной информации и, как следствие, к резкому снижению качества расследования уголовных дел, возбуждаемых по факту совершения преступлений лицами, осужденными к лишению свободы.

Таким образом, повышение качества расследования указанных дел по-прежнему является актуальным, в том числе и в учреждениях УИС.

Одной из причин, в силу которых преступления, в частности, совершенные в условиях учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, остаются нераскрытыми, является недостаточное использование помощи лиц, обладающих специальными знаниями, в том числе в области криминалистики и судебной медицины.

Знания определяются как результат знания действительности, проверенный на практике и отраженный в человеческом разуме результат познания действительности, и в то же время понимание и опыт, на основании которых могут быть построены определенные суждения и сделаны соответствующие выводы [4].

В юридической литературе под «специальными» понимаются знания, умения и навыки, которыми обладает определенный ограниченный круг людей. Эти знания приобретаются ими в результате специального образования, профессиональной подготовки и практического опыта. Они необходимы для занятия каким-либо определенным видом деятельности и могут использоваться в судопроизводстве при рассмотрении и решении ряда вопросов, которые относятся к данной конкретной области человеческой деятельности [5].

Для места происшествия характерны следующие существенные свойства:

- местоположение на территории исправительного учреждения и его посещаемость заключенными (часто посещаемое, малопосещаемое или практически совсем не посещаемое);
- замкнутость пространства (помещение либо открытая местность, какого типа помещение);
- личность потерпевшего, убийцы, а также их взаимодействие между собой [6].

Эти свойства не только определяют совокупность действий сотрудника оперативного подразделения учреждения (органа), которые необходимы для проведения качественного осмотра места происшествия, но и одновременно могут явиться основой для выдвижения первоначальных предположений об обстоятельствах произошедшего события.

Многие преступники прекрасно понимают значение результатов осмотра места происшествия как источника информации о преступном событии и его участниках. Нередко в следственной практике, особенно при расследовании преступлений, совершенных в местах лишения свободы, на месте происшествия приходится встречаться с различными инсценировками.

Для успешного раскрытия убийств важное значение имеет собранная информация о типичных следах, остающихся на месте совершения преступления. Следы, которые остаются в результате совершения убийства, по форме своего выражения подразделяются на материальные и идеальные.

К материальным следам относятся: труп потерпевшего и следы, оставшиеся на нем, орудие преступления и следы его применения, следы пребывания на месте преступления и т. д. Следы, которые были обнаружены на месте происшествия, могут нести важную информацию для раскрытия преступления. В дальнейшем полученные данные могут иметь большое значение для построения следственных версий.

К идеальным следам относятся отображения, которые возникают в памяти очевидцев и участников происшествия. Они прежде всего связаны с особенностями восприятия обстоятельств совершения преступления и способностью запоминать у лиц, располагающих сведениями, которые имеют значение для дела [7].

Осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, которые имеют значение для уголовного дела, относится к основным первоначальным следственным действиям и должен производиться после возбуждения уголовного дела с участием понятых. Однако в случаях, не требующих отлагательств, осмотр проводят раньше, и его результаты могут стать основаниями для возбуждения дела (ст. 176 УПК РФ). Даже небольшое промедление с осмотром может привести к изменению обстановки, безвозвратной потере важных доказательств, что отрицательно скажется на ходе расследования, а возможно, и на его результатах. Поэтому первоначальный осмотр места происшествия относится к неотложным следственным действиям и производится в любое время суток.

При подготовке к осмотру места происшествия сотруднику оперативного подразделения учреждения (органа) наряду с выполнением общих требований необходимо:

- включить в состав группы для осмотра криминалиста, а при наличии трупа – специалиста в области судебной медицины или врача, обязательное участие которых определено ст. 178 УПК РФ;
- разъяснить права и обязанности понятым и специалисту, определенные соответственно ст. ст. 58 и 60 УПК РФ;
- предупредить их об уголовной ответственности в порядке ст. 161 УПК РФ о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, которые им станут известны в связи с участием в этих следственных действиях.

Порядок осмотра места происшествия определен ст. ст. 176–177 УПК РФ. Методика обследования выбирается на основании полученных результатов общего ознакомления с местом происшествия и условно включает в себя три стадии: специальную или констатацию смерти; статическую и динамическую.

Методика, по которой будет производиться осмотр места происшествия, выбирается при общем ознакомлении с местом происшествия. На этом этапе сотрудник оперативного подразделения учреждения (органа) определяет границы места происшествия и узловые объекты. При наличии трупа он является одним из узловых объектов. В большинстве случаев начало осмотра места происшествия от трупа считается наиболее оптимальным. При проведении осмотра в таком порядке следует принять все необходимые меры, которые должны быть направлены на сохранение следов, удаленных от узловой точки. При этом наиболее целесообразно двигаться от

трупа по спирали до границ места осмотра. Однако независимо от выбора направления движения во время проведения осмотра места происшествия следует неукоснительно придерживаться правила двух стадий: вначале производится статический осмотр предметов на месте происшествия, а в последующем – динамический. В первой стадии запрещается перемещать предметы и их части, во второй – в целях более детального осмотра их можно передвигать.

Особо следует указать на то, что сотрудник оперативного подразделения учреждения (органа) должен лично проводить осмотр места происшествия. Другие участники, привлекаемые к данному следственному действию, должны только оказывать ему помощь при решении частных задач осмотра.

На практике, к сожалению, приходится сталкиваться с тем, что привлекаемые для участия в процессуальном действии специалисты самостоятельно производят осмотр места происшествия, а сотрудник оперативного подразделения учреждения (органа) только производит запись полученных ими результатов. Это не только противоречит здравому смыслу, но и является прямым нарушением уголовно-процессуального кодекса. При таком подходе осмотр распадается на отдельные фрагменты, что вызывает нарушение целостности процесса познания вещественных последствий происшествия.

При производстве осмотра судебный медик оказывает помощь сотруднику оперативного подразделения учреждения (органа) в своей области. В силу своих познаний специалист в области судебной медицины при осмотре трупа на месте его обнаружения решает следующие задачи:

- констатирует факт наступления смерти;
- помогает произвести осмотр трупа на месте его обнаружения и документально оформить его результаты;
- оказывает помощь в обнаружении, фиксации, изъятии и упаковке вещественных доказательств биологического происхождения (следы крови, спермы, слюны, волос, яда и др.), которые в последующем должны быть направлены на судебно-медицинское либо судебно-химическое исследование;
- консультирует по вопросам, связанным с механизмом образования повреждений, временем наступления смерти и т. д. [8].

В задачу врача-специалиста в области судебной медицины входит совместный с сотрудником оперативного подразделения учреждения (органа) осмотр трупа и места происшествия, где могут быть обнаружены различные вещественные доказательства – предметы (петля, оружие и пр.), следы крови, ног, отпечатки пальцев рук и т. п. Специалист в области судебной медицины должен оказать помощь сотруднику оперативного подразделения учреждения (органа) в обнаружении этих следов и в дальнейшем связать их с обнаруженными в ходе осмотра повреждениями на трупе. Важным и обязательным следственным действием является осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения.

Работая на месте происшествия, врач-специалист в области судебной медицины (другие специалисты) собирает информацию, которая может и должна быть использована сотрудником оперативного подразделения учреждения (органа) для создания рабочей версии (гипотезы) об обстоятельствах происшествия. Обобщение полученной информации с учетом свидетельских показаний – задача сотрудника оперативного подразделения учреждения (органа).

Необходимо отметить, что судебный медик (врач) участвует в осмотре трупа не как эксперт (даже если по должности он именуется таковым), а как специалист.

Вместе с тем специалист в области судебной медицины вправе высказать свою точку зрения по данному вопросу, в том числе помочь сотруднику оперативного подразделения учреждения (органа) оценить показания свидетелей по факту обнаружения трупа, по предполагаемому времени совершения преступных действий, то есть он может принять участие в оценке показаний, относящихся к решению вопроса о возможности или невозможности наступления смерти в указанный промежуток времени.

Таким образом, в случае необходимости сотрудники оперативных подразделений учреждений (органов) должны уметь самостоятельно квалифицированно произвести осмотр места происшествия, грамотно составить процессуальные документы, а врачи медицинских частей – осмотреть труп на месте его обнаружения, выявить следы вещественных доказательств биологического происхождения, изъять и упаковать их.

Учитывая вышеизложенное, нами предлагается ввести в перечень квалификационных требований (профессиональных компетенций), предъявляемых к кандидатам на замещение соответствующих должностей, умение выполнять рассмотренные выше процессуальные действия

и включить в программы повышения квалификации изучение дисциплин «Криминалистика» и «Судебная медицина».

Библиографический список

1. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/> (дата обращения: 11.05.2018).
2. Морозов М. В., Зотов А. В. Организация дознания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: учебное пособие. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2005. 32 с.
3. Кубанов В. В., Свицерский О. А. Применение специальных криминалистических и судебно-медицинских знаний в борьбе с пенитенциарной преступностью // Общество и безопасность. 2014. № 81–82. С. 23–24.
4. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский, Кораблева Г. В., Лутченко В. А. М.: Инфра-М, 1997. 576 с.
5. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учебное пособие. М.: Юрист, 1995. 234 с.
6. Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксахрпуло. СПб.: Лань, 2010. 427 с.
7. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: учебное пособие. М.: МосУ МВД России; Книжный мир, 2006. 327 с.
8. Свицерский О. А., Овод И. В. Участие врача медицинской части учреждения в осмотре трупа на месте его обнаружения // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. С. 77–80.

References

1. Harakteristika lic, sodierzhashchihsya v ispravitel'nyh koloniyah dlya vzroslyh. Oficial'nyj sajt FSIN Rossii [Characteristics of persons held in correctional colonies for adults Official site of the Federal penitentiary service of Russia]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/> (Accessed: 11.05.2018) [in Russian].
2. Morozov M. V., Zotov A. V. Organizaciya doznaniya v uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie [The organization of inquiry in the institutions of the criminal-executive system of the Russian Federation]. Vladimir: VYUI FSIN Rossii, 2005, 32 p. [in Russian].
3. Kubanov V. V., Sviderskij O. A. Primenenie special'nyh kriminalisticheskikh i sudebno-medicinskih znaniy v bor'be s penitenciarnoj prestupnost'yu [The use of special forensic and forensic knowledge in the fight against penitentiary crime]. *Obshchestvo i bezopasnost'* [Society and Security], 2014, no. 81–82. pp. 23–24 [in Russian].
4. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. In E. F. Gubskij, G. V. Korableva, V. A. Lutchenko. Moscow: Infra-M, 1997, 576 p. [in Russian].
5. Orlov Yu. K. Zaklyuchenie ehksperta i ego ocenka (po ugovolnym delam): uchebnoe posobie [The expert's opinion and assessment (in criminal cases)]. Moscow: Yurist, 1995, 234 p. [in Russian].
6. Kriminalistika: uchebnik [Forensic science]. In T. A. Sedovoj, A. A. Ehksahropulo (eds.). Saint-Petersburg: Lan', 2010, 427 p. [in Russian].
7. Gavrilin Yu. V., Pobedkin A. V., Yashin V. N. Sledstvennye dejstviya: uchebnoe posobie [Investigative actions]. Moscow: MosU MVD Rossii; Knizhnyj mir, 2006, 327 p. [in Russian].
8. Sviderskij O. A., Ovod I. V. Uchastie vracha medicinskoj chasti uchrezhdeniya v osmotre trupa na meste ego obnaruzheniya [Participation of the physician of the medical part of the institution in the examination of the corpse at the place of its detection]. *Uridicheskaya nauka i praktika: al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii* [Legal science and practice: almanac of works of the Samara law Institute of the FSIN of Russia]. Samara, 2014, pp. 77–80 [in Russian].

УДК 340

Семенова Екатерина Юрьевна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства
и права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: dashka129k@yandex.ru

заведующая кафедрой социологии, политологии
и истории Отечества,
Самарский государственный технический университет,
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244,
e-mail: dashka129k@yandex.ru

Ekaterina Yu. Semenova

Doctor of History, Associate Professor,
Professor of the Department of the theory and history
of state and law,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: dashka129k@yandex.ru

Head of the Department of sociology, political science
and history,
Samara state technical University,
Molodogvardeyskaya str., 244, Samara, Russia, 443100,
e-mail: dashka129k@yandex.ru

ВКЛАД АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЖИЖИЛЕНКО В РАЗРАБОТКУ УЧЕНИЯ О НАКАЗАНИИ

Аннотация. В статье анализируется теоретическое наследие Александра Александровича Жижиленко по проблеме учения о наказании. Выделены этапы становления представлений правоведа по данному вопросу. Процесс рассматривается на фоне эволюции теории права. В основу исследования положен историко-сравнительный метод, позволивший выявить подходы правоведов в конце XIX – начале XX в., а также в переходный период буржуазно-демократической государственности и в период становления и начала развития Советского государства (1920-е гг.) к трактовке наказания, к изменению оценки данной правовой категории. Подчеркивается, что идеи А. А. Жижиленко по данному вопросу, опубликованные и представленные общественности, обосновывали новый подход в теории наказания. Выявлено, что правовед выступал последовательным сторонником идеи гуманизации наказания, перевода данной терминологии в категорию «мера социальной защиты», обосновал ее использование в отношении преступлений против личности, имущественных преступлений. Отмечается, что А. А. Жижиленко разграничивал меры социальной защиты по сравнению с карательными мерами, определял их как имеющие самостоятельную природу. Данная трактовка позволила расширить спектр применимости воздействия на преступника, включив следующие случаи: когда наказание вовсе не применяется; когда наказание применяется; когда наказание могло бы быть применено.

Ключевые слова: учение о наказании, А. А. Жижиленко, преступление, мера социальной защиты, гуманизация наказания, мера социальной опасности преступника, виды преступлений, преступления против личности, имущественные преступления.

ALEKSANDR ALEKSANDROVICH ZHIZHILENKO'S CONTRIBUTION TO DEVELOPMENT OF THE PUNISHMENT DOCTRINE

Summary. In article the theoretical heritage of Alexander Aleksandrovich Zhizhilenko on a doctrine problem about punishment is analyzed. Stages of formation of representations of the jurist on the matter are allocated. Process is considered against the background of evolution of the theory of the right. The historical and comparative method which has allowed to reveal approaches of jurists at the end of XIX – the beginning of the 20th century and also during a transition period of bourgeois-democratic statehood and during formation and the beginning of development of the Soviet state (the 1920th) is the basis for a research to interpretation of punishment, to change of assessment of this legal category. It is emphasized that A. A. Zhizhilenko's ideas on the matter published and presented to the public proved new approach in the theory of punishment. It is revealed that the jurist acted as the consecutive supporter of the idea of a humanization of punishment, transfer of this terminology to category «measure of social protection», I have proved her use in respect of crimes against the personality, property crimes. It is noted that A. A. Zhizhilenko differentiated measures of social protection in comparison with punitive measures, I defined them as having the independent nature. This treatment has allowed to expand a range of applicability of impact on the criminal, having included cases: when punishment isn't applied at all; when it is applied; when it could be applied.

Keywords: the doctrine of punishment, A. A. Zhizhilenko, crime, measure of social protection, humanization of punishment, measure of social danger of the offender, types of crimes, crimes against the person, property crimes.

Александр Александрович Жижиленко известен как российский и советский юрист. Он получил образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, изучал уголовное право в Германии под руководством профессора Франца фон Листа. Магистерская диссертация «Подлог документов. Историко-догматическое исследование» (в данной работе Жижиленко предложил новую трактовку понятия подлога как «умышленного искажения подлинности письменного удостоверительного знака с целью употребления его под видом настоящего») и докторская диссертация «Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств» (за нее Жижиленко был в дальнейшем удостоен Академией наук Ахматовской премии) обозначили интерес правоведа к проблематике преступления и наказания [1].

Александр Александрович Жижиленко является одним из основателей отечественной криминологии. Сферу его научных интересов составляли уголовное законодательство и судопроизводство России и зарубежных стран. Он занимался такими вопросами криминологии, как критерии вменяемости, проблемы алкоголизма, роль уголовного закона в борьбе с венерическими заболеваниями, подлог документов, должностные преступления, факторы преступности, роль закона в борьбе с социальными проблемами и др. Жижиленко отстаивал идею гуманизации наказания преступников и уважительного отношения к ним, устранения смертной казни.

Научное наследие А. А. Жижиленко внушительно. Его труды не раз привлекали внимание отечественных исследователей.

Опираясь на работу юриста «Преступность и ее факторы», а также его докторскую диссертацию, Д. А. Шестаков и В. Е. Лоба обратили внимание на концептуальный подход Жижиленко к оценке преступления на основе его связи с различного рода причинами, не зависящими от субъекта, а также на мнение о развитии преступности по мере развития культуры [2; 3, с. 1419; 4]. Данная позиция Жижиленко примечательна, поскольку подчеркивает неприятие упрощенного подхода к преступности, понимание неоднозначного влияния цивилизации на совершение преступлений, появление новых форм преступности по мере развития общества.

Анализируя факторы, определяющие степень тяжести при причинении вреда здоровью, Е. Безручко ссылаясь на работу «Преступление против личности», в которой Жижиленко высказал суждение о роли экономического критерия как характеризующего урон трудоспособности потерпевшего [5].

По данной же работе исследователи указывали на выводы А. А. Жижиленко о трактовке убийства в контексте различий в позициях юристов по вопросу о начале жизни [6], отметили вклад правоведа в теоретическую разработку половых преступлений [7, с. 119].

Обращаясь к работе Жижиленко «Преступление против имущества и исключительных прав», С. А. Черноморец и В. Ф. Анисимов подчеркнули, что юрист выделил авторское право из группы имущественных преступлений и подчеркнул, что проявление интеллектуального творчества имеет как личный, так и имущественный характер [8, с. 12].

Один из важных аспектов научной деятельности А. А. Жижиленко - учение о наказании. Теоретическое наследие правоведа по данной проблеме мало изучено и требует дальнейшей разработки.

В докладе «Меры социальной защиты в отношении опасных преступников», представленном VIII съезду Русской группы Международного союза криминалистов, Александр Александрович указал, что наказание есть единственное или по крайней мере наиболее пригодное средство для борьбы с преступностью. Однако он подчеркивал, что на первом месте всегда должны быть превентивные меры и только на втором – репрессивные [9, с. 1]. Правовед считал, что мера социальной защиты допускает компромисс с теми преступниками, для борьбы с которыми существующие наказания, основанные на идее возмездия, оказались несостоятельны, и необходимо использовать перевоспитание [9, с. 4]. Мере опасности преступника, по его мнению, должен был определять исключительно суд, причем, считаясь с интересами личной свободы. Жижиленко выдвинул положение о необходимости указания в законе признаков опасного преступника (например, рецидив, конкретизация опасных преступлений) [9, с. 6–8].

В данной работе А. А. Жижиленко вводит понятие меры социальной защиты. Он полагал, что меры социальной защиты по сравнению с карательными мерами имеют самостоятельную природу, и их применение возможно не только тогда, когда наказание вовсе не применяется, но и тогда, когда оно применяется и даже могло бы быть применено [9, с. 33].

Правовед обосновал положение о том, что право назначения наказания и охраны должно быть сосредоточено в одних руках – уголовного суда. Юрист доказывал, что поскольку меры охраны обусловлены состоянием опасности лица, совершившего преступное деяние, то применять их следует с тех пор, как длится опасное состояние. Жижиленко настаивал, что когда субъект перестает быть общественно опасным, применять данные меры недопустимо. Из данного авторского положения следовало, что меры социальной защиты должны применяться впредь до установления вызвавшей их применение опасности. В этом Александр Александрович видел их существенное отличие от наказания. Жижиленко считал, что режим меры охраны должен зависеть от того, к кому он применяется, и поэтому данная мера может быть направлена на лечение, на социальное перевоспитание путем приучения к труду и т. д. Отсюда следовала необходимость устанавливать досрочное условное или безусловное освобождение под контролем суда [9, с. 37–38].

Примечательно, что в данном докладе, представленном и опубликованном в 1911 г., Александр Александрович выражал надежду на изменение уголовного права в сторону компромисса и борьбы с установившимися традициями наказания, что являлось новой тенденцией в юридической науке начала XX в. [9, с. 40].

Краткий период буржуазно-демократической республики ввел профессора и доктора права в сферу системы государственных учреждений, 11 апреля 1917 г. он был назначен на должность начальника Главного тюремного управления. Представления правоведа, включавшие трансформацию традиционного подхода к наказанию, совпадали с идеологией буржуазно-демократических преобразований в России. Пребывая в новом качестве – чиновника, А. А. Жижиленко, обращаясь к подчиненным, проводил в жизнь собственные идеи, в том числе дал следующую трактовку наказания: «Прошу не забывать, что главная задача наказания – перевоспитание человека... Для надлежащего осуществления этой задачи прежде всего необходимо проявить гуманность к заключенным. Личное достоинство человека должно быть признаваемо и в отношении того, кто лишен свободы» [1].

Отметим, что в 1920-е гг. к определению наказания государством официально будет меняться терминология «меры социальной защиты».

А. А. Жижиленко отмечал, что определение понятия «наказание» должно заключать в себе указание на все необходимые черты, пригодные для того, чтобы отличить наказание от других сходных институтов.

Он рассматривал преступность с учетом социологических, психологических и клинических факторов, учитывая зависимость деятельности преступника от ряда причин, связанных с окружающей природой, особенностями личности, социальной средой.

В работе «Преступления против личности» (опубликована в 1927 г.) Жижиленко дал разветвленную характеристику преступлений против личности. Он исходил из того, что все люди должны быть защищены законом, в том числе «уроды», «идиоты», поскольку они остаются людьми, а не животными [10, с. 7–8].

Особое внимание правовед уделил понятиям «убийство» и «самоубийство», их различию. Посягательство на собственную жизнь А. А. Жижиленко отделил от убийства, обосновав это тем, что человек не может состоять в юридическом отношении к самому себе. Из этого отличия следовало, что самоубийство ненаказуемо, а значит, необходимо было признать ненаказуемость как покушения на него, так и соучастия в нем [10, с. 9].

Только противозаконное лишение жизни А. А. Жижиленко признавал преступным деянием. От него он отличал «легальное убийство», примером которого полагал убийство во исполнение закона, и не включал его в состав преступлений [10, с. 10].

Характеризуя виды убийства и меры социальной защиты, которые они влекут, он отметил, что убийство, совершенное при крайней необходимости, – это преступное деяние, но предотвращение своей или чьей-то смерти путем убийства третьего лица – уже не преступление, а случай, когда одно благо спасается за счет равноценного блага. При этом А. А. Жижиленко считал, что согласие пострадавшего устраняет противоправность любого преступления, но такое положение не может быть распространено на убийство по причине общественной опасности данного деяния. Однако он полагал, что уместно было бы уменьшить репрессии в отношении убийц, которые выступают убийцами по причине сострадания, по настоянию убитого [10, с. 11].

Являясь представителем социологического направления в подходе к определению наказания и разделению преступлений по видам [2], А. А. Жижиленко выделил виды преступлений против личности: убийство; посягательство на телесную неприкосновенность; особые виды телесных

повреждений; насилие над личностью; действия, опасные для жизни и телесной неприкосновенности; посягательство на личную свободу; посягательство на честь; посягательство на половую неприкосновенность.

Правовед разделял убийства на простое, квалифицированное, привилегированное, превышение самообороны, убийство по неосторожности, содействие самоубийству, доведение до самоубийства.

Квалифицированные убийства, согласно Жижиленко, следовало характеризовать на основе выделения: 1) субъекта (случай рецидива или другое основание, например при нарушении обязанности заботиться о потерпевшем, в том числе когда совершено убийство родителей, которых субъект преступления должен был содержать); 2) объекта (убийство человека, находившегося в беспомощном состоянии); 3) мотива (убийство из-за корысти, ревности); 4) цели (совершение убийства, чтобы скрыть ранее содеянное преступление); 5) способа действия (убийство, опасное для других, а также мучительное для убитого) [10, с. 20–24].

Важным А. А. Жижиленко считал наличие факта соучастия в преступлении. В отношении убийства он подчеркнул, что при квалифицированном убийстве с соучастниками нужно различать случаи соучастия, квалифицированные по объективному (когда все участники отвечают за квалифицированное убийство) и субъективному (при установлении особенностей объекта и его психических переживаний) признаку, акцентировал внимание на том, что в зависимости от данных обстоятельств ответственность может быть одинаковой или отличаться [10, с. 24].

Характеристикой привилегированного убийства Жижиленко считал его осуществление при особом возбужденном состоянии убийцы – аффекте или при превышении виновным права необходимой самообороны. Юрист акцентировал внимание на том, что для отнесения убийства к данному виду недостаточно наличия только состояния аффекта у убийцы, но должны быть осуществлены агрессивные действия со стороны убитого, спровоцировавшие убийцу [10, с. 25–28].

Характеризуя неосторожное убийство и содействие самоубийству, А. А. Жижиленко подчеркнул, что в данных случаях важным обстоятельством для квалификации преступления и определения меры социальной защиты является наличие возможности предусмотреть неблагоприятные последствия осуществляемых действий, а также зависимость объекта преступления от виновного, жестокое обращение виновного и результат деяния в виде самоубийства или покушения на него [10, с. 29, 31].

Важным аспектом в характеристике меры социальной защиты за убийство у А. А. Жижиленко является следующее обстоятельство: другие убийства, совершенные не против личности, не изменяют основной природы данного деяния [10, с. 31].

Характеризуя посягательство на телесную неприкосновенность, правовед подчеркнул, что оно рассматривается в призма более полной охраны благ человека [10, с. 32].

Среди таких преступлений он выделил телесное повреждение, насилие над личностью и оскорбление действием. Жижиленко подчеркнул, что при телесном повреждении следует учитывать экономический и анатомо-патологический критерии. В определении меры социальной защиты за совершение телесного повреждения А. А. Жижиленко отметил, что тяжкое телесное повреждение квалифицируют по последствиям (сопровождается смертью потерпевшего) и по способу действия (истязания и последствие систематических повреждений); легкое телесное повреждение первого вида отличает расстройство здоровья, опасное для жизни, или длительное нарушение функций какого-нибудь органа; легкое телесное повреждение второго вида характеризует отсутствие расстройства здоровья [10, с. 33–49].

Смягченными мерами социальной защиты, по мнению правоведа, следовало сопровождать особые виды телесных повреждений: 1) неосторожное телесное повреждение, которое не образует состава преступления, поскольку для состава нужно нарушение правил предосторожности, с тяжелыми последствиями и без тяжелых последствий; 2) заражение венерической болезнью (характеризовал также как разновидность тяжкого или легкого телесного повреждения); 3) причинение утраты трудоспособности работнику [10, с. 50].

Самостоятельным преступлением, по мнению А. А. Жижиленко, стоило рассматривать насилие над личностью в форме умышленного воздействия на телесную неприкосновенность человека без повреждения здоровья, но с физической болью. Он подчеркнул, что в определении меры социальной защиты по данному преступлению необходимо учитывать такое обстоятельство, как умышленную вину [10, с. 52].

Отдельно правовед остановился на характеристике деяний, опасных для жизни и телесной неприкосновенности. Он отметил, что в них заключается элемент опасности и вреда, а также вероятность наступления опасности и вреда. К числу таких преступлений А. А. Жижиленко отнес: 1) оставление без помощи; 2) оставление работника в опасных условиях работы; 3) создание опасности заражения венерической болезнью; 4) оставление родителями детей без поддержки; 5) неоказание помощи больному; 6) плодизгнание. По поводу последнего деяния Жижиленко отметил, что преступником при его осуществлении считается любое лицо без медицинского образования, а также врач, работающий в антисанитарных условиях, при этом возраст плода и способ аборта значения не имеют, поскольку виновность заключается в создании опасности для матери. Также он подчеркнул, что для квалификации такого преступления необходимо согласие женщины, в противном случае оно будет квалифицироваться как более тяжкое [10, с. 56].

К посягательствам на личную свободу А. А. Жижиленко отнес посягательство на свободу передвижения, похищение, сокрытие и подмену детей [10, с. 70].

Характеризуя такое деяние, как посягательство на честь, правовед отметил, что оно может быть осуществлено в форме оскорбления и клеветы. Он указал, что данное преступление должно преследоваться исключительно по жалобе потерпевшего, и к нему меры социальной защиты не применяются за примирением сторон. Он подчеркнул, что контекст данного деяния предполагает его распространение только на живых людей. А. А. Жижиленко обратил внимание на то, что при отнесении какого-либо действия к оскорблению учитывается специфика каждого конкретного случая, а также особенности исторической эпохи. Он выделил такие разновидности оскорбления и клеветы как устные, письменные, действием, особые виды. Клевету правовед характеризовал как умышленное распространение заведомо ложных сведений, заведомо позорящих другое лицо, считал более тяжким преступлением, чем обида [10, с. 82, 96].

Тяжким преступлением А. А. Жижиленко полагал посягательство на половую неприкосновенность, которая охраняется независимо от пола. Он выделил среди таких преступлений половое сношение и развратные действия. Правовед подчеркнул, что уголовное дело по данным преступлениям возбуждается по жалобе потерпевшего, но при этом не может быть завершено примирением сторон из-за общественной опасности деяния. Юрист отметил, что в случае изнасилования отягощающую роль будут играть массовость, наличие ситуации массовых беспорядков, принуждение, содействие чужому разврату [10, с. 100–121].

К особой группе деяний, имеющих, по его мнению, преступный характер, А. А. Жижиленко отнес посягательства на неприкосновенность частной жизни. Он полагал, что они могут включать угрозы, что является посягательством на неприкосновенность душевного спокойствия человека. Данный контекст не выделялся в советском Уголовном кодексе как особое преступление, хотя присутствовал как способ действия в составе других преступлений. Таким образом, правовед выступил в данном вопросе в качестве новатора. Также к посягательствам на неприкосновенность частной жизни он отнес нарушение домашнего мира (умышленное вторжение в чужое жилище), оглашение тайн (умышленное сообщение виновным сведений, которые должны были храниться в секрете) [10, с. 121–127]. Данные деяния также не выделялись как особые преступления в советском Уголовном кодексе. А. А. Жижиленко новаторски полагал, что следовало бы установить уголовную ответственность за них [104, с. 128].

В 1928 г. вышла работа А. А. Жижиленко «Преступления против имущества и исключительных прав», в которой автор дал разветвленную характеристику имущественных преступлений. К числу последних он отнес преступления, нарушающие право собственности, законного владения имуществом [11, с. 6–7, 116–117]. Примечательна позиция юриста по поводу нарушения авторских прав. Он полагал данное деяние отдельным видом преступления, заслуживающим применения меры социальной защиты, считая, что творческая деятельность носит отчасти личный, отчасти имущественный характер [11, с. 174, 180].

Позиция А. А. Жижиленко по вопросам наказания формировалась в конце XIX в., когда среди правоведов стала пробиваться тенденция к гуманизации наказания. Данная тенденция стала актуальной в условиях буржуазно-демократических преобразований в 1917 г. и получила дальнейшее развитие в Советском государстве в 1920-е гг. При этом А. А. Жижиленко не стоит считать защитником преступников. Он предложил ряд частных решений и дополнений по поводу применения меры социальной защиты в отношении деяний, совершаемых как против личности, так и против имущества, которые не рассматривались в современном ему законодательстве в качестве преступлений. Рассматривая систему мер социальной защиты, правовед постарался соотнести

степень тяжести содеянного с опасностью для общества и вредом для конкретного человека, с одной стороны, и целями совершившего его лица – с другой.

Библиографический список

1. Шилов Л. А. Жижиленко Александр Александрович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: биографический словарь. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=76 (дата обращения: 15.05.2018).
2. Лоба В. Е. Доктрина о наказании в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: генезис и развитие: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/doktrina-o-nakazanii-v-dissertatsionnykh-issledovaniyakh-universitetov-rossiiskoi-imperii> (дата обращения: 10.05.2018).
3. Лоба В. Е. Становление и развитие отечественной доктрины о понятии и целях наказания в диссертационных исследованиях по уголовному праву университетов Российской империи // Право и политика. 2013. № 10(166). С. 1415–1420.
4. Шестаков Д. А. Криминология. М.: Юридический Центр, 2006. URL: <https://www.litres.ru/dmitriy-shestakov-5723150/kriminologiya/> (дата обращения: 10.05.2018).
5. Безручко Е. Экономический критерий при определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Уголовное право. 2012. № 2. С. 8–14. URL: <http://www.centerbereg.ru/c224.html> (дата обращения: 12.05.2018).
6. Белокуров О. В. Квалификация убийства (ст. 105 УК РФ): учебное пособие. М.: Юрист, 2004. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3433/item3435.html> (дата обращения: 10.05.2018).
7. Стетюха М. П. Эволюция половых (сексуальных) преступлений в уголовно-правовой науке России // Альманах современной науки и образования. 2015. № 9(99). С. 118–122.
8. Черноморец С. А., Анисимов В. Ф. Уголовное законодательство Советской России 20-х гг. XX в. о преступлениях против собственности с признаками хищения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2(20). С. 9–15.
9. Жижиленко А. А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников. Доклад, представленный VIII съезду Русской группы Международного Союза Криминалистов. СПб.: Типография А. Г. Розена, 1911. 40 с.
10. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М.; Л.: Госиздат, 1927. 140 с.
11. Жижиленко А. А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л.: Рабочий суд, 1928. 212 с.

References

1. Shilov L. A. Zhizhilenko Aleksandr Aleksandrovich [Zhizhilenko Alexander Aleksandrovich] Sotrudniki RNB deyateli nauki i kul'tury. Biograficheskij slovar' [Staff of National Library of Russia is and cultures. Biographic dictionary]. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=76 (Accessed: 15.05.2018) [in Russian].
2. Loba V. E. Doktrina o nakazanii v dissertacionnyh issledovaniyah universitetov Rossijskoj imperii: genezis i razvitie: dis. ... kand. yurid. nauk [The doctrine about punishment in dissertation researches of the universities of the Russian Empire: genesis and development. Candidate of Law thesis]. Belgorod, 2010, 184 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/doktrina-o-nakazanii-v-dissertatsionnykh-issledovaniyakh-universitetov-rossiiskoi-imperii> (Accessed: 10.05.2018) [in Russian].
3. Loba V. E. Stanovlenie i razvitie otechestvennoj doktriny o ponyatii i celyah nakazaniya v dissertacionnyh issledovaniyah po ugovnomu pravu universitetov Rossijskoj imperii [Formation and development of the domestic doctrine about a concept and the purposes of punishment in dissertation researches on criminal law of the universities of the Russian Empire]. *Pravo i politika* [Right and policy], 2013, no. 10 (166), pp. 1415–1420 [in Russian].
4. Shestakov D. A. Kriminologiya [Criminology]. Moscow: Legal Center, 2006, 720 p. URL: <https://www.litres.ru/dmitriy-shestakov-5723150/kriminologiya/> (Accessed: 10.05.2018) [in Russian].
5. Bezruchko E. Ehkonomicheskij kriterij pri opredelenii stepeni tyazhesti vreda, prichinennogo zdorov'yu cheloveka [Economic criterion when determining severity of the harm done to health of the

person]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2012, no. 2, pp. 8–14. URL: <http://www.center-bereg.ru/c224.html> (Accessed: 12.05.2018) [in Russian].

6. Belokurov O. V. Kvalifikaciya ubijstva (st. 105 UK RF): uchebnoe posobie [Qualification of (art. 105 Criminal Code of the Russian Federation)]. Moscow: Lawyer, 2004, 252 p. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3433/item3435.html> (Accessed: 10.05.2018) [in Russian].

7. Stetyuha M. P. Ehvoluciya polovyh (seksual'nyh) prestuplenij v ugolovno-pravovoj nauke Rossii [Evolution of sexual (sexual) crimes in criminal and legal science of Russia]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [The Almanac of modern science and education], 2015, no. 9 (99), pp. 118–122 [in Russian].

8. Chernomorec S. A., Anisimov V. F. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Sovetskoj Rossii 20-h godov XX veka o prestupleniyah protiv sobstvennosti s priznakami hishcheniya [The criminal legislation of the Soviet Russia of the 20th years of the 20th century on crimes against property with signs of plunder]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Jurisprudence and law-enforcement practice], 2012, no. 2 (20), pp. 9–15 [in Russian].

9. Zhizhilenko A. A. Mery social'noj zashchity v otnoshenii opasnyh prestupnikov. Doklad, predstavlenyj VIII sezdru Russkoj gruppy Mezhdunarodnogo Soyuzu Kriminalistov [Measures of social protection concerning dangerous criminals. The report submitted to the VIII congress of the Russian group of International Union of Criminalists]. Saint-Petersburg: A. G. Rosen's printing house, 1911, 40 p. [in Russian].

10. Zhizhilenko A. A. Prestupleniya protiv lichnosti [Crimes against the personality]. Moscow-Leningrad: State publishing house, 1927, 140 p. [in Russian].

11. Zhizhilenko A. A. Prestupleniya protiv imushchestva i isklyuchitel'nyh prav [Crimes against property and the exclusive rights]. Leningrad, 1928, 212 p. [in Russian].

УДК 340

Филипова Елена Евгеньевна

кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры информатики и математики,
Вологодский институт права и экономики
ФСИН России,
160002, Вологда, Щетинина, д. 2,
e-mail: lenphil@mail.ru

Elena E. Filipova

Candidate in Physic and Mathematics,
Senior Lecturer of the Department of computer science and mathematics,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia,
Shchetinina str., 2, Vologda, Russia, 160002,
e-mail: lenphil@mail.ru

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ СОВОКУПНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ ФСИН РОССИИ

Аннотация. Воспитательные колонии для несовершеннолетних являются одним из видов исправительных учреждений в России. Воспитательные колонии занимают особое место в структуре ФСИН России и характеризуются совокупностью статистических показателей, которые представляются в ежегодном сводном Отчете о работе воспитательных колоний. Большинство показателей носит абсолютный характер. Вместе с тем воспитательные колонии неоднородны по ряду характеристик, в том числе по лимиту наполнения, среднесписочной численности и др. Поэтому использование только абсолютных показателей не дает возможности проводить сравнительный анализ колоний, выявлять закономерности их функционирования. В статье проанализирована совокупность стандартных показателей, характеризующих воспитательные колонии ФСИН России, на основе Отчета о работе воспитательных колоний за 2017 г. Предложена и рассчитана система сопоставимых относительных показателей, проведен анализ структуры воспитательных колоний. В работе обоснована возможность классификации воспитательных колоний в однородные группы. Для этого проведен кластерный анализ на совокупности воспитательных колоний с помощью программы SPSS Statistics 17.0. Выделение однородных групп является необходимым условием выявления закономерностей, присущих воспитательным колониям, что в свою очередь должно являться основой принятия эффективных управленческих решений.

Ключевые слова: статистический показатель, относительный статистический показатель, однородная совокупность, кластерный анализ, кластер, воспитательные колонии, эффективное управление, закономерности функционирования.

DEVELOPMENT OF INDICATORS SYSTEM AND THEIR APPLICATION FOR THE STRUCTURE ANALYSIS OF THE SYSTEM OF JUVENILE COLONIES OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA WITH STATISTICAL METHODS USING

Summary. Juvenile colonies are a type of correctional institution in Russia. The set of juvenile colonies occupies a special place in the structure of the Federal Penal service of Russia and can be considered as a complex system characterized by a large set of statistical indicators, which are presented in the annual summary Report on the work of juvenile colonies. Most of the indicators are absolute. At the same time, the system of juvenile colonies are heterogeneous in a number of characteristics, including the limit of filling, the average number, etc. Therefore, the use of only absolute indicators does not make it possible to conduct a comparative analysis of colonies, to identify patterns of their functioning. The article analyzes the set of standard indicators characterizing the juvenile colonies of the Federal penitentiary service of Russia on the basis of the Report on the work of juvenile colonies in 2017. The system of comparable relative indicators is proposed and calculated, the analysis of the structure of the system of juvenile colonies is carried out. The paper substantiates the possibility of classification of juvenile colonies into homogeneous groups. For this purpose, the cluster analysis on the totality of juvenile colonies using the program SPSS Statistics 17.0. The selection of homogeneous groups is a necessary condition for identifying patterns inherent in juvenile colonies, which in turn should be the basis for effective management decisions.

Keywords: statistical characteristic, relative statistical characteristic, homogeneous set, cluster analysis, cluster, juvenile colonies, effective management, regularity of functioning.

Введение

Эффективное управление в социальных и экономических системах невозможно без всестороннего анализа их деятельности на основе совокупности сопоставимых показателей

с применением компьютерных технологий. Примером такой системы являются исправительные учреждения ФСИН России. Повышение эффективности их деятельности рассматривается как одна из важнейших целей реформирования уголовно-исполнительной системы, что нашло свое отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года и федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)».

Основная часть

В России функционируют различные виды исправительных учреждений, среди которых особое место занимают воспитательные колонии. В них отбывают наказания несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до возраста 19 лет. Деятельность воспитательных колоний регулируется ст. ст. 132–142 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (гл. 17) [1]. В этих статьях регламентируются условия содержания несовершеннолетних осужденных, меры поощрения и взыскания, порядок их применения, организация учебно-воспитательного процесса и другие особенности отбывания лишения свободы в воспитательных колониях.

В ведении ФСИН России находятся 23 воспитательные колонии, расположенные в 23 субъектах Российской Федерации. Из них 21 колония предназначена для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола и две – для содержания несовершеннолетних женского пола.

На 01.01.2018 отбывали наказание в воспитательных колониях 1395 осужденных, в том числе 113 несовершеннолетних женского пола. Впервые отбывают наказание в виде лишения свободы 1368 человек.

Одними из факторов эффективного решения задач исправления несовершеннолетних осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений являются статистический учет и анализ показателей деятельности воспитательных колоний.

Показатели деятельности колоний ежегодно систематизируются НИИИТ ФСИН России в Отчете о работе воспитательных колоний. Данный отчет состоит из 13 разделов, содержит показатели по каждой колонии и их итоговые значения по всей совокупности и представляет собой систему статистических показателей, предназначенных для количественной оценки деятельности колоний. Отчет включает сведения о численности, движении и составе осужденных, о состоянии преступности, о лицах, совершивших преступления во время отбывания наказания, о работе по предупреждению преступлений, о дисциплинарной практике, организации учебно-воспитательного процесса, о состоянии здоровья осужденных и др.

Подчеркнем, что все представленные в отчете показатели носят абсолютный характер. Вместе с тем изучение показателей позволяет сделать вывод об их существенной неоднородности, поэтому для анализа и планирования работы воспитательных колоний недостаточно только подведения итоговых абсолютных значений. Например, лимит наполнения воспитательных колоний различается более чем в четыре раза (например, Новооскольская ВК – 96, а Находкинская ВК – 450 человек), а средняя списочная численность – более чем в 10 раз (например, Кизилюртовская ВК – 11, а Пермская ВК – 118 человек). В Новосибирской ВК было допущено в 2017 г. 111 нарушений установленного порядка отбывания наказания, а в Ижевской ВК – 117 нарушений, то есть абсолютные показатели практически одинаковы, но в первой ВК такое количество нарушений приходится на 267 осужденных, прошедших через ВК, а во второй – на 195 осужденных. Количество нарушений установленного порядка отбывания наказания, приходящихся на одного осужденного, прошедшего ВК, для Новосибирской ВК составляет 0,416, а для Ижевской ВК – 0,600, что в полтора раза больше.

Таким образом, для сравнительного и структурного анализа воспитательных колоний необходимо использовать систему сопоставимых характеристик и оперировать удельными (относительными) показателями, в которых абсолютные характеристики соотносятся в зависимости от их смысла либо с лимитом наполнения, либо со средней списочной численностью, либо со средней списочной численностью на конец периода. Кроме того, представляется существенным анализ полученных таким способом сопоставимых показателей как системы, характеризующей воспитательные колонии, с применением математико-статистического аппарата.

Нами проведен структурный анализ воспитательных колоний ФСИН России на основе данных, представленных в Отчете о работе воспитательных колоний за 2017 г. Для исследования были выбраны разделы «Сведения о численности, движении и составе осужденных» и «Сведения

о дисциплинарной практике», так как они включают данные об осужденных, содержащихся в воспитательных колониях. Сведения о лицах, совершивших преступления, и сведения о состоянии преступности анализу не подвергались, поскольку содержащиеся в них показатели либо равны нулю, либо описываемые ими факты носят единичный характер.

В данной статье нами предложены и рассчитаны для каждой из воспитательных колоний следующие разделенные на блоки относительные показатели:

Блок I. Показатели, характеризующие масштабы колоний:

Б.1.1 – наполняемость (отношение средней списочной численности к лимиту наполнения);

Б.1.2 – относительное количество осужденных, прошедших через колонию за отчетный период (отношение абсолютного количества к лимиту наполнения).

Блок II. Показатели, характеризующие качественный состав осужденных. Все показатели этого блока были рассчитаны как отношение соответствующих абсолютных показателей к списочной численности осужденных на конец периода и, следовательно, имеют смысл долей. Было выделено четыре раздела показателей.

1-й раздел характеризует состав осужденных по виду совершенного преступления и включает в себя показатели:

Б.2.1 – доля осужденных, совершивших убийство;

Б.2.2 – доля осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью;

Б.2.3 – доля осужденных, совершивших кражу;

Б.2.4 – доля осужденных, совершивших грабеж;

Б.2.5 – доля осужденных, совершивших разбой;

Б.2.6 – доля осужденных за вымогательство;

Б.2.7 – доля осужденных за изнасилование;

Б.2.8 – доля осужденных за преступления, связанные с наркотиками;

Б.2.9 – доля осужденных за преступления, связанные с неправомерным завладением автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения;

Б.2.10 – доля осужденных за прочие преступления.

2-й раздел описывает возрастной состав осужденных и включает показатели:

Б.2.11 – доля осужденных в возрасте 14–15 лет;

Б.2.12 – доля осужденных в возрасте 16–17 лет;

Б.2.13 – доля осужденных в возрасте 18–19 лет.

3-й раздел представляет структуру осужденных по срокам наказания:

Б.2.14 – доля осужденных на срок до двух лет включительно;

Б.2.15 – доля осужденных на срок от двух до трех лет включительно;

Б.2.16 – доля осужденных на срок от трех до пяти лет включительно;

Б.2.17 – доля осужденных на срок от пяти до восьми лет включительно;

Б.2.18 – доля осужденных на срок более восьми лет.

4-й раздел включает показатели, характеризующие осужденных на момент совершения преступления:

Б.2.19 – доля осужденных, имевших ранее условное наказание;

Б.2.20 – доля осужденных, которые учились до совершения преступления;

Б.2.21 – доля осужденных, которые работали до совершения преступления;

Б.2.22 – доля осужденных, которые не учились и не работали до совершения преступления;

Б.2.23 – доля впервые осужденных.

Блок III. Показатели, характеризующие состояние дисциплинарной практики. Все показатели этого блока были рассчитаны как отношение соответствующих абсолютных показателей к количеству осужденных, прошедших воспитательную колонию за отчетный период:

Б.3.1 – доля осужденных, поставленных на профилактический учет;

Б.3.2 – доля осужденных, снятых с профилактического учета;

Б.3.3 – доля осужденных из числа состоявших на профилактическом учете, привлеченных к ответственности;

Б.3.4 – количество нарушений установленного порядка отбывания наказания на одного осужденного, прошедшего воспитательную колонию;

Б.3.5 – отношение количества лиц, совершивших нарушения, к количеству осужденных, прошедших колонию;

Б.3.6 – отношение количества лиц, совершивших злостные нарушения, к количеству осужденных, прошедших колонию.

Процедура применения относительных показателей приводит их значения к сопоставимому виду.

Следует отметить, что эффективное управление любой системой, в том числе в правовой сфере, требует знания типичных черт и закономерностей, присущих элементам этой системы, выявляемых на однородных группах.

Для оценки однородности колоний по указанным показателям были рассчитаны коэффициенты вариации по формуле:

$$K_{\text{вар.}} = \frac{\sigma}{\bar{x}},$$

где σ – среднее квадратическое отклонение, \bar{x} – среднее арифметическое значение анализируемого показателя. При величине коэффициента вариации $K_{\text{вар.}}$ меньше 0,33 совокупность считается однородной по изучаемому показателю, в противном случае – неоднородной.

Анализ полученных значений коэффициентов вариации показывает, что совокупность воспитательных колоний является однородной по показателям: доля осужденных в возрасте 16–17 лет ($K_{\text{вар.}} = 0,17$), доля осужденных на срок от трех до пяти лет включительно ($K_{\text{вар.}} = 0,24$) и доля впервые осужденных ($K_{\text{вар.}} = 0,03$). По всем остальным анализируемым показателям коэффициенты вариации принимают значения от 0,36 до 1,93, что говорит о неоднородности совокупности воспитательных колоний. При этом коэффициент вариации порядка единицы и более получен для следующих показателей: доля осужденных за вымогательство; доля осужденных за прочие преступления; доля осужденных на срок более восьми лет; доля осужденных, которые работали до совершения преступления; доля осужденных, которые не учились и не работали до совершения преступления; доля осужденных, снятых с профилактического учета; доля осужденных из числа состоявших на профилактическом учете, привлеченных к ответственности; количество нарушений уставленного порядка отбывания наказания на одного осужденного, прошедшего воспитательную колонию; отношение количества лиц, совершивших нарушения к количеству осужденных, прошедших колонию; отношение количества лиц, совершивших злостные нарушения к количеству осужденных, прошедших колонию.

Неоднородность совокупности воспитательных колоний по какому-либо показателю обуславливает возможность выделения в ней однородных групп. Вместе с тем возникает вопрос, какой из представленных показателей выбрать в качестве основания группировки. В такой ситуации становится очевидным, что проводить группировку необходимо по совокупности показателей. В статистике существует ряд структурных методов классификации многомерных данных. Одним из таких методов является кластерный анализ [2, с. 3]. Его основная задача – объединение исходных многомерных объектов в относительно однородные группы таким образом, чтобы объекты, отнесенные к одной группе, были близки по совокупности показателей, а объекты разных групп – удалены друг от друга. Различные алгоритмы кластерного анализа реализованы в большинстве современных прикладных компьютерных статистических пакетов, в том числе STATISTIKA, SPSS и др.

Процедура кластерного анализа состоит из следующих этапов: выбор объектов кластеризации; выбор и измерение переменных, характеризующих объекты; выбор и расчет меры различия (сходства) между объектами; выбор и применение метода кластеризации. Кластерный анализ применим к объектам любого вида и переменным (показателям) произвольной природы. Заключительным этапом кластерного анализа является проверка качества кластеризации.

В нашем случае объектами классификации выступают воспитательные колонии, а переменными – указанные выше статистические показатели.

Для классификации мы использовали иерархический кластерный анализ, в качестве меры сходства – квадрат евклидова расстояния, метода – метод межгрупповых связей. Предварительная кластеризация показала необходимость разбиения воспитательных колоний на три группы.

К первой группе были отнесены Стерлитамакская ВК, Ижевская ВК, Камышинская ВК, Биробиджанская ВК, Ангарская ВК, Можайская ВК, Арзамасская ВК, Новосибирская ВК, Колпинская ВК, Кировоградская ВК, Томская ВК-2. Ко второй группе – Кизилюртовская ВК,

Белореченская ВК, Канская ВК, Архангельская ВК, Новооскольская ВК, Брянская ВК, Бобровская ВК, Мариинская ВК, Алексинская ВК, Тюменская ВК. К третьей группе – Пермская ВК и Находкинская ВК.

В таблице 1 представлены ранги по возрастанию кластеров по показателям, предварительный анализ которых показал неоднородность совокупности воспитательных колоний.

Таблица 1

Ранжированная система статистических показателей

Ранги	1 кластер	2 кластер	3 кластер
Ранг 1	Б.2.7, Б.2.11, Б.2.14, Б.2.20, Б.3.4, Б.3.6	Б.2.3, Б.2.4, Б.2.6, Б.2.9, Б.2.10, Б.2.15, Б.2.19, Б.2.21, Б.2.22, Б.3.5, лимит, среднесписочная численность	Б.1.1, Б.1.2, Б.2.1, Б.2.2, Б.2.5, Б.2.8, Б.2.13, Б.2.17, Б.2.18, Б.3.1, Б.3.2, Б.3.3
Ранг 2	Б.1.1, Б.1.2, Б.2.1, Б.2.2, Б.2.3, Б.2.4, Б.2.6, Б.2.8, Б.2.9, Б.2.13, Б.2.15, Б.2.17, Б.2.19, Б.2.21, Б.2.22, Б.3.5, лимит, среднесписочная численность	Б.2.5, Б.2.11, Б.2.18, Б.3.1, Б.3.2, Б.3.3, Б.3.4, Б.3.6	Б.2.7, Б.2.10, Б.2.14, Б.2.20
Ранг 3	Б.2.5, Б.2.10, Б.2.18, Б.3.1, Б.3.2, Б.3.3	Б.1.1, Б.1.2, Б.2.1, Б.2.2, Б.2.7, Б.2.8, Б.2.13, Б.2.14, Б.2.17, Б.2.20	Б.2.3, Б.2.4, Б.2.6, Б.2.9, Б.2.11, Б.2.15, Б.2.19, Б.2.21, Б.2.22, Б.3.4, Б.3.5, Б.3.6, лимит, среднесписочная численность

Выводы

Отметим некоторые особенности выделенных кластеров. В воспитательных колониях наблюдается обратная зависимость между лимитом наполнения и двумя показателями: наполняемостью и относительным количеством, прошедшим через колонию за отчетный период (колонии, имеющие большее число мест для содержания осужденных, являются менее заполненными, что может быть учтено при планировании работы и оптимальном их использовании). Например, Находкинская ВК, имеющая наибольший лимит среди всех колоний, в 2017 г. была наполнена на 11 %.

У воспитательных колоний первого кластера большинство показателей имеют второй ранг (по возрастанию значений), а у колоний второго и третьего кластеров большинство показателей распределены между первым и третьим рангами соответственно.

В колониях третьего кластера наименьшее число осужденных, совершивших тяжкие преступления (убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, разбой), соответственно меньше доля осужденных, имеющих длительные сроки осуждения, наименьшее число осужденных в возрасте 18–19 лет, при этом показатели нарушения дисциплины самые высокие. В колониях второго кластера, по сравнению с колониями третьего кластера, ситуация противоположна.

Таким образом, в работе проанализирована система абсолютных показателей, содержащихся в Отчете о работе воспитательных колоний за 2017 г., предложена система сопоставимых относительных показателей для характеристики количественно-качественного состава осужденных, проведен кластерный анализ на совокупности воспитательных колоний.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 20.12.2017) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2018).
2. Мандель И. Д. Кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1998. 176 с.

References

1. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 20.12.2017) [Ugolovno-ispolnitel'nyj code Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 20.12.2017)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 28.06.2018) [in Russian].
2. Mandel' I. D. Klasternyj analiz [Klasternyj net developer]. Moscow: Finansy i statistika, 1998, 176 p. [in Russian].

УДК 340

Старостин Сергей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административно-правовых
дисциплин
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2,
e-mail: prof.starostin@gmail.com

Кириловский Олег Валерьевич

старший преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин,
Вологодский институт права и экономики
ФСИН России,
160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2,
e-mail: kirilovskiy77@mail.ru

Sergey A. Starostin

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of administrative
and legal disciplines,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia,
Shchetinina str., 2, Vologda, Russia, 160 002,
e-mail: prof.starostin@gmail.com

Oleg V. Kirilovskiy

Senior lecturer of the Department of administrative
and legal disciplines,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia,
Shchetinina str., 2, Vologda, Russia, 160002,
e-mail: kirilovskiy77@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ
СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ИХ БЛИЗКИХ**

Аннотация. Одним из эффективных способов обеспечения государственной защиты сотрудников УИС и их близких является применение мер безопасности, предусмотренных ст. 5 Федерального закона от 1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

В статье рассмотрены положения, определяющие порядок применения отдельных мер безопасности, в частности: обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; изменение места работы (учебы), перевод на другую работу (службу); переселение на другое место жительства.

Анализ отдельных положений данного закона и подзаконных актов в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице показал, что реализация указанной меры безопасности может применяться в отношении сотрудников УИС при назначении на должность. Формулировка «может» позволяет правоприменителю произвольно толковать ее смысл, в том числе и не в пользу защищаемого лица.

Применение такой меры безопасности, как изменение места работы (учебы), перевод на другую работу (службу), переселение на другое место жительства, осуществляется в соответствии с Законом о государственной защите только в отношении сотрудников УИС и не может быть реализовано в отношении его близких, что является грубым нарушением их законных прав и свобод.

Авторами предлагаются пути и способы правового урегулирования выявленных недостатков путем внесения изменений и дополнений в законодательство РФ.

Ключевые слова: государственная защита, меры безопасности, сотрудники УИС, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; изменение места работы (учебы), перевод на другую работу (службу); переселение на другое место жительства.

**FEATURES OF IMPLEMENTATION OF SELECTED SAFETY MEASURES IN RESPECT
OF EMPLOYEES OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM AND THEIR CLOSURES**

Summary. One of the effective ways to ensure the state protection of officers of criminal-executive system and their relatives is the application of the security measures provided for in art. 5 of the Federal law of 1995 «On state protection of judges, officials of law enforcement and controlling persons»

In this article, an analysis is made of the provisions governing the application of individual security measures, in particular: ensuring confidentiality of information about the protected person; change of place of work (study), transfer to another job (service); relocation to another place of residence.

The analysis of certain provisions of the law on state protection and by-laws, regarding the confidentiality of information about the protected person, showed that the implementation of this security measure can be applied to the staff of the MIS when appointing to the post. The wording «may» allows the law enforcer to arbitrarily interpret its meaning, including not in favor of the protected person.

The application of such a security measure as; change of place of work (study), transfer to another job (service); relocation to another place of residence is carried out in accordance with the law on state protection only

with respect to the personnel of the MIS and can not be realized with respect to his relatives, which is a gross violation of their legal rights and freedoms.

Taking into account the revealed shortcomings, the authors suggest ways and means from the legal settlement, by introducing amendments and additions to the legislation of the Russian Federation.

Keywords: *state protection, security measures, employees of MIS, ensuring confidentiality of information about the protected person; change of place of work (study), transfer to another job (service); relocation to another place of residence.*

Обеспечение безопасности персонала уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) является одной из основных задач, стоящих перед ФСИН России. Таким образом, вопросы защиты жизни, здоровья и имущества сотрудников УИС в связи с осуществлением ими своих служебных обязанностей являются актуальными и важными в настоящее время, что подтверждается показателями ведомственной статистической отчетности.

Так, в 2017 г. в учреждениях УИС зарегистрировано 174 (2016 г. – 194, 2015 г. – 188, 2014 г. – 187) случаев применения насилия, оскорблений, угроз, противоправных действий осужденных в отношении работников исправительных учреждений, с причинением вреда здоровью 46 (2016 г. – 41, 2015 г. – 46) сотрудникам. Из всех случаев применения насилия 169 совершены на территории учреждений и 5 за их пределами. По данным фактам возбуждено 224 (2016 г. – 269, 2015 г. – 247, 2014 г. – 196) уголовных дел, в том числе 14 (2016 г. – 14, 2015 г. – 21, 2014 г. – 9) по ст. 318 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), 46 (2016 г. – 79, 2015 г. – 63, 2014 г. – 33) по ст. 319 УК РФ, 165 (2016 г. – 175, 2015 г. – 163, 2014 г. – 154) по ст. 321 УК РФ [1].

Правовой основой деятельности по обеспечению безопасности государственных служащих являются нормы Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [2] (далее – Закон о государственной защите). В качестве одних из объектов государственной защиты (ст. 2) выступают сотрудники учреждений и органов УИС.

Закон о государственной защите в ст. 5 предусматривает следующие меры безопасности:

1. Личная охрана, охрана имущества и жилища.
2. Выдача оружия и специальных средств индивидуальной защиты и средств оповещения об опасности.
3. Временное помещение защищаемого лица в безопасное место.
4. Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице.
5. Изменение места работы (учебы), перевод на другую работу (службу).
6. Переселение на другое место жительства.
7. Замена документов, изменение внешности.

Предложенный законодателем перечень мер безопасности, на наш взгляд, основан на результатах правоприменительной практики государственной защиты в зарубежных странах, у которых имеется длительный опыт ее использования, что подтверждают научные исследования в данной области [3, с. 194].

Применение мер безопасности является одним из основных средств обеспечения государственной защиты сотрудников УИС и их близких. Именно эти меры оказывают наиболее эффективное влияние на состояние защищенности сотрудников УИС в случае наличия угрозы посягательства на их жизнь, здоровье и имущество в связи с их служебной деятельностью.

В научной и юридической литературе исследованию вопросов реализации первых трех мер безопасности уделяется достаточное внимание, однако значительных научных и практических исследований в области применения остальных мер безопасности не проводилось. Полагаем, это связано с их нечастным применением на практике из-за значительных финансовых и материальных затрат.

Одним из эффективных средств обеспечения личной безопасности сотрудника УИС при наличии угрозы его жизни, здоровью и уничтожения или повреждения имущества в связи с его служебной деятельностью является сохранение в тайне сведений о защищаемом лице. Закон о государственной защите (ст. 9) предусматривает в качестве средств обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице наложение на определенный срок запрета на выдачу данных о нем (персональных данных), находящихся у оператора.

К числу сведений конфиденциального характера относятся сведения о лицах, в отношении которых в соответствии с законом о государственной защите принято решение о применении мер государственной защиты, а также сведения о мерах государственной защиты указанных лиц.

В соответствии с положениями, предусмотренными Федеральным законом 2006 г. «О персональных данных», под персональными данными понимается любая информация, имеющая отношение (прямое либо косвенное) к конкретному физическому лицу, в том числе фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, адрес регистрации и проживания, семейное положение, доходы, наличие движимого и недвижимого имущества, профессия и др. Под оператором понимается физическое и юридическое лицо, государственный орган, муниципальный орган, самостоятельно или совместно с другими лицами осуществляющие обработку персональных данных, их состав, совершаемые действия (операции), определяющие цели их обработки данных [4].

Так, по мнению С. Н. Загородникова и Д. А. Максимова, указанными операторами могут выступать органы полиции, в том числе подразделения миграционного учета, ГИБДД, адресные бюро, справочные телефонные службы, государственные и иные информационно-справочные базы данных [5, с. 40–44].

Полный перечень органов и организаций, которые получили и располагают сведениями о защищаемом лице, еще до того как он приобрел данный статус, достаточно широк. По мнению А. В. Лукинского, воспроизвести полный их список и направить им соответствующий запрет достаточно сложно, если не сказать невыполнимо. Еще одной проблемой, которую обозначил автор, является то, что в определенных случаях объективно не представляется возможным выполнить поступивший запрет. Ярким примером является деятельность Пенсионного фонда России, когда запрет может вызвать приостановление выплат пенсий, пособий, единовременных выплат, начисления пенсионного стажа. К числу таких органов можно отнести Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, налоговые органы и т. д. [6, с. 115]. Данные проблемы остаются актуальными, особенно в отношении близких сотрудника УИС, имеющих статус защищаемого лица, и не разрешенными по настоящее время.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона о государственной защите в отношении сотрудника УИС конфиденциальность сведений может быть обеспечена при его назначении на должность. Выражение «может» предусматривает оценку какой-либо ситуации как возможной, вероятной [7, с. 187]. Правоприменитель, руководствуясь логикой законодателя, а также по своему усмотрению, вправе применять либо не применять указанное средство защиты в отношении сотрудника УИС при назначении его на должность. Аналогичное по смыслу содержание нормы, закрепленной п. 5 Правил осуществления меры безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице [8].

Запрет на выдачу персональных данных сотрудника УИС и его близких в случае осуществления в отношении их мер государственной защиты не является абсолютным и предусматривает исключения, а именно кроме случаев предоставления указанных сведений в рамках производства по уголовному делу по запросу судьи, прокурора, следователя, дознавателя, а также с разрешения органа, обеспечивающего безопасность, – руководителя подразделения собственной безопасности ФСИН России.

Отслеживание фактов обращения за получением данных о защищаемом лице позволяет подразделениям собственной безопасности выявить лиц, причастных к посягательствам на сотрудников УИС и их близких, либо установить их связи.

Руководители либо ответственные за исполнение данного решения должностные лица дают письменное обязательство о неразглашении сведений о защищаемом лице и предупреждаются об ответственности за его нарушение (ст. 17.13 КоАП РФ, ст. 320 УК РФ).

В результате исследования порядка и правил применения указанной меры безопасности в отношении сотрудников УИС и их близких необходимо отметить, что в ее реализации задействованы государственные, муниципальные и иные органы. Значительная часть указанных органов, которые располагают персональными данными сотрудников УИС, – это различные подразделения органов внутренних дел (подразделения миграционного контроля, ГИБДД и др.).

Еще одной мерой безопасности является перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы, переселение на другое место жительства. В соответствии со ст. 10 Закона о государственной защите сотрудники УИС по их заявлению и с их согласия могут быть переведены на другое временное или постоянное место работы (службы) или учебы, а также

переселены на другое временное или постоянное место жительства в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Положения ч. ч. 2–3 этой статьи предусматривают применение меры безопасности в виде перевода на другую работу (службу) в отношении защищаемых лиц, которые назначаются (избираются) на должности высшими органами государственной власти РФ либо органами государственной власти субъектов РФ. Из числа сотрудников УИС ими могут быть директор ФСИН России и его заместители, которые назначаются Президентом РФ по представлению Председателя Правительства РФ, а также все должностные лица, занимающие должности высшего начальствующего состава УИС, назначаемые Президентом РФ по представлению министра юстиции РФ.

В отношении указанных субъектов Закон о государственной защите определил, что подразделения собственной безопасности в целях исполнения меры безопасности в виде перевода на другую службу, изменения места службы уведомляют директора ФСИН России, который организует подготовку представления для назначения на новую должность защищаемого лица в установленном порядке.

В отношении всех остальных сотрудников УИС подразделения собственной безопасности центрального аппарата ФСИН России либо территориального органа УИС оказывают содействие сотруднику УИС, в отношении которого принято решение о применении указанной меры безопасности, в подборе должности, соответствующей занимаемой ранее должности, на постоянной основе либо временно. В случае если защищаемое лицо необходимо переводить на службу в другой субъект РФ, то необходимый пакет документов в отношении защищаемого лица направляется в подразделение собственной безопасности того территориального органа УИС, в котором предполагается несение его дальнейшей службы. Решение вопросов перевода на другое место службы сотрудников УИС в пределах ведомства не вызывает организационных проблем.

Сложнее применить указанные меры безопасности в отношении близких сотрудника УИС, поскольку законодатель в ч. 1 ст. 10 Закона о государственной защите предусмотрел применение указанной меры безопасности только в отношении защищаемых лиц, указанных в п. п. 1–12 ч. 1 ст. 2 указанного закона.

Таким образом, следуя логике законодателя, в отношении близких защищаемых лиц данная мера безопасности не может быть применена. В этой связи права и законные интересы данной категории лиц, на наш взгляд, грубо нарушены. В случае если сотруднику УИС – защищаемому лицу в целях обеспечения его безопасности необходимо переселение в другое место жительства, то его близкие (семья) должны переселяться вместе с ним. При этом близкие сотрудника вынуждены увольняться с прежней работы без гарантий восстановления на ней, в случае отмены меры безопасности и возвращения на прежнее место жительства их жилищные и имущественные права также законодательно не обеспечены.

Подразделения собственной безопасности как основные субъекты в реализации мер безопасности обязаны близким защищаемых лиц оказывать консультативную и организационную помощь в поиске нового (постоянного либо временного) места работы, с привлечением органов занятости населения, органов местного самоуправления и образования [9, с. 26].

При устройстве защищаемого лица – сотрудника УИС и его близких на новое место работы (службы) за ними должно сохраняться право на восстановление в должности по прежнему месту работы (службы). При переселении защищаемого лица на другое постоянное место жительства ему за счет средств федерального бюджета должно предоставляться жилье. При временном переезде на новое место жительства за сотрудником УИС и его близкими должно сохраняться право собственности на жилое помещение по прежнему месту жительства.

Однако Закон о государственной защите не предусматривает законодательного закрепления прав защищаемых лиц на сохранение за ними жилого помещения, занимаемого ранее, оплату расходов на его содержание, возмещение расходов на оплату проезда и провоза багажа к новому месту жительства, материальную помощь, сохранение возможности в случае отмены меры безопасности восстановиться на прежнем месте работы (службы).

Реализация переселения защищаемого лица на новое место жительства является трудоемкой работой, сопровождающейся решением множества сопутствующих проблем: учет прежнего уровня жизни, профессиональные навыки защищаемого лица и его близких, обеспечение их работой, соблюдение их имущественных прав и т. д. Соблюдение всех указанных аспектов накладывает отпечаток и на смету государственных расходов – соответственно в сторону их увеличения. Согласование указанной сметы достаточно длительный и проблематичный процесс. В связи с этим

необходимость финансирования мероприятий по реализации мер безопасности на уровне государственной программы во многом облегчит данный процесс.

Финансовые затраты сотрудника УИС, связанные с переездом на работу в другую местность, при исполнении указанной меры безопасности компенсируются в порядке, предусмотренном Постановлением Правительства Российской Федерации 2003 г. «О размерах возмещения расходов при переезде на работу в другую местность работникам, заключившим трудовой договор о работе в федеральных государственных органах, работникам государственных внебюджетных фондов Российской Федерации и федеральных государственных учреждений» [10].

Нормы, указанные Постановлением Правительства, снимают только часть материальных затрат при реализации меры безопасности в виде перевода на другое место работы (службы), переселения на новое место жительства. Но оно не закрепляет порядок реализации данной меры безопасности. Например, кто и каким образом будет представлять имущественные интересы защищаемого лица по прежнему месту жительства, внесение платы на содержание жилого помещения, занимаемого ранее защищаемым лицом, предоставление материальной помощи в первые несколько месяцев при переезде на новое место жительства и ряд других правовых, финансовых и организационных вопросов. В отличие от реализации похожей меры безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие правосудию, все эти вопросы строго регламентированы нормативно [11].

Таким образом, подводя итоги, необходимо сделать ряд теоретических выводов и практических предложений по совершенствованию организации деятельности при применении отдельных мер безопасности в отношении сотрудников УИС и их близких.

Как показывает проведенный правовой анализ, порядок применения мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице и перевода на другую работу (службу), изменения места работы (службы) или учебы, переселения на другое место жительства урегулирован нормами федерального законодательства, подзаконными актами. Однако данные правовые нормы не отражают детальную регламентацию действий в отношении сотрудников УИС и их близких. В связи с указанным обстоятельством полагаем необходимым продолжить ведомственную нормотворческую деятельность по разработке новых нормативных актов, регламентирующих порядок применения отдельных мер безопасности.

В целях защиты сотрудников УИС от потенциальных угроз в связи с их служебной деятельностью необходимо исключить возможность вариативности применения меры безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице с одновременным вступлением их в должность. На основании изложенного предлагаем изложить ч. 2 ст. 9 Закона о государственной защите в следующей редакции:

«В отношении лиц, перечисленных в пунктах 1–12 ч. 1 ст. 2 настоящего Федерального закона, конфиденциальность сведений должна быть обеспечена одновременно с их вступлением в должность или назначением на должность».

П. 5 Правил осуществления меры безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации 2015 г., изложить в следующей редакции:

«В отношении лиц, перечисленных в пунктах 1–12 ч. 1 ст. 2 настоящего Федерального закона, конфиденциальность сведений должна быть обеспечена одновременно с их вступлением в должность или назначением на должность».

В целях защиты прав и законных интересов близких защищаемых лиц необходимо устранить правовой пробел в ст. 10 Закона о государственной защите, предусматривающей реализацию меры безопасности в виде перевода на другое место работы (службы), изменения места работы (службы), переселения на новое место жительства, закрепив в качестве объектов защиты в том числе и близких защищаемых лиц, а также их имущественные и трудовые права.

В связи с выявленными правовыми пробелами предлагается: ч. 1 ст. 10 Закона о государственной защите изложить в следующей редакции:

«По заявлению или с согласия защищаемых лиц они могут быть переведены на другое, временное или постоянное, место работы (службы) или учебы, а также переселены на другое, временное или постоянное, место жительства в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Для повышения эффективности реализации положений закона о государственной защите, должного финансового и материально-технического обеспечения выполнения мер безопасности

необходимо на правительственном уровне принять государственную программу финансирования мер безопасности в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов сроком на 5 лет (2018–2023 гг.). В Программе предусмотреть конкретные денежные ассигнования для их осуществления как между органами, обеспечивающими безопасность, так и на реализацию конкретных мер безопасности.

Библиографический список

1. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2014, 2015, 2016, 2017 гг. // Информационно-аналитические сборники ФКУ НИИИТ ФСИН России. Тверь, 2015. 29 с.; 2016. 32 с.; 2017. 33 с.; 2018. 39 с.
2. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ // Российская газета. 1995. 26 апр.
3. Николайчик В. М. Уголовный процесс США. М., 1981. 224 с.
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.
5. Загородников С. Н., Максимов Д. А. Чужие тайны и их защита; нормативно-правовые аспекты // Российский следователь. 2014. № 3. С. 40–44.
6. Лукинский А. В. Становление и развитие института государственной защиты (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 185 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык. 2000. 1233 с.
8. О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице: Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2015 № 705 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. II). Ст. 4503.
9. Государственная защита сотрудников уголовно-исполнительной системы: оперативно-розыскной и уголовно-процессуальный аспекты: учебное пособие / А. В. Сенатов и др. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН России, 2016. 63 с.
10. О размерах возмещения расходов при переезде на работу в другую местность работникам, заключившим трудовой договор о работе в федеральных государственных органах, работникам государственных внебюджетных фондов Российской Федерации и федеральных государственных учреждений: Постановление Правительства Российской Федерации от 02.04.2003 № 187 // Российская газета. 2003. 8 апр.
11. Об утверждении правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2012 № 953 // Российская газета. 2012. 26 сент.

References

1. Osnovnyye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy FSIN Rossii za 2014, 2015, 2016, 2017 goda [The main performance indicators of the penitentiary system of the FSIN of Russia for 2014, 2015, 2016, 2017]. *Informatsionno-analiticheskiye sborniki FКУ NIИIT FSIN Rossii* [Information-analytical compilations PKU NIИIT of the Federal penitentiary service of Russia]. Tver', 2015. 29 p.; 2016. 32 p.; 2017. 33 p.; 2018. 39 p. [in Russian].
2. O gosudarstvennoy zashchite sudey, dolzhnostnykh lits pravookhranitel'nykh i kontroliruyushchikh organov: Federal'nyy zakon ot 20.04.1995 № 45-FZ [On state protection of judges, officials of law enforcement and control authorities]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 1995, 26 apr. [in Russian].
3. Nikolaychik V. M. Ugolovnyy protsess SSHA [The Criminal Process of the United States], 1981, 224 p. [in Russian].
4. O personal'nykh dannyykh: Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ [On personal data]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2006, 29 iyul [in Russian].

5. Zagorodnikov S. N., Maksimov D. A. Chuzhiye tayny i ikh zashchita; normativno-pravovyye aspekty [Foreign secrets and their protection; regulatory and legal aspects]. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator], 2014, no. 3, pp. 40–44 [in Russian].

6. Lukinskiy A. V. Stanovleniye i razvitiye instituta gosudarstvennoy zashchity (istoriko-pravovoye issledovaniye). Diss. kand. yurid. nauk [Formation and development of the institution of state protection (historical and legal research). Candidate's of Law thesis]. Moscow, 2013, 185 p. [in Russian].

7. Efremova T. F. Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'ny slovar' russkogo yazyka [New explanatory-word-word dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 2000, 1233 p. [in Russian].

8. O poryadke zashchity svedeniy ob osushchestvlenii gosudarstvennoy zashchity, predostavleniya takikh svedeniy i osushchestvleniya mer bezopasnosti v vide obespecheniya konfidentsial'nosti svedeniy o zashchishchayemom litse: Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14.07.2015 № 705 [On the procedure for protecting information on the implementation of state protection, the provision of such information and the implementation of security measures in the form of ensuring confidentiality of information about the protected person]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Meeting of the legislation of the Russian Federation], 2015, no. 29 (chast' II), st. 4503 [in Russian].

9. Gosudarstvennaya zashchita sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: operativno-rozysknoy i ugolovno-protsessual'nyy aspekty: ucheb. posobiye [State protection of the staff of the criminal-executive system: operational-search and criminal procedural aspects]. Vladimir: VYUI FSIN Rossii, 2016, 63 p. [in Russian].

10. O razmerakh vozmeshcheniya raskhodov pri pereyezde na rabotu v druguyu mestnost' rabotnikam, zaklyuchivshim trudovoy dogovor o rabote v Federal'nykh gosudarstvennykh organakh, rabotnikam gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov Rossiyskoy Federatsii i Federal'nykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy: Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 02.04.2003 g. № 187 [On the amount of reimbursement of expenses when moving to work in another locality to employees who have entered into a labor agreement on work in the Federal state bodies, employees of state extra-budgetary funds of the Russian Federation and Federal state institutions]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2003, 8 apr. [in Russian].

11. Ob utverzhdenii pravil primeneniya mery bezopasnosti v vide pereseleniya zashchishchayemogo litsa na drugoye mesto zhitel'stva v otnoshenii poterpevshikh, svideteley i inyykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 21.09.2012 № 953 [On approval of rules for the application of security measures in the form of relocation of the protected person to another place of residence in relation to victims, witnesses and other participants in criminal proceedings]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2012, 26 sent. [in Russian].

УДК 340

Трофимцева Светлана Юрьевна

кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
и общегуманитарных дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: suiistoria@rambler.ru

Svetlana Yu. Trofimtseva

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of philosophy and General
humanitarian disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: suiistoria@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАДАЧ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. КАК ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ДЛЯ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ГУЛАГА

Аннотация. Актуальность настоящего исследования определена необходимостью проведения анализа изменения задач, стоящих перед правоохранными органами СССР, включая пенитенциарные, в связи с потребностями политической элиты в условиях оформления тоталитарного режима в СССР. Эпоха 1920-х гг. рассматривается как период дискуссий в правовой сфере, вызванных потребностью осознать задачи советского права как выражающего интересы пролетариата и специфику правоприменительной практик, определяемых «революционным правосознанием». Показывается связь между низким уровнем компетентности сотрудников правоохранных органов и осознанием потребности реформирования системы юстиции. Выделяются причины тенденций «упрощенства» и «правового нигилизма» 1920-х гг., их содержание и влияние на развертывание процесса массовых репрессий. Выявляются основные проблемы на уровне процессуального права, разрешение которых привело к увеличению числа осужденных, в том числе помещенных в исправительно-трудовые лагеря на территории СССР. Акцентируется внимание на стремлении сотрудников правоохранных органов получить признание задержанного как основание его виновности и исключить адвоката из участия в процессе расследования и суда.

Ключевые слова: советская юстиция, тоталитаризм, правовые дискуссии 1920-х гг., «политика упрощенства», уголовно-процессуальное право, «правовой нигилизм».

TRANSFORMATION OF SOVIET JUSTICE PROBLEMS IN 1920s AND THE BEGINNING OF THE 1930th AS A PREPARATORY STAGE FOR THE GULAG – A SYSTEM OF SOVIET LABOUR CAMPS AND PRISONS

Summary. The relevance of this study is determined by the necessity to analyze the changes facing the law enforcement agencies of the USSR, including the penal tasks, in connection with the needs of the political elite in the conditions of the totalitarian regime formation in the USSR. The era of the 1920's. as a period of legal discussions caused by the need to understand the Soviet law tasks as expressing the interests of the proletariat and the specifics of law enforcement practices determined by «revolutionary sense of justice» is considered. The relation between the low level of penal staff competence and the need to reform the justice system is shown. The causes of «simplification» and «legal nihilism» of the 1920s trends, their content and influence on the deployment of the process of mass repression are singled out. The main problems concerning the procedural law, their salvation caused an increase a of convicts, including those placed in forced labor camps on the territory of the USSR are identified. Attention is focused on the aspiration of law enforcement officers to obtain recognition of the detainee as the basis for his conviction and exclude the lawyer from participating in the investigation and trial process.

Keywords: soviet justice, totalitarianism, legal discussions of the 1920s, «policy of simplification», criminal procedure law, «legal nihilism».

Процесс становления в Советском государстве с момента его основания тоталитарного режима ставил перед правоохранными системой, в том числе и перед уголовно-исполнительными органами, новые задачи, от решения которых в определенной мере зависело функционирование всего политического организма. В этой связи следует выделить ряд базовых проблем, разрешение которых было принципиальным для советской юстиции, что определило ее суть и способность обеспечивать процесс массовых репрессий в 1930-х гг. и привело к созданию ГУЛАГа и резкому росту лиц, содержащихся в местах лишения свободы в СССР.

Определяющим принципом, методологически организовавшим настоящее исследование, выступил тезис П. Соломона об использовании юстиции сталинским руководством в качестве

инструмента власти [1, с. 4]. В результате целью построения новой правовой системы становится необходимость «заставить уголовное право» (в том числе и пенитенциарные структуры) «служить социализму» [1, с. 8]. Из этого возникла потребность создать совокупность правовых норм, применение которых позволило бы упорядочить тотальный контроль над обществом, нормализовать работу системы в целом, оформить централизованную структуру учреждений правопорядка (включая пенитенциарные), непосредственно выполняющих данные функции и опирающихся в своей деятельности на созданные правовые нормы (в том числе процессуальные), а также сформировать кадровую основу для работы в этих учреждениях, способную применять нормы права так, как этого требует высшее руководство страны.

Характеризуя советскую юстицию периода 1920-х гг., который С. С. Бобровский определил как эпоху, когда «одновременно действовали и закон, и беззаконие» [2, с. 3], следует подчеркнуть отсутствие упорядоченной централизованной системы, хаос, практически не поддающийся контролю сверху, а значит, неспособность органами юстиции выполнять будущие государственные задачи. Признание детерминированности права классовым характером (П. И. Стучка) и утверждение сущности нового права в том, чтобы выражать интересы пролетариата (Д. И. Курский) [3, с. 642], сопровождалось в тот период господством так называемого «правового нигилизма». Он выражался в отрицании необходимости факта закона как «буржуазного пережитка» в условиях построения социализма, что представлялось естественным процессом «отмирания» (Е. Б. Пашуканис) или «угасания» (М. А. Рейснер) права при новом строе. Игнорирование необходимости следования закону определялось смыслом так называемого «революционного правосознания», которым суд руководствовался «в своей основной деятельности – уголовной репрессии» (Д. И. Курский) [3, с. 642] при вынесении приговоров с первых лет Советской власти [4, с. 26]. Это привело к формированию в 1920-е гг. ситуации отсутствия признаков единообразия судебной практики, что могло вызвать беспокойство у власти и создать определенную напряженность в пенитенциарных учреждениях.

Попытка преодоления данной ситуации в виде создания Наркомюстом в некоторой степени унифицированных судов и подчинения их наркомату к началу 1920-х гг. не привела, согласно исследованиям П. Соломона, к упорядочиванию обвинительных заключений и приговоров [1, с. 12]. Не решило эту задачу и введение в действие в 1922 г. Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР по ряду причин. Во-первых, поскольку сам престиж права и у судей, и у влияющих на них партийных работников после Гражданской войны был крайне низок, а во-вторых, потому, что по требованию Наркомата юстиции в лице Д. И. Курского и Н. В. Крыленко в УК РСФСР 1922 г. был введен принцип аналогии (УК РСФСР 1926 г. принцип устанавливался ст. 16 [5]), и эти «относительно детерминированные санкции» (Д. И. Курский) давали возможность судьям, по-прежнему руководствующимся «революционным правосознанием», выносить приговор на свое усмотрение.

С одной стороны, данную ситуацию можно рассматривать как способствующую разворачиванию политических репрессий и росту нагрузки на пенитенциарную систему. Однако в -е гг. она вызывала серьезное беспокойство ряда сотрудников Наркомюста по иным причинам, сочетание которых, как показало настоящее исследование, с принципом «революционного правосознания», как раз препятствовало системе юстиции выполнять выделенные выше задачи. И наиболее значимым фактором было не само «сознание», а его носители – кадры системы юстиции, большинство из которых являлись членами ВКП (б), но при этом высшее образование было только у 11 % прокуроров в 1928 г., у 4,2 % народных судей, а подавляющее большинство судей (84,6 %) имело только начальное образование [1, с. 24] (в провинции цифры были еще ниже). В такой ситуации власти просто наивно было бы рассчитывать на то, что данный контингент способен четко выполнить поставленные перед ними задачи. И даже начало кодификации законодательства в 1922 г. не могло изменить ситуацию к лучшему – большинство судей, как показала проверка Рабкрина в 1927 г., просто не знали о наличии законов, тем более не могли понять их [1, с. 24]. Падению компетентности судей, следователей и прокуроров в 1920-е гг. способствовало и привлечение «общественности» к судебно-следственной деятельности: речь идет о так называемых «общественных совместителях» – помощниках сотрудников юстиции из рабочих и крестьян, выполнявших не только функции народных заседателей в суде, но и ведущих следствие (!).

Кроме некомпетентности, кадры юстиции в 1920-х гг. не отличались повышенным стремлением соблюдать законность и даже общественный порядок – проверки Рабкрина в 1927 г., а затем Генеральной прокуратуры в начале 1930-х гг. выявили высокий уровень пьянства среди судей,

следователей и прокуроров, а также весьма распространившееся взяточничество. Если первое просто подрывало престиж власти, то последнее, с одной стороны, в контексте политических репрессий и на фоне массовых закрытий дел и недоведения их до суда в 1920-е гг. должно было особенно беспокоить высшее руководство страны («враги революции» оказывались на свободе – Н. В. Крыленко). А с другой стороны, настоящее исследование выявило еще одну причину подобного беспокойства: речь шла не только о политических, но и об общеуголовных делах. Такую ситуацию можно считать не содействовавшей наведению общественного порядка в стране: воры, бандиты и прочие могли легко избегать ответственности, и тогда политическая система теряла ряд контролирующих функций по отношению к обществу. Это противоречило сути тоталитарного режима (не случайно будущий Прокурор СССР А. Я. Вышинский выступал в качестве обвинителя по нескольким крупным делам по взяточничеству в системе юстиции и других государственных органах).

Как показало проведенное исследование, вся эта совокупность реальных проблем и породила правовые дискуссии 1920-х гг. Прежде всего, не было единства мнений относительно обязательности профессионализма работников юстиции. К примеру, Янсон и Сольц – ведущие сотрудники Прокуратуры РСФСР – на XV съезде ВКП (б) (1927 г.) в качестве негативной констатировали тенденцию «некоторого профессионального юридического уклона», и большинство выступающих делегатов ратовали за следование сотрудников юстиции не закону, а «революционному инстинкту» и «революционной целесообразности» [1, с. 53]. Иная позиция была озвучена наркомом юстиции Н. В. Крыленко, начавшим отстаивать примат писаного права, что можно толковать неоднозначно. Скорее, Крыленко исходил из того, что революционные «инстинкт и целесообразность» (или указанное в ст. 9 УК РСФСР «социалистическое правосознание» [6]), а также рассмотренная ситуация в органах порождают правовой произвол (к примеру, известно, что некоторые судьи отказывались выносить приговоры, которые считали неразумными [1, с. 57]). Контролировать такой произвол сверху было бы невозможно, что вело к хаосу системы, а при четком соблюдении записанных норм систему юстиции относительно легко было бы трансформировать под решение новых политических задач, всего лишь изменив эти нормы, но тогда сотрудники системы юстиции должны являться достаточно компетентными, чтобы выполнять возложенные на них задачи, для чего нужно было отказаться от института «общественных помощников». Однако такой вариант, особенно в последнем аспекте, противоречил идеологизированности советской системы юстиции и порождал не решаемую на уровне теоретических дискуссий проблему.

В результате как дискуссий 1920-х гг., так и, вероятно, осознания неспособности исправить ситуацию низкой компетентности сотрудников юстиции (вузы тогда выпускали порядка 300 юристов в год [1, с. 37], значительную часть которых забирали наркоматы и экономические структуры), с 1929 г. началась так называемая политика «упрощенства». Ее суть заключалась в упрощении процессуальных норм (иногда без соответствующих изменений УПК) для расширения возможности работы с ними недостаточно компетентных сотрудников юстиции [7].

Анализ политики «упрощенства» показывает, что именно в ее рамках были подготовлены основные направления изменений процессуальных норм для реализации политики массовых репрессий. Так, на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26.08.1929, органы дознания получили право передавать дела в суд напрямую, минуя предварительное следствие [8], прокуроры фактически теряли руководство ходом предварительного следствия [7], а Постановлением ВЦИК и СНК от 29.11.1929 были сокращены сроки дознания до одного месяца, сроки предварительного следствия – до двух с внесением соответствующих изменений в УПК [7]. При этом решениями коллегии и директивными письмами Наркомюста в 1929–1930 гг. следователям и дознавателям фактически предписывалось игнорирование норм УПК 1923 г. (по мнению Н. Я. Нахамкина, одного из руководителей Прокуратуры РСФСР, только часть норм УПК можно считать обязательными, остальные – рассматривать как инструкции [1, с. 60]). Игнорирование было вполне допустимым в части обязательности и видов ведения протоколов (глава V), возбуждения уголовного дела (глава VII), ведения дознания (глава VIII), обязательности предварительного следствия (глава IX): следователь не был обязан выносить постановление о возбуждении уголовного дела, о принятии дела к производству, об избрании меры пресечения и т. д., а дела, по которым отсутствовали сомнения в виновности подозреваемого, дознавателям разрешалось напрямую направлять в суд без передачи в следственные органы [7]. Такие явные нарушения санкционировались ратовавшим за соблюдения законности наркомом юстиции Н. В. Крыленко, который выступил с инициативой организации судебно-следственных бригад из народного судьи, следователя

и милиционера в районах, которые были введены с 30.01.1930 (правда, нужно отметить, что как раз тогда началась борьба с кулачеством, составившим ощутимую часть заключенных исправительно-трудовых лагерей, поэтому эти нововведения связаны с необходимостью «стремительно-го» раскулачивания и применялись, прежде всего, именно для реализации этого процесса).

Следует констатировать, что такие меры, с одной стороны, должны были привести (и, как отмечают исследователи, привели) к ухудшению качества расследования, с другой стороны, они существенно ускоряли расследование и передачу дела в суд, что создавало организационную возможность превращения репрессий в массовые и формировало, по выражению А. В. Смирнова, сталинскую «скорострельную юстицию» [9, с. 205] (и именно в 1930 г. оформляется система ГУЛАГа).

Однако возникновение данной ситуации требовало от следователя (дознателя) хотя бы малейших формальных оснований по превращению уголовного дела в «ясное» (В. С. Ломов и А. С. Ломов), и в качестве такого основания было использовано признание обвиняемого, которое Н. В. Крыленко, будучи обвинителем на процессе по «делу Промпартии» (1930 г.), назвал «лучшей уликой при всех обстоятельствах» [10, с. 68]. Тенденция опираться на признательные показания была зафиксирована в ст.ст. 360–365 УПК 1923 г.: согласно ст. 361 в дежурные камеры суда направлялись дела, «не требующие особого расследования», или дела, «по которым обвиняемые признали себя виновными» [11]. Это толкало следствие на применение широкого спектра пыток для получения признания подозреваемого и открывало свободный простор для массовости репрессий, поскольку каких-либо процессуальных ограничений, к примеру, по статьям УПК, допускающим такой порядок, зафиксировано не было. Кроме того, следует отметить, что при рассмотрении дел в дежурных камерах ст. 361 УПК 1923 г. не требовала присутствия адвоката, что существенно ускоряло судебный процесс и увеличивало число осужденных за тот же период времени.

Сама проблема необходимости присутствия адвоката при проведении предварительного расследования и в суде также вызвала в то время бурные дискуссии. И хотя иногда озвучивались предложения обязательности такого положения (А. Эстрин, П. Стучка) в интересах «помощи нашим трудящимся» [1, с. 61], Верховный суд в 1927 г. принял предложение Н. В. Крыленко исключить присутствие адвоката на предварительном следствии и допускать только в судах по решению судьи [1, с. 61–64]. Это решение также способствовало созданию организационной базы для полного судебного произвола, фактически, перекалывая бремя защиты на обвиняемого.

И, кроме того, следует вспомнить возникшие именно в 1920-е гг. практики «воспитательных судов» (открытых судов, широко освещаемых в прессе, и постановочных судов-спектаклей с участием актеров). Целью таких судов можно считать подготовку общественного сознания к восприятию с абсолютным доверием любых проводимых властью судебных процессов.

В целом следует отметить, что проанализированные тенденции в теоретических спорах и организации следственного и судебного процесса в 1920-е гг., способствующие трансформации отечественной юстиции для решения задач обеспечения тоталитарного режима в СССР, позволяют утверждать, что именно тогда был создан реальный базис для массовых репрессий 1930-х гг. Это привело в числе прочего к резкому росту числа пенитенциарных учреждений, прежде всего, исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), объединенных в итоге под контролем Главного управления лагерей (УЛАГ ОГПУ – НКВД – ГУЛАГ НКВД) и к резкому увеличению нагрузки на пенитенциарную систему в целом. В дальнейшем требовалось, во-первых, довести до абсолютной четкости лишь некоторые аспекты, а во-вторых, окончательно сформировать нужные стереотипы в массовом сознании, что и было реализовано в течение 1930-х гг. Для этого нужны были люди с высоким уровнем компетентности в системе уголовного и уголовно-процессуального права, обладающие способностью понимать, детализировать и доступно доводить до нижестоящих органов позицию высшего руководства страны, прежде всего, И. В. Сталина, а также способные эффективно воздействовать на массовое сознание. И в данном процессе довольно значимую роль сыграл Прокурор РСФСР и СССР Андрей Януарьевич Вышинский.

Библиографический список

1. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 472 с.
2. Бобровский С. С. Становление и развитие территориальных органов прокуратуры СССР в Центральном Черноземье, 1934–1953: дис. ... канд. ист. наук. Курск: КГТУ, 2003. 217 с.
3. История правовых и политических учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: Норма, 1999. 736 с.

4. Касаткина С. А. Признание обвиняемого. М.: Проспект, 2010. 224 с.
5. Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.) (утр. силу). Введен Постановлением ВЦИК РСФСР «О введении в действие Уголовного кодекса Р. С. Ф. С. Р. редакции 1926 г.» от 22.11.1926 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.10.2017).
6. Уголовный кодекс РСФСР (1922 г.) (утр. силу). Введен Постановлением ВЦИК РСФСР «О введении в действие Уголовного кодекса Р. С. Ф. С. Р.» от 01.06.1922 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.10.2017).
7. Ломов В. С., Ломов А. В. Период «упрощенства» в советском предварительном следствии [Электронный ресурс] // Проблемы реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства на современном этапе: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 8–9 декабря 2011 г.. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2011. URL: http://vuzirossii.ru/publ/period_uproshhenstva/16-1-0-550 (дата обращения: 20.11.2017).
8. О проведении опыта по расширению прав и обязанностей низовых органов юстиции в опытно-показательных округах: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26.08.1929 [Электронный ресурс] // История советской прокуратуры в важнейших документах / под ред. К. А. Мокичева. М.: Госюриздат, 1952. URL: <http://scilib.uk.to/Other/CourtSpeeches/index.html> (дата обращения: 15.10.2017).
9. Смирнов А. В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 345 с.
10. Орлов А. М. Тайная история сталинских преступлений. М.: Всемирное слово, 1991. 352 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (утр. силу). Введен Постановлением ВЦИК «Об утверждении Уголовно-процессуального Кодекса Р. С. Ф. С. Р.» от 15.02.1923 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.10.2017).

References

1. Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline [Soviet justice under Stalin]. Moscow: ROSSPE'N, 2008, 472 p. [in Russian].
2. Bobrovskij S. S. Stanovlenie i razvitie territorial'ny'x organov prokuratury` SSSR v Central'nom Chernozem'e, 1934–1953. Diss. kand. ist. nauk [Formation and development of territorial bodies of the USSR Prosecutor's Office in the Central Chernozemye, 1934–1953. Candidate's of History thesis]. Kursk: KGTU, 2003, 217 p. [in Russian].
3. Istoriya pravovy'x i politicheskix uchenij [History of legal and political doctrines]. In . S. Nersesyancz (ed.). Moscow: Norma, 1999, 736 p. [in Russian].
4. Kasatkina S. A. Priznanie obvinyaemogo [Recognition of the accused]. Moscow: Prospekt, 2010, 224 p. [in Russian].
5. Uголовny`j kodeks RSFSR (1926 g.) (utratil silu). Vvedyon Posta-novleniem VCIK RSFSR «O vvedenii v dejstvie Uголовnogo Kodeksa R. S. F. S. R. redakcii 1926 g.» ot 22.11.1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR (1926) (expired). Introduced by the Resolution of the Central Executive Committee of the RSFSR «On the introduction of the Criminal Code RSFSR. R. edition of 1926» of 22.11.1926]. SPS «Konsul'tant Plyus» [SPS Consultant Plus] (Accessed: 25.10.2017) [in Russian].
6. Uголовny`j kodeks RSFSR (1922 g.) (utratil silu). Vvedyon Posta-novleniem VCIK RSFSR «O vvedenie v dejstvie Uголовnogo Kodeksa R. S. F. S. R.» ot 01.06.1922 g. [Criminal Code of the RSFSR (1922) (expired). Introduced by the Resolution of the Central Executive Committee of the RSFSR «On the Introduction of the Criminal Code of the RSFSR» dated 01.06.1922]. SPS «Konsul'tant Plyus» [SPS Consultant Plus] (Accessed: 25.10.2017) [in Russian].
7. Lomov V. S., Lomov A. V. Period «uproshhenstva» v sovetskom predvaritel'nom sledstvii [The period of «simplification» in the Soviet preliminary investigation]. *Problemy` realizacii uголовnogo i uголовno-processual'nogo zakonodatel'stva na sovremennom e`tape: mat-ly` vseros. nauch.-prakt. konf. Volgograd, 8–9 dekabrya 2011 g.* [Problems of implementation of criminal and criminal procedure legislation at the present stage]. Volgograd: izd-vo IP Polikarpov I. L., 2001. URL: http://vuzirossii.ru/publ/period_uproshhenstva/16-1-0-550, svobodny`j (Accessed: 20.11.2017) [in Russian].
8. Postanovleniye VCIK i SNK RSFSR «O provedenii opy`ta po ras-shireniyu prav i obyazannostej nizovy`x organov yusticii v opy`tno-pokazatel'ny`x okrugax» ot 26.08.1929 g. [Decision of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR

«On experience in extending the rights and duties of the lower-level bodies of justice in pilot districts» of August 26, 1928]. *Istoriya sovetskoj prokuratury` v vazhnejshix dokumentax* [*The history of Soviet prosecutor's office in the most important documents*]. In K. A. Mokichev (ed.). Moscow: Gosyurizdat, 1952. URL: <http://scilib.uk.to/Other/CourtSpeeches/index.html>, svobodny`j (Accessed: 15.10.2017) [in Russian].

9. Smirnov A. V. Tipologiya ugovnogo sudoproizvodstva. Diss. doktora yurid. nauk [Typology of criminal proceedings. Doctor's of Law thesis]. Moscow, 2001, 345 p. [in Russian].

10. Orlov A. M. Tajnaya istoriya stalinskix prestuplenij [The Secret History of Stalin's Crimes]. Moscow, 1991, 352 p. [in Russian].

11. Ugolovno-processual`ny`j kodeks RSFSR 1923 g. (utratil silu). Vvedyon Postanovleniem VCIK «Ob utverzhdenii Ugolovno-processual`nogo Kodeksa R. S. F. S. R.» ot 15.02.1923 g. [Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1923 (expired). Introduced by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee «On approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR» dated February 15, 1923]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 25.10.2017) [in Russian].

УДК 340

Шамсунов Салих Хабибович

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник центра изучения
проблем управления и организации
исполнения наказаний в УИС,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Россия г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1,
e-mail: shamsunov46@mail.ru

Salih Kh. Shamsunov

Doctor of Law, Professor,
Chief Research Officer center
for study of problems management and organization
enforcement of sentences in the MIS,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Narva str., 15A, str. 1, Moscow, Russia, 125130,
e-mail: shamsunov46@mail.ru

Лосева Светлана Николаевна

старший научный сотрудник отдела изучения
отечественного и зарубежного опыта, истории УИС,
сравнительного анализа пенитенциарного
законодательства,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Россия г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1,
e-mail: snloseva@yandex.ru

Svetlana N. Loseva

Senior Research fellow, Department of study
domestic and foreign experience,
the history of the IPU, comparative analysis
of prison legislation,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Narva str., 15a, str. 1, Moscow, Russia, 125130,
e-mail: snloseva@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТЮРЕМНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Актуальность исследования передового зарубежного, в том числе исторического, опыта строительства пенитенциарных учреждений при возведении тюрем нового поколения связана с высокой степенью ее востребованности в современных условиях для повышения эффективности работы российских учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными.

Очевидно, что тюремная архитектура является одним из важнейших элементов организации и управления любой пенитенциарной системой. Она должна отвечать требованиям гигиены, режима, безопасности заключенных и персонала исправительного учреждения, а также по возможности служить средством исправления лиц, нарушивших закон. От построения зданий тюрьмы во многом зависит и реализация целей и задач уголовно-исполнительного законодательства, соблюдение прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Целесообразно строить тюрьмы на равнинных участках и в экологически чистой местности. Сам внешний вид здания не должен вносить дисгармонию в архитектуру той местности, в которой она построена. При строительстве новых тюремных учреждений должны учитываться требования не только гигиены, но и обеспечения безопасности лиц, которые будут там находиться.

При подготовке статьи использовались общенаучные и специальные методы научного познания: аналитический, исторический, системный и др. Анализ исторического опыта зарубежного тюремного строительства позволяет сделать вывод о преемственности в данной сфере и необходимости использования указанного опыта при строительстве новых и реконструкции имеющихся учреждений отечественной уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: строительство, история, зарубежный опыт, тюрьмы, уголовно-исполнительная система, осужденный, тюремная архитектура, тюремное заключение.

HISTORICAL EXPERIENCE OF PRISON CONSTRUCTION IN FOREIGN COUNTRIES

Summary. The relevance of the study of foreign advanced, including historical, experience in the construction of prisons in the construction of a new generation of prisons is associated with a high degree of its relevance in modern conditions to improve the efficiency of Russian institutions and bodies executing punishment to the level of European standards of treatment of prisoners.

It is obvious that prison architecture is one of the most important elements of the organization and management of any prison system. It must meet the requirements of hygiene, treatment, safety of prisoners and correctional staff and, where possible, serve as a means of correcting those who have violated the law. The construction of the prison buildings also largely depends on the implementation of the goals and objectives of the criminal Executive legislation, respect for the rights and legitimate interests of persons serving sentences in the form of imprisonment.

It is advisable to build prisons on flat areas and in ecologically clean areas. The very appearance of the building should not make disharmony in the architecture of the area in which it is built. The construction of new prisons must take into account not only the hygiene but also the safety of the persons who will be there.

In the preparation of the article, General scientific and special methods of scientific knowledge were used: analytical, historical, system, etc. Analysis of the historical experience of foreign prison construction allows us to draw a conclusion about the continuity in this area and the need to use this experience in the construction of new and reconstruction of existing institutions of the domestic penal system.

Keywords: construction, history, foreign experience, prisons, penal system, convict, prison architecture, imprisonment.

До XVIII в. в Европе в качестве мест заключения чаще всего использовались различные оборонительные сооружения – башни замков и крепостей, а также помещения, предназначенные под склад (подвалы монастырей и резиденций монархов). Сама тюрьма (от нем. *turm* – «башня») представляла собой обнесенную каменными стенами территорию с башнями по углам, напоминающую по виду средневековый замок или монастырь. Территория тюрьмы, разделенная на несколько частей, имела только одни ворота, что способствовало обеспечению надежной изоляции ее обитателей. Заключенные содержались, как правило, в одиночных камерах, были лишены прогулок, свиданий и вообще любого общения с внешним миром.

Первая действующая тюрьма-цухтхауз, которая имела все признаки данного учреждения, появилась в Амстердаме в 1595 г. Здесь заключенные содержались относительно небольшими группами по 30–50 человек в общих камерах. Впервые в истории почти все заключенные этой тюрьмы обеспечивались персональными спальными местами с постельным бельем, а также регулярным питанием [1, с. 115].

В 1776 г. в Филадельфии зародилась Пенсильванская тюремная система. Основное внимание ее создатели уделили архитектуре тюремных зданий. Тюрьмы, где предполагалось одиночное содержание заключенных, устраивались обычно в виде нескольких наполненных камерами корпусов, расположенных вокруг центра в виде веера (веерообразная система) или креста (крестообразная система). Существовали также тюрьмы, построенные в виде звезды (звездообразная, или лучистая, система).

Классическим образцом веерообразной тюрьмы стал Восточный пенитенциарий, построенный по проекту англичанина Джона Хэвилленда в 1829 г. в окрестностях Филадельфии. В здании сочетались элементы традиционной крепостной архитектуры и нововведения – маленькие одиночные камеры в прямых коридорах, протянувшихся вдоль длинных корпусов, и веером расходящиеся от центрального административного корпуса

Тюрьма была окружена высоким забором, стены которого достигали 9,15 м, в центре ее территории находилась восьмисторонняя центральная зала и от нее расходилось 7 флигелей. Каждый флигель был разделен ходом с галереями перед каждым этажом, на который выходили входные двери келий. Таким образом, расположение келий позволяло видеть сразу всю тюрьму, а каждый арестант из-за приоткрытых дверей своей кельи мог видеть и слышать все, что делалось в центре.

В тюрьме было 582 кельи (первоначально предполагалось 266), каждая в 5,5 м длины, 2,3 м ширины и 4,9 м высоты; кельи освещались через окна, которые были сделаны в потолке, поэтому кельи нижнего этажа несколько выступали из-под второго; в каждой келье было устроено отхожее место и водопровод; в келью вели две двери – одна внутренняя, железная, решетчатая; другая наружная, деревянная; к первой двери была приделана форточка для снабжения арестантов пищей и всем необходимым, а во второй устроено небольшое отверстие для наблюдения. Изначально кельи были только в нижнем этаже, и из каждой имелся выход на маленький огороженный дворик (длиной 5,5 м и шириной 2,5 м); но когда возвели еще один этаж, то в нем, из-за недостатка двориков, кельи сделали более широкими или предоставляли арестанту две кельи. Из-за высоких стен во двор никогда не проникало солнце, и кельи нижнего этажа были сырыми и холодными [2, с. 85].

Берлинская тюрьма Моабит, открывшаяся в 1844 г., также была построена по веерообразной системе. Она имела четыре флигеля, сходящихся в общем центре, где помещался наблюдательный пост. Каждый корпус состоял из трех этажей одиночных камер. Всего в Моабите было 520 келий, из них 508 – для арестантов, каждая длиной 3,7 м, шириной 2,5 м и высотой 3,4 м. Освещались кельи окнами, расположенными в стенах, а в двери каждой кельи имелись окошко

для передачи пищи и отверстие для наблюдения. Мебель состояла из прикрепленных к стене кровати, стола и скамьи, этажерки с необходимым набором посуды, книгами, принадлежностями для письма.

В тюрьме Моабита наряду с одиночными кельями существовали и общие отделения. Под флигелями и центральной галереей находились подвальный этаж, где размещались мукомольня, пекарня, кухня, прачечная, кузница, слесарня и т. д. В этой тюрьме содержалось от 60 до 80 арестантов, находящихся в общем заключении. Кроме того, примерно в километре от Моабита находилось его дополнительное отделение, в которое переводились арестанты, неспособные переносить одиночное заключение или отсидевшие назначенный для них предельный срок, а на остальное время наказания изъявили желание перейти в общее помещение.

Основными недостатками веерообразной тюрьмы явились необходимость выделения большой численности тюремных служащих для раздачи пищи, вынесения нечистот, а также большой территории и достаточного для строительства места [3, с. 110].

Примером звездообразной тюрьмы может служить Сен-Жилльская тюрьма в Брюсселе (Бельгия), она состояла из десяти корпусов, которые сходились в общем центре. Пять корпусов были заняты кельями для арестантов, в остальных располагались прачечная, кухня, пекарня, больница, комната для свиданий, карцеры и пр. Тюрьма была рассчитана на 600 человек.

Аналогичные тюрьмы были построены во второй половине XIX в. в Бельгии, Дании, Голландии и других европейских государствах. Пенсильванский принцип построения тюрьмы в 1880-х гг. был использован при строительстве Лефортовской тюрьмы в Москве и «Крестов» в Санкт-Петербурге.

Почти одновременно с Пенсильванским образцом тюремного здания был предложен другой проект тюрьмы – паноптикон (от лат. *panopticon* – «всевидающий»), одним из самых ярких пропагандистов которого был английский философ Иеремия Бентам. Следует заметить, что на первый план Бентам выдвигал не идею исправления морального облика заключенных, а вопросы экономической целесообразности.

Паноптикон представлял из себя круглый тюремный корпус, по окружности которого располагались одинаковые ячейки-камеры с большими, выходящими наружу окнами с решетками. Камеры разделялись сплошными стенами, что обеспечивало изоляцию заключенных друг от друга, а внутренний проем закрывался решеткой. Это давало надзирателю, пост которого находился в центре тюремного корпуса, возможность постоянно наблюдать за заключенными в десятках камер по всему периметру здания. Такое расположение позволяло значительно сократить тюремный персонал, повысив при этом эффективность его работы. Основным принципом построения паноптикона заключался в максимальной открытости, освещенности тюремных помещений. Этот тип тюрьмы постепенно получил широкое распространение: в XIX – начале XX в. тюремные паноптиконы были построены в Великобритании, США, на Кубе. Сейчас действующих тюрем-паноптиконов практически не осталось – они были либо закрыты, либо перестроены [4, с. 331].

Родоначальницей еще одного типа тюрьмы, также появившегося в первой половине XIX в., стала Оборнская тюремная система. В ней нет флигелей, похожих на звезду или веер; напротив, тюрьмы этой системы больше похожи на госпитали или казармы.

Оборнский пенитенциарий включал в себя главное здание с двумя, идущими с обеих сторон под прямыми углами флигелями, в которых размещались одиночные кельи-спальни (длиной и высотой в 2 м и шириной в 1 м) и мастерские, а также общие дневные помещения. Основными требованиями новых тюрем были неуклонное прилежание и полное молчание, поэтому, несмотря на более свободный по сравнению с Пенсильванской системой режим, посещавшие Америку европейские делегаты единогласно по всем критериям отдали предпочтение последней.

Классическим образом тюрьмы Оборнской пенитенциарной системы являлась Женевская тюрьма в Швейцарии, открытая в 1825 г. Тюрьма была построена по системе полупаноптикона с двумя расходящимися флигелями, однако, в весьма миниатюрных размерах, так как первоначально была рассчитана всего на 60 человек. В ней применялась система отделения на ночь, общие работы и строгое молчание. Одиночное заключение с работами или без таковых назначалось для заключенных в качестве дисциплинарного наказания.

По образцу Оборнской тюрьмы были построены места заключения во Франции, Швейцарии, Германии [5, с. 28].

Третьей по способу размещения заключенных тюремной системой, внесшей среди прочего вклад и в дело тюремного строительства, являлась англо-ирландская смешанная система, когда арестант подчинялся последовательно первому и второму режиму, а одиночное и общее заключение являлись сменявшими друг друга стадиями отбывания наказания.

По такому образцу была построена, в частности, Пентонвильская тюрьма в Лондоне. Из-за своей организации она напоминала тюрьму Пенсильванской системы: та же форма пятифлигельной звезды с прорезанным отверстием посередине каждого флигеля и с кельями в стенах. В кельях арестанты работали, но только в том случае, если заслуживали этого своим положительным поведением; идя на прогулку, они надевали маски с прорезами для глаз. Тем не менее это уединение было совершенно иное, чем в Америке: там оно являлось целью всей карательной системы и должно было служить главным средством исправления; в Англии уединение применялось лишь как пробная мера. Одиночное заключение, с одной стороны, должно было содействовать тюремной администрации поближе ознакомиться с арестантом, изучить его привычки, наклонности, а с другой – дать преступнику возможность почувствовать всю тяжесть наказания.

К смешанной системе тюремного заключения, кроме Англии и Ирландии, тяготели также Венгрия и Италия [6, с. 115].

Основным принципом мирового тюремного строительства был и остается принцип централизации. Он требует, чтобы все тюремные здания и помещения были компактно расположены вокруг центра, то есть центрального сооружения, из которого они хорошо просматриваются и откуда в них при необходимости легко проникнуть персоналу тюрьмы.

Безусловные достоинства данного принципа состоят в том, что:

сотрудники тюрьмы имеют возможность беспрепятственно осуществлять надзор за заключенными;

начальник тюрьмы и иные уполномоченные лица могут максимально часто посещать камеры;

значительно облегчается передвижение заключенных по территории тюрьмы, а также существенно уменьшается вероятность побегов.

Схожую с планировкой тюрем Пенсильванской и Оборнской систем заключения имеют большинство современных европейских и американских тюрем и по форме представляют собой «веер», «звезду», «крест», «полукруг» или другую фигуру независимо от уровня безопасности. Большинство тюрем имеют длинные коридоры, по одну или обе стороны которых расположены камеры.

Спроектированные таким образом корпуса и камеры позволяют не только эффективно управлять пенитенциарными учреждениями, но и обеспечивают соблюдение требований безопасности заключенных, персонала и лиц, находящихся в этих учреждениях.

По мнению специалистов, наиболее экономным, с точки зрения затрат на заработную плату тюремного персонала, и облегчающим надзор за заключенными является радиальный (веерообразный) план, поскольку из центра можно видеть все корпуса с расположенными в них камерами, наблюдать за выполнением тюремным персоналом своих обязанностей. Спланированная таким образом тюрьма позволяет оптимально использовать принадлежащей ей земельный участок, а в треугольниках, которые образуются между корпусами, могут размещаться прогулочные дворiki для разных категорий заключенных, или эти участки можно использовать, например, под огороды.

Среди недостатков строительства данного типа тюрем следует прежде всего выделить высокую общую стоимость проекта. В условиях российской пенитенциарной практики наиболее приемлемым представляется постройка тюрем по форме «Модуль», что позволит значительно сэкономить денежные средства на подведение коммуникаций, линий связи и т. п.

Следует отметить, что изучение и анализ исторического опыта тюремного строительства в зарубежных странах позволит избежать ошибок и просчетов при реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в части, касающейся реконструкции и строительства учреждений тюремного типа.

Библиографический список

1. Говард Дж. О тюрьмах и смиренных домах в Голландии // С.-Петербургский журнал. 1805. № 1. С. 103–116.
2. Греков М. Л. Тюремные системы: состояние, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 195 с.

-
3. Палюмбецкий А. О происхождении и распространении пенитенциарной системы. Харьков, 1854. 281 с.
 4. Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Зерцало, 1997. 144 с.
 5. Астемиров З. А. Исправительные учреждения в зарубежных странах. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1972. 96 с.
 6. Ткачевский Ю. М. Избранные труды. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2010. 595 с.

References

1. Howard J. O tyur`max i smiritel`ny`x domax v Gollandii [About prisons and straitjacket houses in the Netherlands]. *S.-Peterburgski jzhurnal* [*St. Petersburg magazine*], 1805, no. 1, pp. 103–116 [in Russian].
2. Grekov M. L. Tyuremny`e sistemy`: sostoyanie, perspektivy. Diss. kand. yurid. nauk [Prison systems: state, prospects. Candidate's of Law thesis]. Krasnodar, 2000, 195 p. [in Russian].
3. Palubicki A. O proisxozhdenii i rasprostranении penitenciarnoj sistemy [On the origin and spread of the prison system]. Kharkov, 1854, 281 p. [in Russian].
4. Tkachevsky Yu. M. Progressivnaya sistema ispolneniya ugovolny`x nakazaniy [Progressive system of execution of criminal penalties]. Moscow: Zerczalo, 1997, 144 p. [in Russian].
5. Astemirov (1972) Astemirov Z. A. Ispravitel`ny`e uchrezhdeniya v zarubezhny`x stranax [Correctional institutions in foreign countries]. Ryazan, 1972, 96 p. [in Russian].
6. Tkachevsky (2010) Yu. M. Tkachevsky Selected works [Izbranny`e trudy`]. Saint-Petersburg, 2010, 595 p. [in Russian].

УДК 340

Яковлева Оксана Николаевна

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела изучения
отечественного и зарубежного опыта, истории УИС,
сравнительного анализа пенитенциарного
законодательства,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Россия г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а,
e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

Oksana N. Yakovleva

Candidate of Law, Associate Professor,
Senior Researcher of the Department
of study of domestic and foreign experience,
the history of the penal system, comparative analysis
of penitentiary legislation,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Narva str., 15a, Moscow, Russia, 125130,
e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

НАЧАЛЬНИКИ ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЯ ВЕДОМСТВА В ЛИЦАХ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость комплексного и последовательного изучения личностей руководителей отечественного пенитенциарного ведомства, что позволит обогатить современный справочный аппарат науки уголовно-исполнительного права. Несмотря на обилие источников (нарративные: мемуары, письма частного характера, дневники, автобиографии, биографии; документальные: нормативные акты, официальная переписка, отчеты (административные, финансовые, военные и др.) по истории создания и функционирования отечественной пенитенциарной системы, личности руководителей не стали предметом отдельного исследования или направлением в науке. Следует отметить, что подобные исследования, например, в рамках истории МВД России, прокуратуры России, уже проводятся, что позволяет говорить о перспективах данного «биографического» направления в науке. Исходя из анализа данных о продолжительности жизни, возраста назначения, образования, времени нахождения в должности, наличия опыта государственной службы (в том числе в сфере исполнения наказаний) представлены историко-биографические портреты руководителей Главного тюремного управления Российской империи и характеристика их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Главное тюремное управление, пенитенциарная система, уголовно-исполнительная наука, начальник Главного тюремного управления.

CHIEFS OF THE MAIN PRISON ADMINISTRATION THE RUSSIAN EMPIRE: THE HISTORY OF THE AGENCY IN PERSONS

Summary. The article substantiates the need for a comprehensive and consistent study of the personalities of the leaders of the domestic penitentiary department, which will enrich the modern reference apparatus of the science of criminal-executive law. Despite the abundance of sources (narrative: memoirs, letters of a private nature, diaries, autobiographies, biographies, documentary: normative acts, official correspondence, reports (administrative, financial, military, etc.) on the history of the creation and functioning of the national penitentiary system, have become the subject of a separate study or direction in science. It should be noted that similar studies for example, within the history of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the prosecutor's office of Russia are already being conducted, that allows us to talk about the perspectives of this «biographical» direction in science. During the analysis of data on life expectancy, age of appointment, education, time in office, experience of civil service (including in the sphere of execution of punishments), historical and biographical portraits of the heads of the Main prison administration of the Russian Empire and the characteristics of their professional activities.

Keywords: The main prison administration, the penitentiary system, the criminal-executive science, the chief of the Main Prison Administration.

Грядущий в 2019 г. 140-летний юбилей образования Главного тюремного управления Российской империи (далее – ГТУ), бесспорно, значимое ведомственное событие, учитывая особое значение уголовно-исполнительной системы в жизни государства. Создание Главного тюремного управления в 1879 г. положило начало принципиально новому этапу реформирования пенитенциарной системы – этапу практического воплощения того значительного объема идей, взглядов и предложений, которые были сконцентрированы в проектах о преобразовании тюрем в России. В связи с очень сложными и обширными задачами, стоящими перед ГТУ, оно занимало особое правовое положение в структуре Министерства внутренних дел Российской империи, что выразилось, прежде всего, в известной самостоятельности данного подразделения. При этом деятельность ГТУ главным образом была подчинена решению организационно-правовых задач в целях упорядочения

весьма разрозненной тюремной отрасли с целью превращения ее в единую систему с учетом достижений мирового пенитенциарного опыта.

Историко-правовое исследование биографических данных и профессиональной деятельности лиц, в разные исторические периоды стоявших во главе пенитенциарной службы, несомненно, представляет собой сложную задачу, в том числе и сугубо творческую – показать жизнь ведомства через призму жизненного пути и профессиональной деятельности его руководителей, от ума, воли, опыта, организаторского таланта и множества других личных и профессиональных качеств которых зависела и зависит стабильность уголовно-исполнительной системы.

За всю историю существования ГТУ периода Российской империи им руководили: Михаил Николаевич Галкин-Враской (1879–1896 гг.); Николай Модестович Богданович (март 1896 г. – октябрь 1896 г.); Александр Петрович Саломон (ноябрь 1896 г. – 1900 г.); Иван Васильевич Мещанинов (октябрь 1900 г. – апрель 1901 г.); Андрей Михайлович Стремоухов (май 1901 г. – сентябрь 1905 г.); Александр Михайлович Максимовский (февраль 1906 г. – октябрь 1907 г.); Павел Григорьевич Курлов (октябрь 1907 г. – январь 1909 г.); Степан Степанович Хрулев (январь 1909 г. – март 1913 г.); Петр Карлович Гран (май 1913 г. – март 1917 г.).

Небезынтересны данные о продолжительности жизни и судьбах начальников ГТУ периода империи. Из всех начальников управления двое погибли от рук террористов: Н. М. Богданович (был убит в 1903 г. на посту губернатора г. Уфы) и А. М. Максимовский (был убит в должности начальника ГТУ в 1907 г.). На своем посту скончался С. С. Хрулев в 1913 г. Продолжительность жизни начальников ГТУ выглядит следующим образом: после 80 ушел из жизни только один – это М. Н. Галкин-Враской (84 года); в возрасте старше 70 лет скончались И. В. Мещанинов и П. К. Гран (72 года); старше 60 – П. Г. Курлов (63 года); от 50 до 60 лет трое: С. С. Хрулев (53 года), А. П. Саломон (55 лет), А. М. Стремоухов (59 лет) и от 40 до 50 лет двое: А. М. Максимовский (46 лет) и Н. М. Богданович (47 лет). Двое бывших руководителей скончались в эмиграции: П. Г. Курлов (Берлин) и П. К. Гран (Бухарест).

К моменту назначения на должность ни один из будущих руководителей не был моложе 40 лет: М. Н. Галкин-Враской (45 лет), Н. М. Богданович (40 лет), А. П. Саломон (43 года); И. В. Мещанинов (54 года), А. М. Стремоухов (47 лет); А. М. Максимовский (46 лет); П. Г. Курлов (47 лет); С. С. Хрулев (49 лет), П. К. Гран (44 года). Решение о назначении руководителя во многом обуславливалось наличием опыта государственной службы. Ряд будущих начальников ГТУ имели опыт работы в сфере исполнения наказаний М. Н. Галкин-Враской (заведовал канцелярией президента Попечительного о тюрьмах общества); А. П. Саломон (в 1882–1891 гг. являлся секретарем совета по тюремным делам, принимал участие в проведении тюремной реформы); А. М. Максимовский (был помощником начальника ГТУ с 1901 г.); П. К. Гран (выполнял обязанности инспектор ГТУ, Ярославского губернского тюремного инспектора в 1906 г.).

В течение 38 лет (период деятельности ГТУ Российской империи) сменилось 9 его начальников: первым руководителем на протяжении 17 лет оставался М. Н. Галкин-Враской. Менее года исполняли обязанности двое руководителей – Н. М. Богданович (оставил службу по состоянию здоровья) и И. В. Мещанинов; менее двух лет – А. М. Максимовский и П. Г. Курлов; от четырех до пяти лет – А. П. Саломон, А. М. Стремоухов, С. С. Хрулев, П. К. Гран.

Все начальники ГТУ получили прекрасное образование и в большинстве случаев – юридическое: М. Н. Галкин-Враской (юридический факультет Казанского императорского университета), Н. М. Богданович (юридический факультет Санкт-Петербургского университета), А. П. Саломон (Императорский Александровский лицей), И. В. Мещанинов (юридический факультет Казанского императорского университета), А. М. Стремоухов (Ярославский Демидовский юридический лицей), А. М. Максимовский (юридический факультет Харьковского императорского университета), С. С. Хрулев (курс юридических наук Санкт-Петербургского университета), П. К. Гран (Петербургское училище правоведения), военно-юридическое образование имел П. Г. Курлов (Александровская Военно-юридическая академия).

Многие руководители пенитенциарного ведомства были талантливыми и просвещенными людьми своей эпохи, удостоиваясь высоких назначений и после оставления должности начальника ГТУ. Членами Государственного совета стали – М. Н. Галкин-Враской, А. П. Саломон (возглавил Императорский Александровский (бывший Царскосельский) Лицей); сенаторами – А. М. Стремоухов, И. В. Мещанинов (одновременно совмещая должность товарища министра народного просвещения). П. Г. Курлов продолжил службу на посту товарища министра внутренних дел, одновременно совмещая должность командира Отдельного корпуса жандармов (с г.).

Особый интерес представляют профессиональные качества руководителя ГТУ: одни из них были более деятельными и властными, другие мягче и малозаметнее. Но есть немало общего,

что объединяло их всех – должность начальника ГТУ – это непрерывная и напряженная работа, обусловленная обстановкой в стране и ведомстве, отношением власти и общества к внутренней политике данной государственной структуры. Особое внимание хочется уделить первому руководителю – М. Н. Галкину-Враскому, на долю которого выпал период становления ГТУ. За период нахождения в должности начальника ГТУ им был подготовлен и проведен целый ряд систематических мероприятий, направленных на преобразование тюремной отрасли. В первую очередь, это относилось к организации труда в местах лишения: по инициативе ГТУ принимается закон «О занятиях арестантов работами и о распределении от сего доходов» от 6 января 1886 г. Разрабатываются новые планы тюрем и во многих вновь построенных учреждениях вводится одиночное заключение. 20 января 1886 г. создается конвойная стража для сопровождения арестантов взамен этапных команд. В соответствии с законом от 15 июня 1887 г. «Об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» учреждаются новые штаты местных тюремных учреждений, вводятся в действие Правила о пенсиях и пособиях чинам тюремной стражи гражданского ведомства от 28 декабря 1893 г.

При М. Н. Галкином-Враском начинается ведение статистики о перемещении тюремного населения; печатание годовых отчетов о деятельности ГТУ, учреждаются исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних и приюты для арестантских детей, формируется специальная библиотека при ГТУ, устанавливается обмен официальными изданиями по пенитенциарной проблематике с тюремными управлениями Англии, Франции и Италии [1, с. 38].

В 1882 г. на учрежденную по инициативе М. Н. Галкина-Враского должность архитектора при ГТУ приглашается профессор императорской академии художеств А. И. Томишко, под руководством которого в Санкт-Петербурге строятся «Кресты». Одной из важных задач на посту управляющего ГТУ было присоединение России к международному пенитенциарному сообществу, в рамках которой в 1890 г. в Санкт-Петербурге состоялся IV тюремный конгресс и первая международная тюремная выставка. В 1890 г. учреждается Тюремная инспекция (одновременно были открыты 24 губернских инспекции). По инициативе М. Н. Галкина-Враского при местах заключения открываются школы и церкви в целях духовно-нравственного просвещения. С 1893 г. ГТУ стал выпускаться первый в России специализированный журнал по пенитенциарной проблематике «Тюремный вестник». Деятельный и глубоко неравнодушный к делу, которым он занимается, М. Н. Галкин-Враской дважды выезжал в Сибирь и на о. Сахалин для непосредственного ознакомления с порядком и условиями исполнения наказаний [2, с. 39]. Результатом поездок стало введение 15 мая 1884 г. Положения об управлении островом Сахалин, в том числе урегулировавшего вопросы оказания помощи освобождающимся заключенным, подготовки их к жизни на поселении, облегчения брачных прав каторжных.

Непродолжительное (менее года) руководство ГТУ Н. М. Богдановичем отмечено его участием в комиссии об устройстве тюремной части в Министерстве юстиции Российской империи.

А. П. Саломон по итогам поездки в Сибирь и на о. Сахалин представил обширные материалы о необходимых мероприятиях по отмене ссылки, подготовив к изданию ряд работ: «Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения», вышедшую в свет в 1900 г. [3, с. 7], Тюремное дело в России [4, с. 12]. Кроме этого его деятельность на посту начальника ГТУ отмечена участием в разработке Устава школы для подготовки тюремных надзирательниц при Московском дамском тюремно-благотворительном комитете, открытом в 1898 г. в г. Москве. 31 июля 1898 г. начальник ГТУ утвердил программу «преподавания», состоявшую в изучении Закона Божьего, русского языка, географии России, русской истории, законоведения, тюремоведения и медицинского ухода за больными [5, с. 25].

Будучи начальником ГТУ, И. В. Мещанинов принял участие в комиссии при Министерстве юстиции Российской Империи по отмене ссылки, являлся автором книги «Из воспоминаний старого тюремного деятеля» 1908 г. [6, с. 4].

При непосредственном участии А. М. Стремоухова в 1902 г. состоялось открытие первого Съезда тюремных деятелей в Санкт-Петербурге. В том же году в составе ГТУ было образовано 7-е (счетное, по организации арестантских работ) делопроизводство. При нем состоялось принятие 28 апреля 1904 г. Основных правил продовольствия и лечения арестантов исправительных арестантских отделений, а также счетоводства по этой части и 16 ноября 1904 г. Правил о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. Принял участие в разработке закона от 2 июня 1903 г. «Об отмене тягчайших видов телесных наказаний для ссыльных (бритье половины головы, наказание лозами, плетью и приковывание к тележке)» [7, с. 17].

Трагически сложилась на посту начальника ГТУ судьба А. М. Максимовского. Несмотря на относительно недолгое выполнение своих профессиональных обязанностей, им было сделано

достаточно много прогрессивного. В 1906 г. при ГТУ создается Центральное дактилоскопическое бюро, он лично разработал Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков (утвержденные 16 декабря 1906 г.): за период 1907–1909 гг. бюро собрало 30 000 дактилоскопических снимков преступников. 17 февраля 1907 г. принимаются Правила содержания в местах заключения гражданского ведомства лиц, приговоренных к заключению в крепости. В 1906 г. по инициативе А. М. Максимовского состоялось соглашение с Государственным контролером о предоставлении права местному губернскому начальству выдавать из казны кормовые деньги на содержание малолетних детей арестантов, оставшихся на попечении при находящихся на свободе неимущих родителей или родственников [8]. Разработал новую смету ГТУ, предусматривающую значительное увеличение бюджета. В рамках развития трудовой занятости арестантов им был поднят вопрос о привлечении заключенных к мелиоративным работам и изготовлению обмундирования и обуви для войск [9]; организовал создание тюремных фабрик: бумажной в Варшаве и суконной в Ярославской. После убийства начальника ГТУ был учрежден Особый фонд имени А. М. Максимовского для выдачи пособий семьям чиновников тюремного ведомства, пострадавших при исполнении своего служебного долга, который просуществовал до 1917 г.

По инициативе П. Г. Курлова в составе ГТУ было образовано 8-е (законодательное) дело-производство. Принял участие в разработке закона от 21 декабря 1908 г. «О предоставлении чинам тюремного ведомства, пострадавшим при исполнении или по поводу исполнения служебных обязанностей, а равно и семействам сих чинов, особых имуществ». Впервые в виде опыта в воспитательно-исправительных заведениях вводились характеристики на воспитанников с 1907 г. [10, с. 34].

С. С. Хрулев выступил одним из авторов Положения о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних (1909 г.) и закона об условно-досрочном освобождении (1909 г.), организовал 9-е делопроизводство ГТУ (по заведыванию исправительно-воспитательными заведениями для несовершеннолетних и делами патронажа над освобожденными из мест заключения). В соответствии с законом 29 декабря 1911 г. все обмундирование тюремных надзирателей было отнесено на счет казны. В 1912 г. в виде опыта были введены Общая тюремная инструкция и Памятка тюремного надзирателя. С 1 марта 1913 г. при ГТУ были открыты «временные чтения» для сотрудников пенитенциарного ведомства Министерства юстиции. В этот период был издан ряд циркуляров ГТУ, направленных на предотвращение развития туберкулезных заболеваний в местах заключения, с 1911 г. вводился периодический (три раза в год) осмотр арестантов на предмет установления признаков туберкулеза [11].

По инициативе П. К. Грана в составе ГТУ было организовано 10-е (по тюремной страже и режиму), 11-е (пенсионное), 12-е (штатное и наградное), 13-е (по снабжению чинов тюремного ведомства обмундированием и снаряжением), 14-е (по надзору за санитарным бытом заключенных), 15-е (по найму помещений) делопроизводства, строительный комитет (25 июня 1916 г.). В г. при ГТУ был открыт завод для изготовления артиллерийских снарядов силами заключенных.

Подводя итоги, отметим, что исследование биографий всех без исключения руководителей способствует изучению истории руководимого ими ведомства; знакомство с карьерой чиновника, достигшего высокого поста, дает возможность понять то, что затруднительно выявить путем историко-правового, социологического исследования: отношение к службе, подчиненным, критерии оценки профессиональной деятельности руководителя. Представляется, что обстоятельное изучение личностей руководителей пенитенциарного ведомства, внесших немалый вклад в формирование и становление отечественной системы исполнения наказаний, даст новый импульс развитию науке уголовно-исполнительного права. Кроме того, важно отметить, что имеющаяся историческая литература о государственных деятелях дореволюционного и советского периода может и должна быть пополнена очерками о руководителях пенитенциарного ведомства, игравших в силу особого значения руководимой ими службы большую роль в деятельности государственного механизма.

Библиографический список

1. Галкин-Враской М. Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1868. 189 с.
2. Уголовно-исполнительная система, 130 лет. М.: Объединенная редакция ФСИН России, Юриспруденция, 2009. 301 с.
3. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб.: Тип. С.-Петербург. Тюремь, 1900. 339 с.

4. Тюремное дело в России: Лекция, прочит. 18 февр. 1898 г. лицеистом 33 курса А. П. Салономом воспитанникам Александров. лицея перед посещением ими с.-петерб. мест заключения. СПб.: Тип. С.-Петербург. тюрьмы, 1898. 38 с.
5. Волошин Д. В. Московская школа тюремных надзирательниц как первое учебное заведение по подготовке пенитенциарного персонала в России // Вектор науки ТГУ. Серия: педагогика, психология. 2015. № 2 (21). С. 24–27.
6. Мещанинов И. В. Из воспоминаний старого тюремного деятеля. СПб., 1908. 15 с.
7. Краткий очерк мероприятий в области тюремного дела в России за период с 1900 по 1905 год, составленный для VII Международного тюремного конгресса в Будапеште начальником Главного тюремного управления А. М. Стремоуховым. СПб.: Тип. С.-Петербург. тюрьмы, 1905. 26 с.
8. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4726а. Л. 91. Циркуляр ГТУ № 2 от 1 января 1906 г.
9. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4726а. Л. 91. Циркуляр ГТУ № 8 от 17 мая 1906 г.
10. Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М., 1991. 256 с.
11. Из отчета начальника Главного тюремного управления С. С. Хрулева о поездке в Северо-Американские Соединенные штаты и в Англию в 1910 году. СПб.: Типо-лит. С.-Петербург. тюрьмы, 1911. 102 с.

References

1. Galkin-Vraskoj M. N. Materialy k izucheniyu tyuremnogo voprosa [Materials for studying the prison question]. Saint-Petersburg: Tip. II otd. S.E.I.V.K., 1868, 189 p. [in Russian].
2. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema, 130 let [The correctional system has more than 130 years]. Moscow: Ob"edinennaya redakciya FSIN Rossii, Yurisprudenciya, 2009, 301 p. [in Russian].
3. Salomon A. P. Ssylka v Sibir'. Ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya [Exile in Siberia. An essay on its history and current situation]. Saint-Petersburg: Tip. S.-Peterb. Tyur'my, 1900, 339 p. [in Russian].
4. Tyuremnoe delo v Rossii: Lekciya, prohit. 18 fevr. 1898 g. liceistom 33 kursa A. P. Salonomom vospitannikam Aleksandrov. liceya pered poseshcheniem imi s.-peterb. mest zaklyucheniya [The prison business in Russia: Lecture, others. 18 February. 1898 was a student of the course, 33, A. P. Salomon pupils Alexandrov. Lyceum before their visit to St. Petersburg. place of detention]. Saint-Petersburg: Tip. S.-Peterb. tyur'my, 1898, 38 p. [in Russian].
5. Voloshin D. V. Moskovskaya shkola tyuremnykh nadziratel'nic kak pervoe uchebnoe zavedenie po podgotovke penitenciarnogo personala v Rossii [Moscow school of prison wardens as the first educational institution for the training of prison staff in Russia]. *Vektor nauki TGU. Seriya: pedagogika, psikhologiya* [Vector of science TSU. Series: pedagogy, psychology], 2015, no. 2 (21), p. 24–27 [in Russian].
6. Meshchaninov I. V. Iz vospominanij starogo tyuremnogo deyatelya [From the memories of the old prison leader]. Saint-Petersburg, 1908, 15 p. [in Russian].
7. Kratkij ocherk meropriyatij v oblasti tyuremnogo dela v Rossii za period s 1900 po 1905 god, sostavlennyy dlya VII Mezhdunarodnogo tyuremnogo kongressa v Budapeshte nachal'nikom Glavnogo tyuremnogo upravleniya A.M. Stremouhovym [A brief outline of the activities in the field of prison Affairs in Russia for the period from 1900 to 1905, compiled for the VII International prison Congress in by the head of the General prison Department a.m. Stremoukhov]. Saint-Petersburg: Tip. S.-Peterb. tyur'my, 1905, 26 p. [in Russian].
8. GARF. F. 122. Op. 1. D. 4726a. L. 91. Cirkulyar GTU no. 2 ot 1 yanvarya 1906 g. [The GTU circular No. 2 dated January 1, 1906] [in Russian].
9. GARF. F. 122. Op. 1. D. 4726a. L. 91. Cirkulyar GTU no. 8 ot 17 maya 1906 g. [The GTU circular No. 8 dated may 17, 1906] [in Russian].
10. Kurlov P. G. Gibel' Imperatorskoj Rossii [The Death Of Imperial Russia.]. Moscow, 1991, 256 p. [in Russian].
11. Iz otcheta nachal'nika Glavnogo tyuremnogo upravleniya S.S. Hruleva o poezdke v Severo-Amerikanskije Soedinennye shtaty i v Angliyu v 1910 godu [From the report of the chief of the General prison administration S. S. Khrulyov about the trip to the North American United States and England in]. Saint-Petersburg: Tipo-lit. S.-Peterb. tyur'my, 1911, 102 p. [in Russian].

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

Илькевич Борис Владимирович

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры психологии и педагогики,
Гжельский государственный университет,
140155, Россия, Московская обл.,
Раменский р-н, пос. Электроизолатор, 67,
e-mail: Ilk_bv@mail.ru

Boris V. Ilkevich

Doctor of Pedagogics, Professor,
Professor of the Department of psychology and pedagogy,
Gzhel State University,
vil. Elektroizolyator, Ramenskoe district, Moscow region,
Russia, 140155,
e-mail: Ilk_bv@mail.ru

Суходолова Евгения Михайловна

аспирант, специалист отдела дистанционного обучения,
Гжельский государственный университет,
140155, Россия, Московская обл.,
Раменский р-н, пос. Электроизолатор, 67,
e-mail: Zhenya_saprykina@mail.ru

Evgeniya M. Sukhodolova

postgraduate student specialist of the Department of e-learning,
Gzhel State University
vil. Elektroizolyator, Ramenskoe district, Moscow region,
Russia, 140155,
e-mail: Zhenya_saprykina@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Актуальность данного исследования состоит в том, что сегодня существует достаточно высокий уровень спроса на рынке труда в профессионалах с высшим образованием, но гражданам, проживающим в отдаленных населенных пунктах, не просто его получить. Еще одним фактором, обуславливающим необходимость развития дистанционного обучения, является доступность данного вида образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Однако в процессе применения дистанционных образовательных технологий возникает такая недостаточно изученная учеными проблема, как развитие культуры межличностного общения студентов.

Целью данного исследования является разработка и описание модели развития культуры межличностного общения студентов с применением дистанционных образовательных технологий. Для решения сформулированных задач были использованы теоретические (анализ литературы, обобщение и научный анализ эффективного педагогического опыта работы, синтез, методы общей теории педагогических систем, индукции, формализации, исследования причинно-следственных связей, выдвижения и проверки гипотез, моделирование) и эмпирические (наблюдение, анкетирование, беседа, метод анализа, метод эмпирического обобщения) методы исследования.

В статье охарактеризована процессная модель развития культуры межличностного общения студентов, обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий, выделено ведущее направление развития культуры межличностного общения студентов, а также сформулированы основные принципы рассматриваемого феномена.

Ключевые слова: дистанционные образовательные технологии, дистанционное обучение, общение, культура межличностного общения, модель, студенты.

MODELING THE PROCESS OF DEVELOPMENT THE CULTURE OF STUDENTS INTERPERSONAL COMMUNICATION STUDYING WITH THE USE OF DISTANCE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Summary. The relevance of this research consists that for today there is rather high level of demand in labor market in professionals with the higher education, but not in each settlement of our country it is possible to receive it. One more integral fact showing need of development of distance learning is availability of this type of education to persons, with the limited opportunities having undoubted talent, but owing to the existing restrictions not capable to graduate, and subsequently and to self-actualize. However the problem of cultural development of interpersonal communication of students in the course of use of remote educational technologies was not studied by scientists. An objective of this research is development and the description of model of cultural development of interpersonal communication of students with use of remote educational technologies. For the solution of the formulated

tasks and studying of hypothetical provisions research methods were used theoretical (the analysis of literature, generalization and the scientific analysis of effective pedagogical experience, synthesis, methods of the general theory of pedagogical systems, induction, formalization, a research of relationships of cause and effect, promotions and checks of hypotheses, modeling) and empirical (observation, questioning, a conversation, an analysis method, a of empirical generalization). In article the process model of cultural development of interpersonal communication by the student, the remote educational technologies studying with application is characterized, the leading direction of cultural development of interpersonal communication of students is allocated and also the basic principles of the considered phenomenon are formulated.

Keywords: distance educational technologies, e-learning, communication, culture of interpersonal communication, model, students.

На сегодняшний день существенным направлением развития системы образования России является внедрение методов дистанционного обучения на основе применения современных педагогических, а также перспективных информационных и телекоммуникационных технологий. Однако массовое применение дистанционных образовательных технологий в образовательном пространстве вуза, к сожалению, пока не содействует решению проблемы развития культуры межличностного общения, что подтверждает важность создания научной позиции по данному вопросу.

В ходе нашего исследования мы опирались на фундаментальные изыскания в области теории и практики дистанционного обучения (А. А. Андреев [1], В. И. Солдаткин [2], А. А. Ахayan [3], Р. Р. Насибуллов [4], Е. С. Полат [5] и др.) и исследования, посвященные теории межличностного общения (Г. М. Андреева [6], И. А. Зимняя [7], А. В. Мудрик [8] и др.).

Высшее образование в России и в Европейском союзе, утверждается в исследованиях Е. А. Бондаренко, А. А. Журина [9], И. М. Ильинского [10], меняется как с точки зрения педагогических моделей, международного охвата университетов, так и за счет увеличения использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) для целей образования и обучения.

С внедрением ИКТ традиционные временные и географические барьеры, которые ограничивают доступ к различным системам образования, начинают устраняться. Кроме того, дистанционное образование важно для студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Итак, дистанционное образование – это образование, организованное учреждениями, где преподаватель и студенты в большинстве случаев географически разделены.

Позитивная позиция в отношении дистанционного образования заключается в том, что данная форма обучения позволяет студентам учиться на приемлемых для них условиях. Кроме того, дистанционное образование при правильной организации способствует большей независимости, самомотивированности.

Дистанционное образование позволяет обеспечить гибкость не только во времени и пространстве, но и в объективном методе. Студентам может быть предложена свобода при выборе литературы и методов обучения. Однако если предоставить студенту полную свободу во времени, то они смогут начать и закончить курс в любое время, и в этом случае будет трудно организовать сотрудничество между студентами.

Еще одним положительным аргументом в пользу дистанционного обучения является то, что оно позволяет студентам получить доступ к высококачественным курсам в разных частях мира. Одним из хорошо известных примеров является Открытый университет в Соединенном Королевстве, который более тридцати лет предлагает дистанционное образование во всем мире.

Однако дистанционное образование также имеет несколько недостатков. Это, прежде всего, достаточно высокий процент студентов, не закончивших обучение. Кроме того, расстояние может создавать не только географическую, но и психологическую дистанцию: отсутствие встреч с преподавателем и сокурсниками лицом к лицу может создать чувство одиночества и отчуждения. Студенты ожидают и хотят получить больше отзывов от преподавателей, чем получают; без постоянного контакта с сокурсниками студенты лишаются возможности оспаривать понимание учебного материала и развивать свою идентичность.

Существуют также проблемы организационных изменений: изменений административных структур и роли преподавателей.

Одним из возможных способов преодоления некоторых из этих проблем является поиск средств, технологических и педагогических, позволяющих проводить совместное обучение в дистанционном образовании через дистанционное межличностное общение. Дистанционное межличностное общение, доступное через среду электронного обучения, направлено на повышение интерактивности между студентами, участвующими в совместных учебных мероприятиях.

Инструменты дистанционного межличностного общения могут заставить даже застенчивых пользователей чувствовать себя более уверенными из-за исчезновения социальных различий. Но, с другой стороны, считают Т. Ю. Базаров [11] и Г. С. Чучкалова [12], отсутствие социальных сигналов создает сложные барьеры для общения. Сложность коммуникации может быть дополнительно увеличена, если используется синхронная текстовая связь.

Дистанционное межличностное общение в более широком смысле понимается Ю. А. Веселовской как любая форма межличностного общения, которая использует форму компьютерных технологий для передачи, хранения, аннотации или предоставления информации, которая была создана одним или несколькими участниками [13]. Отсутствие в теории описания такого типа моделирования побудило нас разработать модель межличностного общения студентов, обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий.

При разработке модели мы опирались на идеи ученых по вопросам моделирования, а также разработки организационных форм дистанционного обучения, предложенные М. А. Евдокимовым [14].

Нами были проанализированы модели педагогической деятельности (теоцентрическая, социометрическая, натурцентрическая, антропоцентрическая) (см. таблицу), идеи которых мы учли в обосновании авторской модели.

Таблица

Сравнительные характеристики моделей педагогической деятельности

Мо- дель	Цель	Принципы	Критерии	Содержание	Средства и методы
Теоцентрическая	Движение к Абсолюту (универсальному и неизменному)	Духовность	Духовно-нравственная сфера формирования личности	Единая и универсальная программа	На ранних исторических этапах жестко авторитарные, постепенно заменяющиеся более гуманными
Социоцентрическая	Переменная «модель личности»	Унификация, оптимизация, интенсификация	Когнитивные и поведенческие характеристики в форме ЗУНов	Единая и универсальная программа	На ранних исторических этапах жестко авторитарные, постепенно заменяющиеся более гуманными
Натурцентрическая	Несколько типологических «моделей личности»	Дифференциация и индивидуализация	Максимально возможное развитие природных способностей	Вариативные учебные программы	На ранних исторических этапах жестко авторитарные, постепенно заменяющиеся более гуманными
Антропоцентрическая	Реализация индивидуальных потребностей развития, самореализация	Творческая самореализация, партнерство	Мотивационно-эмоциональная сфера, творческие качества	Отсутствие заранее проектируемых программ	Гуманистические, не травмирующие психику

В соответствии с этими позициями нами была создана авторская модель формирования культуры межличностного общения студентов, обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий. Представленная нами процессная модель отражает самостоятельные блоки. Целевой блок ориентирован на формирование проектировочных, деятельностных, контрольно-оценочных умений; методологический блок модели включает методологические подходы и принципы; содержательный блок включает взаимодействие субъектов социокультурного пространства (тьютор, студенты, преподаватели), компоненты и условия развития культуры межличностного общения студентов; результативный блок указывает критерии и уровни оценки изучаемого процесса.

На современном этапе стратегическое взаимодействие с обучающимися способствует проектированию образовательного маршрута в ближайшей и отдаленной перспективе. Важнейшим внешним фактором развития культуры межличностного общения выступает образовательно-воспитательный процесс.

Одним из основополагающих элементов образовательного процесса является педагогическое взаимодействие, которое инициирует изменения в структуре личности и содержании ценностных ориентаций и тем самым способствует развитию культуры межличностного общения студентов, обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий.

Исходя из вышесказанного в качестве ведущего направления развития культуры межличностного общения студентов мы выделили накопление жизненного опыта о правилах социального поведения.

Реализация этого направления строится на следующих общих принципах развития культуры межличностного общения студентов:

- принцип индивидуализированного подхода задает максимально индивидуализированный учебно-воспитательный процесс, который реализуется в гибких учебных планах и программах, подстраивающихся под каждого обучающегося;
- принцип развивающих коммуникаций – развитие общения, культура общения с другим, поиск собеседника (по Ухтомскому);
- принцип прогрессирующего самоконтроля учит учиться, путь к самосовершенствованию;
- принцип гуманизации – окультуривание образовательной среды, обучение не столько в изучении прошлого, сколько в «освобождении ума и человеческих симпатий» (Дж. Дьюи), ибо всякая новая идея, представление, знание рождается в мышлении;
- принцип ценности личности, то есть признание самооценки личности каждого студента независимо от той роли, которую он играет, позиции, которую он занимает, мнения, которого он придерживается;
- принцип уникальности личности – признание неповторимости каждого студента, его способностей и соответственно утверждение необходимости построения учебно-воспитательного процесса, ориентированного на максимальное развитие индивидуальности;
- принцип культуросообразности – соответствие содержания образования культуре и ее традициям;
- принцип эмоционально-ценностной ориентации учебно-воспитательного процесса как единство чувства и мысли в педагогическом процессе. Это обеспечивается особой системой отношений, ориентированной на максимальную интеграцию знаний обучающихся в единую эмоциональную картину мира и себя в нем.

Таким образом, нами была разработана и охарактеризована процессная модель развития культуры межличностного общения студентов, обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий, блоки которой соответствуют основным компонентам педагогического процесса (целевой, методологический, содержательный, результативный), а их содержание реализует ее задачи.

Библиографический список

1. Андреев А. А. Введение в Интернет-образование: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 45 с.
2. Андреев А. А., Солдаткин В. И. Введение в дистанционное обучение: сущность, технология, организация. М.: МЭСИ, 1999. 196 с.
3. Ахayan А. А. Теория и практика дистанционного педагогического образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 39 с.
4. Насибуллов Р. Р. Развитие дистанционной формы обучения будущих учителей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2010. 22 с.
5. Полат Е. С. Педагогические технологии дистанционного обучения. 2-е изд., стер. М.: Центр «Академия», 2009. 400 с.
6. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
7. Зимняя И. А. Педагогическая психология. Ростов н/Д., 1997. 480 с.
8. Мудрик А. В. Общение в процессе воспитания. М.: Педагогическое общество России, 2001. 320 с.
9. Бондаренко Е. А., Журин А. А. Состояние медиаобразования в мире // Педагогика. 2002. № 3. С. 88–98.
10. Ильинский И. М. Образовательная революция. М.: Московская гуманитарно-социальная академия, 2002. 592 с.
11. Базаров Т. Ю. Дистанционное обучение: организация опосредованного общения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 2(69). С. 51–56.
12. Чучкова Г. С. Интернет-коммуникация как фактор личностного развития: на примере общения в чатах: дис. ... канд. психол. наук. М.: РГГУ, 2008. 23 с.
13. Веселовская Ю. А. Интернет-технологии: особенности построения методической системы // Наука. Образование. Культура. 2014. С. 110–114.
14. Евдокимов М. А. Совершенствование организационных форм дистанционного обучения: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 32 с.

References

1. Andreev A. A. Vvedenie v Internet-obrazovanie: uchebnoe posobie [Introduction to online education]. Moscow: Logos, 2003, 45 p. [in Russian].
2. Andreev A. A., Soldatkin V. I. Vvedenie v distancionnoe obuchenie: sushchnost', tekhnologiya, organizatsiya [Introduction to distance learning: essence, technology, organization]. Moscow: MEHSI, 1999, 196 p. [in Russian].
3. Ahayan A. A. Teoriya i praktika distancionnogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk [Theory and practice of distance pedagogical education. Extended Abstract of doctor's of Pedagogy thesis]. Saint-Petersburg, 2001, 39 p. [in Russian].
4. Nasibullov R. R. Razvitie distancionnoj formy obucheniya budushchih uchitelej. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [The Development of distance forms of training of future teachers. Extended Abstract of candidate's of Pedagogy thesis]. Kazan', 2010, 22 p. [in Russian].
5. Polat E. S. Pedagogicheskie tekhnologii distancionnogo obucheniya [Pedagogical technologies of distance learning]. 2-e izd., ster. Moscow: Akademiya, 2009, 400 p. [in Russian].
6. Andreeva G. M. Psihologiya social'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2000, 288 p. [in Russian].
7. Zimnyaya I. A. Pedagogicheskaya psihologiya [Pedagogical psychology]. Rostov na Donu, 1997, 480 p. [in Russian].
8. Mudrik A. V. Obshchenie v processe vospitaniya [Communication in the process of education]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2001, 320 p. [in Russian].
9. Bondarenko E. A., Zhurin, A. A. Sostoyanie mediaobrazovaniya v mire [The state of media education in the world]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2002, no. 3, pp. 88–98 [in Russian].

-
10. Il'inskij I. M. Obrazovatel'naya revolyuciya [Educational revolution]. Moscow: Mosk. Gumanitarno-social'naja akademija, 2002, 592 p. [in Russian].
 11. Bazarov T. Yu. Distancionnoe obuchenie: organizaciya oposredovannogo obshcheniya [Distance learning: organization of indirect communication]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah* [Psychopedagogics in law enforcement], 2017, no. 2(69), pp. 51–56 [in Russian].
 12. Chuchkova G. S. Internet-kommunikaciya kak faktor lichnostnogo razvitiya: na primere obshcheniya v chatah. Diss. kand. psihol. nauk [Internet communication as a factor of personal development: on the example of communication in chats. Candidate's of Psychology thesis]. Moscow: RGGU, 2008, 23 p. [in Russian].
 13. Veselovskaya Yu. A. Internet-tehnologii: osobennosti postroeniya metodicheskoy sistemy [Internet technologies: features of construction of methodical system]. *Nauka. Obrazovanie. Kul'tura* [Science. Education. Culture], 2014, pp. 110–114 [in Russian].
 14. Evdokimov M. A. Sovershenstvovanie organizacionnyh form distancionnogo obucheniya. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk [Improvement of organizational forms of distance learning. Extended Abstract of doctor's of Pedagogy thesis]. Moscow, 2006, 32 p. [in Russian].

УДК 378

Ефименко Александр Александрович

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры организации кадровой,
социальной, психологической и воспитательной работы,
Томский ИПКР ФСИН России,
634057, Россия, г. Томск, ул. Говорова, 10,
e-mail: AAE.13@yandex.ru

Сидакова Марина Александровна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник учебного отдела,
Томский ИПКР ФСИН России,
634057, Россия, г. Томск, ул. Говорова, 10,
e-mail: ser-sidakov@yandex.ru

Alexander A. Efimenko

Candidate of Pedagogics,
Senior Lecturers of the Department of staff, social,
psychological and educational work organisation,
The Tomsk Instituion of Advanced Training
for penal staff of the Russian Federation,
Goworowa str., 10, Tomsk, Russia, 634057,
e-mail: AAE.13@yandex.ru

Marina A. Sidakova

Candidate of Philology,
Senior Researcher of the educational Department,
The Tomsk Instituion of Advanced Training
for penal staff of the Russian Federation,
Goworowa str., 10, Tomsk, Russia, 634057,
e-mail: ser-sidakov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ЖЕНЩИНАМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

***Аннотация.** В статье проводится теоретический анализ статистических данных и литературы об особенностях организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы женщинами, показаны некоторые взаимосвязи между исправлением, ресоциализацией и социальной реабилитацией данной категории осужденных. В связи с изложенными характеристиками женской преступности воспитательная работа с женщинами может складываться из комплекса допениденциарной профилактики, пениденциарной воспитательной, психологической, социальной работы и постпениденциарной ресоциализации. Учитывая тот факт, что воспитательная работа является основным средством исправления осужденных (ст. 9 УИК РФ), то критерием данного исправления должен стать сознательный отказ женщины от нарушения правовых норм. Для того чтобы добиться нейтрализации негативных норм поведения с целью закрепления устойчивых моделей правопослушного поведения, необходимо направить психолого-педагогическую составляющую воспитательной работы на перестройку самосознания и самооценки осужденной, формирование на этой основе ее готовности изменить себя, чтобы само преступление стало внутренне неприемлемым. Поиск методов данной работы должен стать актуальным для психологов, социальных работников и сотрудников отделов воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях.*

Самоисправление женщины зависит от направлений нравственного воспитания, получения общего и профессионального образования, осознания необходимости и научения успешно выполнять свою социальную роль.

Для закрепления положительного результата, достигнутого в исправительном учреждении силами всех его отделов и служб, необходима постпениденциарная ресоциализация, которая должна проводиться на основании комплексных программ федерального и регионального уровней по многосторонней поддержке и охране социального и психического здоровья женщин.

***Ключевые слова:** воспитательная работа; женщины, осужденные к лишению свободы; допениденциарная профилактика; постпениденциарная ресоциализация; исправительные учреждения.*

THE PECULIARITIES OF EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTED WOMEN IN PRISON AT THE PRESENT STAGE OF PENAL SYSTEM REFORMATION

***Summary.** The article presents a theoretical analysis of statistical data and literature on the features of the organization of educational work with women sentenced to deprivation of liberty, shows some of the relationship between the correction, re-socialization and social rehabilitation of women sentenced to imprisonment. In connection with the characteristics of women's crime, educational work with women may consist of a complex of pre-penitentiary prevention, penitentiary educational, psychological, social work and post-penitentiary resocialization. Given the fact that educational work is the main means of correction of convicts, in accordance with article 9 of the penal enforcement code, the criteria of this fix should be a stable behavior of women, demonstrating a conscious*

rejection of the violation of legal norms, the neutralization of the negative norms of behavior with the aim of securing sustainable patterns of law-abiding behavior. In order to achieve this goal, it is necessary to direct the psychological and pedagogical component of educational work to the restructuring of the self-consciousness and self-esteem of the convict, the formation on this basis of his willingness to change himself, so that the crime itself becomes internally unacceptable. The search for methods of this work should be relevant for psychologists, social workers and employees of the departments of educational work with convicts in correctional institutions.

Self-correction of women depends on the areas of moral education, General and vocational education, awareness of the need and learning to perform their proper social role.

In order to consolidate the positive results achieved in the correctional institution by all its departments and services, post-penitentiary re-socialization is necessary, which should be carried out on the basis of comprehensive programs of the Federal and regional levels for the multilateral maintenance and protection of social and mental health of women.

Keywords: *educational work, women sentenced to deprivation of liberty, penitentiary prevention, post-penitentiary resocialization, correctional institutions.*

В настоящее время организация и проведение воспитательной работы в исправительном учреждении сводится, как правило, к формальному соблюдению Правил внутреннего распорядка, что не является показателем исправления, скорее, даже, наоборот, формирует позицию приспособленчества у осужденного. Однако воспитательная работа определена законодателем одним из основных средств исправления, поэтому результатом ее является такое поведение осужденной, которое предполагает осознанное отторжение противоправного поведения, которое вызвано изменением внутренних ценностей и установок личности осужденной женщины. Для того чтобы сформировать подобный образ мыслей и убеждений, необходимо направить все педагогическое и психологическое сопровождение осужденной на изменение оценочного отношения к себе и обществу в целом, переосмысление своей социальной роли и пробуждение готовности к работе над собой.

За годы реформирования уголовно-исполнительной системы в России накоплен положительный опыт в области воспитательной работы с осужденными к лишению свободы женщинами, тем не менее хотелось бы обозначить связь между исправлением, ресоциализацией и социальной реабилитацией осужденных к лишению свободы женщин. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2017 г. 145,9 тыс. преступлений совершили женщины и 820,2 тыс. мужчины, что говорит о том, что женщины испытывают большее уважение к закону и свою ответственность перед обществом [1]. Нельзя не согласиться с выводами о том, что структура женской преступности значительно отличается от мужской, поскольку мужчины физически сильнее и выполняют отличную от женщин социальную роль [2]. На 1 мая 2018 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 47 502 женщины, в том числе 38 303 – в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 9199 – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора [3]. Рассматривая возраст преступниц, можно отметить следующее: 48 % женщин совершают преступления в возрасте от 30 до 49 лет, 18 % – в возрасте 25–29 лет, 14 % – в возрасте 18–24 лет, 12 % – в возрасте от 50 лет, 8 % – в возрасте до 17 лет [4]. Согласно указанным статистическим данным возраст, когда женщины начинают свою преступную деятельность, является более зрелым. Наиболее распространенными преступлениями являются кражи; насильственные преступления на бытовой почве; преступления при разрешении семейных конфликтов; вовлечение в качестве сообщников несовершеннолетних. Мотивы совершаемых женщинами преступлений, как правило, связаны с корыстью, часто преступления совершаются в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Как неправопослушное формируется данное поведение по причине отсутствия сформировавшейся позитивной модели женской роли в обществе либо ее искажении.

В связи с изложенными характеристиками женской преступности воспитательная работа с женщинами может складываться из комплекса допенитенциарной профилактики, пенитенциарной воспитательной, психологической, социальной работы и постпенитенциарной ресоциализации.

Меры допенитенциарной профилактики требуют длительного времени, так как направлены на «оздоровление» морального климата в обществе, большее уважение к закону, развитие системы социальных гарантий женщинам на производстве и служебной деятельности, повышение внимания общества к выполнению женщиной свойственных ей социальных ролей, организацию мероприятий

воспитательного характера с учетом особенностей функционирования организма женщины. К мероприятиям по допенитенциарной профилактики женской преступности можно отнести:

- мероприятия, направленные на профилактику конкретных преступлений, совершаемых женщинами;
- мероприятия, направленные на формирование правопослушного и нейтрализацию до-криминогенного поведения, которое зачастую приводит в дальнейшем к совершению уголовно наказуемых деяний (зависимость от веществ, разрушающих психику, бродяжничество, уклонение от трудовой деятельности, нарушение норм морали, мелкие проступки); оказание помощи женщинам, ведущим антиобщественный образ жизни, отбывающим наказание в виде лишения свободы.

Безусловно, особенностью предупреждения женской преступности является ее ранняя профилактика. Профилактическая работа по раннему предупреждению должна проводиться с женщиной, еще не совершившей преступление, но чье поведение можно характеризовать как девиантное. Здесь следует сказать о том, что, как правило, женщина совершает преступление, которое было так или иначе подготовлено негативными условиями ее жизни: социально-бытовыми, материальными, психологическими [5].

К мероприятиям по общей профилактике женской преступности должна относиться психологическая работа с семьями, имеющими дефекты социального развития.

К числу причин социального характера, создающих условия для формирования девиантного поведения, обычно относят:

- чуждое окружение (язык, культура);
- направление из семьи в интернаты и специальные детские учреждения;
- госпитализацию;
- смену школьного коллектива;
- смену места жительства;
- помещение в чужую семью;
- безработицу [6].

Экономическая и социальная обстановка в современной России нередко порождает социальные конфликты, являющиеся причиной появления различных форм девиантного поведения.

Современная семья сталкивается сегодня с общесоциальными проблемами и не всегда может создать положительные условия для формирования правильной социальной роли женщины. Девиантная семья содержит для ее членов опасность противоправного поведения. В таких семьях личная жизнь женщины характеризуется накоплением негативных эмоций, разрушительных переживаний, проявлением агрессии, отсутствием стабильного гарантированного заработка, что зачастую является прямой причиной антиобщественного поведения, которое в свою очередь не позволяет женщине завязать новые знакомства или разрушает уже существующие социально полезные связи.

В этой связи, несомненно, необходима профилактическая деятельность по оздоровлению современной семьи, а именно:

- выявление неблагополучных семей;
- психологическая и социальная диагностика причин семейного неблагополучия;
- организация психологической помощи по нейтрализации нравственных деформаций в семье;
- организация социальной помощи.

В исправительных учреждениях в настоящее время воспитательная работа основывается на принципах индивидуального и дифференцированного подхода. Индивидуальный подход к исправлению осужденных необходим по причине неомогенности среды осужденных: по возрасту, уровню образования, криминальной направленности, степени, глубины видов деформации, восприимчивости мероприятий воспитательного характера, отношению к криминальной субкультуре, ее элементам, способности к самостоятельности. Поэтому крайне необходима и важна педагогическая дифференциация осужденных еще в самом начале исправительных мероприятий и глубокая индивидуализация при осуществлении правовой составляющей процесса исправления.

По мнению сотрудников воспитательных отделов исправительных учреждений, психологическое и воспитательное сопровождение женщин имеет определенные трудности по причине распространенности в их среде психических расстройств, поведенческих нарушений, которые сформировались у них до поступления в места лишения свободы.

К настоящему времени характеристики женщин, находящихся внутри пенитенциарной системы, изучены достаточно. По сравнению с мужчинами, они гораздо чаще являются жертвами физического, сексуального и других видов насилия (по некоторым данным до 98 %), часто совершаемого с ними до совершеннолетия родными или другими близкими им людьми, интимными партнерами. У женщин более выражены семейные связи, большинство самостоятельно воспитывают несовершеннолетних детей. Они имеют низкий образовательный и профессиональный уровень, часто являются безработными к моменту совершения преступления, многие финансово зависимы от мужчин. Значительное количество женщин имеет зависимость от алкоголя и наркотиков, а также проблемы со здоровьем и психические нарушения. Особо отмечается тот факт, что большинство женских агрессивных действий против личности в отличие от аналогичных действий, совершенных мужчинами, явились ответом на многолетнее насилие [7].

Анализ опыта исправления (изменения мировоззрения, убеждений, направленности личности) осужденных женщин позволяет сделать вывод о том, что нравственное исправление возможно только при решении самой осужденной начать работу над собой.

В процессе самоисправления при помощи администрации исправительного учреждения должны быть преодолены те негативные деформации, которые привели их к криминогенному поведению:

- отрицание нравственных норм общества;
- отрицание своей роли как субъекта в принятии жизненно важных решений, восприятие себя как объекта;
- деформация нравственного уровня в личности осужденной (что делает возможным противоправное поведение);
- деформация в осознании собственного достоинства;
- деформация в интеллектуальной сфере.

Нейтрализация данных деформаций в большей степени достигается при получении женщинами общего и профессионального образования. Однако выбор предлагаемых исправительным учреждением профессий крайне мал. Как правило, в женских колониях предлагается швейное производство. Не учитываются, к сожалению, индивидуальные психофизиологические особенности женщин при выборе профессии. Поэтому необходимо ввести в практику женских исправительных учреждений разнообразие производств, что имеет большое значение для формирования положительных социальных установок в сфере профессиональной деятельности.

Особым направлением воспитательного воздействия на осужденных женщин является религиозное воспитание. Это объясняется психологическими особенностями женщины: она направлена на коммуникацию, требует обратной связи, что позволяет снять у нее состояние тревоги. В качестве сочувствующего механизма выступает религия. Приходится учитывать и тот факт, что в условиях исправительного учреждения женщины ожесточаются и им необходимо предложить мирные способы психологической разрядки [8].

Важное место в индивидуальной воспитательной работе с осужденными занимает изучение ее социальной роли и социального статуса. Семья создает вокруг женщины особый микроклимат: частые конфликты и неудовлетворенность семейными отношениями толкают ее на нарушение закона. Треть осужденных женщин в процессе общения с ними рассказывали, что совершили преступление после разрыва отношений с мужем или сожителем, лишения родительских прав.

Особо следует отметить осужденных женщин с детьми, так как это связано с нарушением социальной роли женщины, с одной стороны, и с получением неполноценного родительского сопровождения ребенком, чья мать находится в исправительном учреждении, с другой стороны.

Важным компонентом содержания осужденных женщин является предоставление им возможности ухаживать за своими малолетними детьми в исправительном учреждении и в дальнейшем участвовать в воспитании детей, находящихся вне учреждения. Это положительно сказывается как на воспитании самостоятельности у женщин, формировании полезных навыков социального поведения, так и на развитии ребенка: обеспечение непосредственного эмоционального общения матери и ребенка формирует эмоционально положительный тонус у ребенка, что в свою очередь является признаком хорошего физического и нервно-психического развития ребенка.

Ст. 100 Уголовно-исполнительного кодекса РФ предусматривает некоторые особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей. В исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка.

В качестве положительного момента следует отметить то, что дом ребенка позволяет проводить необходимые детям профилактические и лечебно-оздоровительные мероприятия, обеспечить качественный уход, воспитание, физическое развитие, рациональное питание и социальную адаптацию детей.

Таким образом, дом ребенка позволяет находящимся в нем детям оптимально развиваться, формирует позитивную картину мира, обеспечивает ребенку воспитание и развитие в правоопослушном социуме.

Беременные осужденные находятся под наблюдением специалистов, где с ними проводятся индивидуальные и групповые подготовительные к родам мероприятия, чего многие из них были бы лишены в своей прежней жизни.

Совместное проживание осужденных женщин со своими детьми, с одной стороны, укрепляет материнско-детские отношения, но с другой стороны, нельзя исключать опасность негативного воздействия матери с девиационным поведением на воспитание ребенка. Поэтому, несмотря на то что желающих попасть в общежитие с детьми исправительного учреждения много (практически все), приоритетное право заселения должно предоставлялось только положительно характеризующимся осужденным. Прежде всего, матери сами должны быть готовыми к тому, что им придется взять на себя ответственность за своего ребенка, тем более что заботу о детях осужденным женщинам необходимо совмещать с работой.

На основании вышеизложенного отметим, что мероприятия, направленные на исправление осужденных женщин, должны носить комплексный и дифференцированный характер и состоять в следующем:

1. Выявление значимых личностных и социальных деформаций, психического состояния, криминальной направленности, причин преступного поведения женщины.

2. Определение значимых социальных ценностей (ребенка, желания его иметь и самостоятельно воспитывать, семьи, карьеры).

3. Анализ социально-демографических, нравственных и психологических условий и обстоятельств ее воспитания, выявление причин (наследственных, семейных, социальных), вызвавших преступное поведение, психологическое и правовое отношение к наказанию и его исполнению, к последующему наказанию.

4. Составление психологической характеристики, справки-путевки, карты ресоциализации и социального паспорта осужденной.

5. Прогнозирование индивидуальных вариантов развития трудной жизненной ситуации в личности осужденной, комплексное планирование социального сопровождения, исправления и ресоциализации осужденной.

6. Применение с учетом комплекса характеристик осужденных женщин таких мер воздействия, которые направлены на нейтрализацию личностных деформаций и профилактику социальных проблем; развитие личности путем изменения ее социальной направленности, создания условий для реализации этой направленности, способности к самовоспитанию и участию в личностно развивающих видах деятельности. С этой целью необходимо изучить деформации, их глубину и степень, разработать индивидуальные программы психологического воздействия по нейтрализации данных деформаций.

7. Удовлетворение биосоциальной потребности в индивидуальном пространстве. Это могут быть специально выделенные пространства или специальные помещения, ограниченные стенами, ширмами или другими символами закрытого мира, которые необходимы женщине для «примерки» социальных ролей (мать, женщина). Необходимо создать учебно-производственные комбинаты, содержащие спальные комнаты, пеленальные столы, кухонное оборудование, где бы осужденные могли научиться выполнению привычных социальных обязанностей и автоматизировать навык их выполнения.

8. Предоставление права и возможности для совместного проживания положительно характеризующихся осужденных матерей с детьми до достижения ими трехлетнего возраста в отдельных благоустроенных комнатах в домах ребенка при исправительном учреждении.

9. Подготовка, воспитание, обучение, помощь в «Школе материнства».

10. Информационная поддержка в виде предоставления консультаций социалистов по правовым, психологическим, медицинским, педагогическим и социальным вопросам. Начальник отдела включает в план индивидуальной воспитательной работы приглашение медиков, психологов, педагогов, социальных работников, юристов (в рамках, например, юридической клиники).

Структура Программы воспитательной работы с осужденной женщиной (далее – Программа), на наш взгляд, выглядит следующим образом:

1. Общая характеристика воспитательной работы, которая включает в себя цель исправления (нейтрализация конкретных деформаций, формирование определенных социальных навыков), формы исправления, трудоемкость процесса исправления, планируемый результат исправления, требования к объектам исправления (возраст, социальный статус, срок по приговору и т. д.).

2. Мероприятия по реализации Программы: изучение личности осужденной, материально-бытовых условий ее проживания до совершения преступления, ее социально полезных связей, выявление личностных деформаций, которые привели к совершению преступления, их анализ, мероприятия по их нейтрализации.

3. Организационно-педагогические условия реализации Программы, которые включают в себя: кадровый потенциал, материально-технические условия, информационно-методическое обеспечение Программы.

4. Оценка (экспертиза) качества реализации данной Программы с выработкой критериев исправления осужденных женщин (может быть, необходимо ввести такое понятие, как готовность осужденной к процессу постпенитенциарной ресоциализации, самостоятельной организации жизни, способности к выполнению социальных ролей и т. д.).

Рассмотренная выше структура воспитательной работы с осужденными женщинами наглядно показывает, что исправление, ресоциализация и социальная реабилитация осужденных женщин находятся в диахронической взаимосвязи, требуют как больших материальных вложений, так и сопровождения данных процессов квалифицированными специалистами. Наличие положительной динамики в процессе исправления в исправительном учреждении во многом предопределяет благополучное течение постпенитенциарной ресоциализации женщин.

Все эти усилия должны воплотиться в действенных комплексных программах федерального и регионального уровней по многосторонней поддержке и охране социального и психического здоровья женщин.

Библиографический список

1. Население. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 17.05.2018).

2. Шиян В. И. Состояние и структура корыстной женской преступности // Российский следователь. 2007. № 19. С. 24–28.

3. Статистическая информация. Федеральная служба исполнения наказаний. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (дата обращения: 17.05.2018).

4. Мочалова А. В., Огнева И. В. Социальный портрет женской преступности в Российской Федерации // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XXXIII междунар. студ. науч. практ. конф. (г. Новосибирск, ноябрь 2017 г.). Новосибирск: АНС «СиБАК», 2017. № 22(33). [Электронный ресурс]. URL: <https://sibac.info/studconf/science/xxxiii/86061> (дата обращения: 17.05.2018).

5. Степанян Ш. У. Современная женская преступность в России и пути ее предупреждения // Российский следователь. 2011. № 8. С. 27–33.

6. Ковальчук М. А., Тарханова И. Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация: учебно-методическое пособие. М.: Гуманитар. Изд. Центр ВЛАДОС, 2014. 286 с.

7. Русина В. В. Женщины в пенитенциарной системе. Гендерный аспект проблемы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3. С. 4–6.

8. Ефименко А. А. Особенности организации досуга, рациональной занятости и свободного времени осужденных женщин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. межрег. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20–21 апреля 2017 г.) / под общ. ред. заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. В. А. Уткина. Томск: Офсет ЦЕНТР, 2017. Вып. 5. С. 164–167.

References

1. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki Oficial'nyj sajt. Naselenie [Federal state statistics service]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (Accessed: 17.05.2018) [in Russian].
2. Shijan V. I. Sostojanie i struktura korystnoj zhenskoj prestupnosti [Status and structure of 's crime]. *Rossijskij sledovatel'* [Russian investigator], 2007, no. 19, pp. 24–28 [in Russian].
3. Federal'naja sluzhba ispolnenija nakazanij. Oficial'nyj sajt. Statisticheskaja informacija [Federal service of execution of punishments]. URL: <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (Accessed: 17.05.2018) [in Russian].
4. Mochalova A. V., Ogneva I. V. Social'nyj portret zhenskoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Social portrait of women's crime in the Russian Federation]. *Nauchnoe soobshhestvo studentov. Mezhdisciplinarnye issledovanija: sb. st. po mat. XXXIII mezhdunar. stud. nauch. prakt. konf. (g. Novosibirsk, nojabr' 2017g.)* [Scientific community of students. Interdisciplinary research: St. on the Mat. XXXIII international. stud. scientific. prakt. Conf. (Novosibirsk, November 2017)]. URL: <https://sibac.info/studconf/science/xxxiii/86061> (Accessed: 17.05.2018) [in Russian].
5. Stepanjan Sh. U. Sovremennaja zhenskaja prestupnost' v Rossii i puti ee preduprezhdenija [Modern female crime in Russia and ways to prevent it]. *Rossijskij sledovatel'* [Russian investigator], 2011, no. 8, pp. 27–33 [in Russian].
6. Koval'chuk M. A., Tarhanova I. Yu. Deviantnoe povedenie: profilaktika, korrekciya, reabilitaciya [Deviant behavior: prevention, correction, rehabilitation]. Moscow: Gumanitar. Izd. Centr VLADOS, 2014, 286 p. [in Russian].
7. rusina V. V. Zhenshhiny v penitenciarnoj sisteme. Gendernyj aspekt problemy [Women in the penitentiary system. Gender dimension of the problem]. *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie* [Criminal-Executive system: law, Economics, management], 2012, no. 3, pp. 4–6 [in Russian].
8. Efimenko A. A. Osobennosti organizacii dosuga, racional'noj zanjatosti i svobodnogo vremeni osuzhdennyh zhenshhin [Features of the organization of leisure, rational employment and free time of women]. *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pedagogika, psihologija i pravo: mater. Mezhhreg. nauch.-prakt. konf. (g. Tomsk, 20–21 aprelja 2017g.). In Dr. Law, prof. V. A. Utkin (ed.)* [Criminal-Executive system: pedagogy, psychology and law: mater. mezhreg. scientific.-prakt. conf. (Tomsk, April 20–21, 2017)]. Tomsk: Ofset CENTR, 2017, pp. 164–167 [in Russian].

УДК 378

Ощепкова Ольга Владимировна

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры пенитенциарной
психологии и педагогики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: dikkechka@yandex.ru

Olga V. Oshchepkova

Doctor of Pedagogics, Professor,
Professor of the Department of penitentiary psychology
and pedagogy,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: dikkechka@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА ФСИН РОССИИ

Аннотация. В статье констатируется, что в современной жизни конфликт является социальной реальностью. Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы в силу своей специфики носит конфликтногенный характер. Нахождение в местах лишения свободы вызывает перестройку внутреннего мира осужденного и стресс, который проявляется в раздражительности, агрессивности, конфликтах. Поэтому проблема формирования конфликтологической компетентности курсантов вуза ФСИН России является крайне важной и актуальной. Конфликтологическая компетентность – это интегративное личностное образование, структуру которого составляют три компонента: когнитивный, деятельностный и личностный. Конфликтологическая компетентность курсантов юридического вуза при освоении психолого-педагогических дисциплин формируется посредством изучения различных тем, позволяющих освоить определенный объем знаний, приемы, способы и технологии управления своим психическим состоянием. Применяемые в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин активные и интерактивные формы и методы обучения направлены на личностное развитие обучаемых в рамках требований профессии и формирование способности управления конфликтами. Практические задачи представляют собой профессионально ориентированные ситуации, при решении которых курсант учится не только применять усвоенные знания, но и прогнозировать, разрешать и предупреждать пенитенциарные конфликты.

Ключевые слова: курсант, сотрудник уголовно-исполнительной системы, конфликт, конфликтологическая компетентность, структура и компоненты конфликтологической компетентности.

FORMATION OF KONFLIKTOLOGICAL COMPETENCE OF CADETS LAW INSTITUTES OF THE PENAL SYSTEM

Summary. The article states that in modern life, the conflict is a social reality. Professional activities of staff members of the penal system is by its very nature konfliktogenny nature, as the employee performs his duties towards prisoners in places of deprivation of liberty. Conditions of freedom and «other» life calls the restructuring of a condemned man's inner world and stress, which manifests itself in irritability, aggression, conflict. Therefore, the problem of formation of konfliktologicheskoy competence of the University cadets WHIZ is extremely important and relevant. Conflictological competence is an integrative personal education, whose structure consists of three components: the cognitive, activity and personality. Purposeful formation of konfliktologicheskoy competence of cadets of the University in legal psychological-pedagogical disciplines includes a variety of topics. The study of these topics allows you to give a certain amount of knowledge, learn the techniques, methods and technology of their mental state. Applied in the process of studying the psychological and pedagogical disciplines active and interactive forms and training methods allow you to tactfully send personal development of learners within the requirements of the profession and form management ability conflicts. Practical tasks represent a professionally oriented situations in which Cadet not only learns to apply the learned knowledge to predict, prevent and resolve conflicts, prison.

Keywords: cadet officer of the penal system, conflict, conflictological competence, structure and components of the konfliktologicheskoy competence.

Конфликт как социальная реальность сопровождал развитие человечества во все времена, и сегодня он присутствует и в жизни отдельного человека, и в любой организации (учреждения). Конфликт включает в себя, как и любое жизненное явление, положительную и отрицательную стороны. В позитивном смысле конфликт является двигателем прогресса, стимулом инноваций, креативности, активности. Положительная роль конфликта заключается в том, что он дает толчок

для роста личности, поскольку заставляет пересмотреть отношение к себе, к своему окружению, к реальным ситуациям, позволяя по-новому строить отношения с людьми. Однако обыденная реальность чаще всего демонстрирует образцы деструктивного конфликта и негативных его последствий, так как достаточно часто он приводит к стрессу, агрессии, болезненным психическим состояниям личности.

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) в данном случае не только не является исключением, но и в силу своей специфики носит конфликтно-тогенный характер, поскольку главная ее особенность – направленность на осужденных. Осужденные – это маргинальный слой нашего общества, соприкосновение с которым само по себе определенным образом воздействует на личность как сотрудника, так и осужденного. Межличностные конфликты в среде осужденных в местах лишения свободы – явление весьма распространенное, достаточно специфическое и многообразное, отличающееся агрессивностью, жесткостью и жестокостью. У осужденного к лишению свободы существенно изменяется привычная для него социальная среда, сфера общения, статус его личности, что вызывает определенную перестройку внутреннего мира осужденного и стресс, который проявляется в раздражительности, агрессивности и других отрицательных симптомах. Поэтому пенитенциарный межличностный конфликт – это сложное, комплексное явление, обусловленное средой исправительного учреждения, социальным окружением, объективными детерминантами и социально-психологическими факторами. Кроме того, опасность конфликтов в пенитенциарных учреждениях заключается в том, что они приводят не только к преступлениям против личности, но и к групповым нарушениям и массовым беспорядкам.

Говоря о пенитенциарных конфликтах, надо констатировать наличие объективных и субъективных факторов, которые априори порождают социальные и психологические условия для возникновения конфликтов. Как свидетельствует пенитенциарная конфликтология, к объективным факторам относятся: карательный потенциал лишения свободы; замкнутость среды и сферы общения осужденных (так называемая изоляция группы от привычного социального окружения); потеря социальных связей (исследования показали, что осужденные к длительным срокам теряют социальные связи в первые три года своего нахождения в местах лишения свободы); наличие асоциальной субкультуры.

Криминальная (тюремная) субкультура играет роль своеобразного «генератора» деструктивных процессов, протекающих в среде осужденных; она стимулирует и интенсифицирует противостояние осужденных и сотрудников ИУ в сфере соблюдения правового режима, распорядка дня в местах лишения свободы, поскольку опирается на систему неформальных норм (понятий), тюремных традиций. Существующая жесткая стратификация сообщества осужденных, то есть деление на слои (страты), закрепляет за осужденными разные права и обязанности в сфере неформального общения. В частности, в обязанности человека, занимающего высокое положение («вор в законе», «смотрящий», др.) входит и обязанность предупреждения и разрешения конфликтов. Тем самым тюремная субкультура, порождая конфликты, выступает одновременно и их регулятором.

В число субъективных факторов, влияющих на возникновение конфликтов в местах лишения свободы, входят: социально-правовая запущенность личности; трудности адаптации; характеристика личности (социально-демографическая (тип темперамента, национальность, пол, возраст, толерантность), криминологическая, уголовно-правовая (статья, срок уголовного наказания)).

Поэтому конфликты в местах лишения свободы могут проявляться как открыто, так и скрыто, неявно, то есть носить латентный характер. Латентные конфликты трудно диагностировать и спрогнозировать их развитие. Количество латентных конфликтов в исправительных учреждениях намного выше, чем в гражданском обществе, протекать они могут достаточно долго и внешне никак не проявляться, накапливая конфликтную энергетику. Но затем при малейшем инциденте они могут перейти в стадию открытого столкновения, что может с большой степенью вероятности закончиться насильственным преступлением.

В связи с вышесказанным проблема формирования конфликтологической компетентности курсантов вуза ФСИН России – будущих сотрудников пенитенциарных учреждений – является крайне важной и актуальной.

В современной педагогической науке понятия «компетенция» и «компетентность» вполне сформировались: компетенцию понимают как область, имеющую определенные границы и в которой надлежит разбираться и действовать, а компетентность – как уровень способности конкретного лица эффективно функционировать в рамках компетенции. В наиболее общем виде компетентность трактуется как интегративное личностное образование, состоящее из нескольких компетенций. Входящие в структуру компетентности личности отдельные компетенции имеют иерархическую структуру, соответствующие специфике и характеру выполняемой деятельности, и их уровень сформированности отражает степень профессиональной компетенции человека.

Конфликтологическая компетенция – это «категория системо-мыследеятельностной конфликтологии, идущая не от требований к способностям специалиста, а от функции в системе деятельности, в которую встроен специалист со своими способностями» [1]. Эта мысль подчеркивает основные приоритеты: на первое место выдвигается не конкретный индивид с его уникальностью и индивидуальностью, с его возможностями и способностями, уровень развития которых определяет успешность его деятельности, а требования деятельности.

Требования профессиональной деятельности сотрудников УИС достаточно хорошо исследованы и представлены следующими особенностями: правовой характер; субординационность отношений; экстремальность; властный характер; необходимость сохранения служебной тайны; напряженность и стрессогенность; большая физическая нагрузка [2].

Следовательно, конфликтологическая компетенция является важнейшей составной частью профессиональной компетентности сотрудника УИС и в свою очередь включена в состав социальной компетентности человека, поскольку востребует такие социальные свойства личности, как перцепция, коммуникативность, гибкость и диалектичность мышления, позволяющие прогнозировать и разрешать возникающие конфликты. Соответственно в структуре конфликтологической компетенции можно выделить два аспекта: во-первых, предусматривающий способность к распознаванию симптомов произошедшего конфликта, его осознание, выявление противоречия, лежащего в основе конфликта, прогнозирование его течения и результатов; во-вторых, предполагающий наличие умений владеть способами урегулирования конфликта, организации продуктивно ориентированного конфликтного поведения участников и сторон взаимодействия. Другими словами, просматривается наличие когнитивного (знаниевого), практического (деятельностного) и личностного компонентов (аспектов) в содержании конфликтологической компетенции.

Так, Н. В. Масюкевич акцентирует когнитивную (знаниевую) компоненту в конфликтологической компетентности: осведомленность индивида о спектре возможных стратегий поведения в конфликте, и способности грамотно употребить ту или иную стратегию в зависимости от ситуации [3]. В данном случае знания касаются именно стратегий поведения в конфликте.

Другой исследователь, З. З. Дринка, напротив, сосредоточивает внимание на деятельностной (практической) составляющей, определяя конфликтологическую компетенцию как готовность к решению профессиональных конфликтологических задач; как практическую готовность к разрешению конфликтов в процессе профессиональной деятельности [4].

Мы солидарны с мнением Е. В. Грищенко [5] о том, что структуру конфликтологической компетенции составляют три аспекта, содержательное наполнение которых определяется специфическими особенностями профессиональной деятельности сотрудника УИС:

1) конфликтологические знания, позволяющие осмыслить, проанализировать и прогнозировать течение конфликта;

2) владение технологиями профилактики, управления, минимизации деструктивных последствий конфликта, алгоритмами конструктивного разрешения конфликта;

3) сформированность личностных качеств человека, в числе которых:

а) жизненная позиция: положительное отношение к себе, к окружающим людям, в том числе к осужденным; понимание социальной значимости профессии сотрудника УИС; согласованность личных и общественных интересов; готовность подчинять личные интересы долгу, служению Родине;

б) нравственные качества: дисциплинированность; строгое соблюдение правовых и моральных норм; справедливость, честность; объективность; ответственность;

в) психологические свойства личности: стрессоустойчивость, оптимистичность, уравновешенность, доброжелательность [6].

Целенаправленное формирование конфликтологической компетенции курсантов юридического вуза возможно в процессе их профессиональной подготовки при освоении цикла психолого-педагогических дисциплин. В частности, учебный курс «Психология» включает такие темы, как «Общение и его виды», «Психологические особенности больших социальных групп и массовых явлений», анализирующие закономерности поведения человека при манипулятивном общении, при нахождении в толпе. Учебная дисциплина «Пенитенциарная психология и педагогика» позволяют освоить приемы, способы и технологии управления своим психическим состоянием (например, темы «Психология личности и коллектива сотрудников УИС», «Особенности воспитательно-го процесса в исправительных учреждениях»). Целям эффективного формирования конфликтологической компетенции курсантов юридического вуза – будущих сотрудников УИС – служит факультативный учебный курс «Пенитенциарная конфликтология», подробно исследующий вопросы специфики пенитенциарных конфликтов, механизмы, динамику их развития и стратегии разрешения; особенности межличностных конфликтных ситуаций, а также межгрупповых конфликтов и массовых беспорядков в местах лишения свободы; закономерности переговорного процесса при разрешении пенитенциарных конфликтов. Отдельными темами разбираются общие подходы к превенции конфликтов в местах лишения свободы, предупреждение и разрешение различных типов конфликтов в пенитенциарных учреждениях.

Применяемые в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин активные и интерактивные формы и методы обучения позволяют управлять процессом усвоения курсантами знаний, а также тактично направлять их личностное развитие в рамках требований профессии и формировать умения и навыки управления конфликтами.

Отдельно следует сказать о разработанных нами практических задачах, представляющих собой профессионально ориентированные ситуации, в которых ярко выражен какой-либо аспект пенитенциарного конфликта. При решении практических задач курсант учится не только применять усвоенные знания, но и прогнозировать, разрешать и предупреждать пенитенциарные конфликты. Это обеспечивает формирование всех структурных компонентов конфликтологической компетенции курсантов юридического вуза уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. Цой Л. Н. Современные образовательные технологии в обучении HR-менеджеров: путь к конфликтологической компетенции // *Кадровик*. 2012. № 3. С. 122–128.
2. Тарасова С. А. Пенитенциарная психология: учебное пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. 175 с.
3. Масюкевич Н. В. Конфликтная компетентность [Электронный ресурс] // Кабинет психолога Натальи Масюкевич. 2011. 23 января. URL: <http://psyjournals.ru/authors/a17361.shtml> (дата обращения: 15.01.2017).
4. Дринка З. З. Дидактические условия подготовки студентов к решению профессиональных конфликтологических задач: автореф. дис. канд. пед. наук. Калининград, 2000. 16 с.
5. Грищенко Е. В. Особенности формирования конфликтологической компетенции студентов-юристов // *Роль и значение науки в вузе и ее влияние на образовательный процесс*. Саранск, 2015. С. 24–27.
6. Александрова Л. М., Жданова Л. У. Содержание и организация работы преподавателя по формированию у студентов конфликтологических компетенций // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 5. С. 571.

References

1. Coj L. N. Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v obuchenii HR-menedzherov: put' k konfliktologicheskoy kompetencii [Modern educational technology in the teaching of HR managers: the path to the konfliktologicheskoy competence]. *Kadrovik [Trained worker]*, 2012, no. 3, pp. 122–128 [in Russian].

-
2. Tarasova S. A. Penitenciarnaya psihologiya: uchebnoe posobie [Prison Psychology]. Samara: Samarskij juridicheskij institut FSIN Rossii, 2016, 175 p. [in Russian].
 3. Masyukevich N. V. Konfliktnaya kompetentnost' [Conflict competence]. *Kabinet psihologa Natal'i Masyukevich* [Cabinet psychologist Natalia Masyukevich]. URL: <http://psyjournals.ru/authors/a17361.shtml> (Accessed: 15.01.2017) [in Russian]
 4. Drinka Z. Z. Didakticheskie usloviya podgotovki studentov k resheniyu professional'nyh konfliktologicheskikh zadach. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Teaching methods of training students to address professional challenges konfliktologicheskikh. Extended Abstract of candidate's of Pedagogy thesis]. Kaliningrad, 2000, 16 p. [in Russian].
 5. Grishchenko E. V. Osobennosti formirovaniya konfliktologicheskoy kompetencii studentov-yuristov [Peculiarities of formation of konfliktologicheskoy competence of students-lawyers]. *Rol' i nauki v vuze i eyo vliyanie na obrazovatel'nyj process* [The role and importance of science in the University and its influence on education]. Saransk, 2015, pp. 24–27 [in Russian].
 6. Aleksandrova L. M., Zhdanova L. U. Soderzhanie i organizaciya raboty prepodavatelya po formirovaniyu u studentov konfliktologicheskikh kompetencij [The content and organization of the work of the teacher in teaching students konfliktologicheskikh competences]. *Sovremennye problemy nauki i azovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 5, p. 571 [in Russian].

УДК 159.9

Ежова Олеся Николаевна

кандидат психологических наук, доцент,
профессор кафедры пенитенциарной психологии
и педагогики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в,
e-olesja2008@mail.ru

Olesya N. Ezhova

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Professor of the Department of penitentiary psychology
and pedagogics,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-olesja2008@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЛИЧНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ С РАЗЛИЧНЫМ РЕЖИМОМ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих в исправительных колониях строгого и особого режимов.

В статье анализируются отличия в требованиях, которые предъявляются к сотрудникам, осуществляющими непосредственное взаимодействие с осужденными, содержащимися в исправительных колониях строгого режима, и осужденными, которым судом назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы и содержащимися в исправительных колониях особого режима.

В контексте проведенного анализа автор рассматривает характер влияния служебной деятельности на личность сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих в этих учреждениях.

Особое внимание в статье уделяется проблеме возникновения у сотрудников исправительных колоний строгого и особого режимов синдрома эмоционального и профессионального выгорания.

Приводится сравнительный анализ результатов исследования степени сформированности синдрома эмоционального и профессионального выгорания у сотрудников, работающих в исправительной колонии строгого режима и в исправительной колонии особого режима.

Рекомендации, сформулированные в статье, могут быть использованы как психологами для ранней профилактики этого явления (на ранних этапах симптомы человеком не осознаются), для коррекционной работы, направленной на то, чтобы синдром у сотрудника не сформировался окончательно, так и руководителями, от которых во многом зависит социально-психологический климат в коллективе.

Ключевые слова: исправительная колония строгого режима, исправительная колония особого режима, профессиональная деформация, синдром эмоционального выгорания, синдром профессионального выгорания.

INFLUENCE OF OFFICIAL ACTIVITY ON STAFF PERSONALITY OF CORRECTIVE COLONIES WITH VARIOUS REGIME

Summary. The article is devoted to the examination of the peculiarities of official activity of the employees of the penitentiary system, working in correctional colonies of strict and special regimes.

The article analyzes the differences in the requirements that are imposed on employees who are directly interacting with convicts, contained correctional colonies of the strict regime, and convicts, who are sentenced by the court as life imprisonment and confinement in correctional colonies of special regime.

In the context of the analysis, the author considers the nature of the influence of official activity on the personality of the officers of the penitentiary system working in these institutions.

Particular attention is paid in the article to the problem of the emergence of corrective colon colony of strict and special regimes of the syndrome of emotional and professional burnout.

The comparative analysis of the results of the study of the degree of formation of the syndrome of emotional and professional burnout among employees working in the correctional colony of strict regime and in the correctional colony of special regime is given.

The recommendations formulated in the article can be used as psychologists for the early prevention of this phenomenon (in the early stages, the symptoms are not realized by the person), and also for corrective work aimed at ensuring that the syndrome of the employee is not completely formed, from which the socio-psychological climate in the team largely depends.

Keywords: *correctional colony of strict regime, special colony correctional colony, professional deformation, emotional burnout syndrome, professional burnout syndrome.*

Гуманизация уголовной политики нашего государства проявилась в увеличении доли альтернативных мер (наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы) за преступления небольшой и средней тяжести при более суровом наказании лиц, которые совершили тяжкие преступления.

В последние годы количество осужденных, которые по решению суда были осуждены к лишению свободы уже 3 и более раз, остается сравнительно стабильным (2012 г. – 198 453 человека, 2013 – 202 965, 2014 – 207 860, 2015 – 199 472, 2016 – 201 979, 2017 – 193 487 [1]), что свидетельствует о высоком уровне рецидивной преступности, при этом увеличивается доля осужденных, которые совершили особо тяжкие преступления или рецидив преступлений которых судом признан особо опасным. Данная категория осужденных признается судом опасными для общества, поэтому им назначается строгий, а в некоторых случаях особый режим содержания.

Уголовно-исполнительное законодательство определяет режим исправительного учреждения установленный законом и соответствующими закону нормативно-правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы (ст. 82 УИК РФ). В основе выбора режима лежат степень общественной опасности осужденных для общества и степень их криминальной зараженности, что в свою очередь определяет виды мер исправительного воздействия, которые необходимо применять к различным категориям осужденных.

В исправительных колониях (далее – ИК) строгого режима отбывают наказание осужденные (ранее уже имевшие наказание в виде лишения свободы) при рецидиве преступлений (опасном рецидиве), или лица, впервые совершившие особо тяжкое преступление (ч. 5 ст. 74 УИК РФ), а также 4 категории осужденных, которые переведены в исправительную колонию строгого режима из тюрьмы, исправительной колонии особого режима или колонии-поселения (замена неотбытой части наказания либо на более легкое, либо на более строгое) или злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания, которые переведены обратно из тюрьмы для отбывания оставшегося срока после отбывания (п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ).

В Российской Федерации на 1 января 2016 г. ИК строгого режима составляли 43 % (272 колонии) от общего числа исправительных колоний, в которых содержалось 284 977 осужденных [2, с. 16]. Типичная характеристика осужденных в ИК строгого режима: средний возраст – 35 лет (от 19 до 59), большинство из них разведены, в браке состоят примерно 21,1 % осужденных, 63,6 % осужденных характеризуются отрицательно, образование – среднее (62,9 %), неполное среднее – 18,1 %, среднее техническое – 18,8 %, трудоспособные (примерно 80 %), однако постоянная работа и стабильный заработок на свободе был только у 71,65 % осужденных. 59,34 % осужденных воспитывались в неполных семьях [3].

В ИК особого режима отбывают наказание мужчины, признанные особо опасными и осужденные к пожизненному лишению свободы. В прошлом к таким осужденным применялась смертная казнь. На сегодняшний день, в порядке помилования, смертная казнь заменена на пожизненное лишение свободы. Смертная казнь не назначалась женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим на момент вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста [4].

Кроме того, существует еще ряд ограничений применения этого вида наказания (смягчающие обстоятельства (ст. 61 «и», «к» УК РФ); ограничения (ст. ст. 62, 64, 65, 66 УК РФ); при рассмотрении дел в надзорном или кассационном порядке). Если первоначально пожизненное лишение свободы назначалось судом только за 5 видов преступлений, то в настоящее время уже 18 составов преступлений предусматривают эту возможность [5, 6]. Следует отметить, что длительность изоляции осужденного от общества не оказывает исправительного воздействия на осужденного, а суровость наказания не решает проблему преступности.

Замена смертной казни на пожизненное лишение свободы привела к тому, что количество осужденных, которым по приговору суда было назначен этот вид наказания, увеличилось, а их численность составила в 2005 г. – 1 577 человек, в 2006 – 1591, 2007 – 1628, в 2010 – 1733, в 2011 – 1783, в 2012 – 1799, в 2013 – 1840, в 2014 – 1892, 2015 – 1 931, по состоянию на 1 мая 2018 г. отбывает наказание 2037 человек [7].

В ИК строгого и особого режимов, так же как и во всех исправительных учреждениях, существуют три вида условий отбывания наказания (только в воспитательной колонии – 4):

обычные, строгие и облегченные. Отличие заключается в том, что осужденные, вновь поступившие в ИК строгого режима, попадают в обычные условия содержания, а осужденные, вновь поступившие в ИК особого режима, в течение первых 10 лет содержатся в строгих условиях. При этом в ИК особого режима улучшение условий содержания происходит поэтапно, а ухудшение условий содержания за злостные нарушения может происходить скачкообразно.

Сотрудники ИК строгого и особого режима должны обеспечивать порядок исполнения и отбывания наказаний в виде лишения свободы, но в ИК строгого режима осужденные содержатся в отрядах (за исключением строгих условий содержания), а в ИК особого режима – в камерах.

Существует определенный парадокс, заключающийся в том, что осужденные к пожизненному лишению свободы хотя и содержатся в исправительной колонии особого режима, но содержатся в камерах, поэтому Правила внутреннего распорядка, которые предназначены для колоний, не могут соблюдаться в полном объеме в этих учреждениях.

В качестве основной меры поощрения осужденных в период отбывания наказания за правопослушное поведение является условно-досрочное освобождение, которое достаточно часто применяется и в отношении осужденных, которые отбывают наказание в ИК строгого режима. В связи с ростом числа осужденных, которым судом назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, а следовательно, увеличением материальных затрат на их содержание, возникла и для них возможность получить условно-досрочное освобождение. Осужденный к пожизненному лишению свободы может его получить спустя двадцать пять лет лишения свободы в случае, если суд придет к выводу, что данный осужденный не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания в силу утраченной общественной опасности (ст. 176 УИК РФ).

Существенное отличие в деятельности этих учреждений заключается в том, что в ИК строгого режима одной из первостепенной задач, стоящих перед сотрудниками, является создание условий для исправления осужденных, а в ИК особого режима перед сотрудниками эта задача не стоит (социально-воспитательная работа с этой категорией осужденных непосредственно не связана с задачами ресоциализации, а направлена на решение возникающих у осужденных проблем социального характера).

Пожизненное лишение свободы осужденным назначается бессрочно, при этом УИК РФ не предусмотрена возможность организации обучения (общего и профессионального), при этом трудовая деятельность для этой категории осужденных может осуществляться в специальных помещениях камерного типа, где находится необходимое оборудование [8, с. 39].

Рассмотрев особенности служебной деятельности в колониях строгого и особого режима, обратимся к проблеме возникновения у сотрудников данных учреждений синдрома эмоционального и профессионального выгорания.

Профессиональная деформация сотрудников УИС в настоящее время является достаточно частым явлением, требующим к себе пристального внимания как по причине распространенности, так и по причине негативных последствий для личности и учреждений УИС в целом. Суть этого явления – негативное изменение качеств и личностных черт сотрудника, приводящее к искажению моральной и общественной направленности его профессиональных действий и других поведенческих актов. Одну из форм профессиональной деформации представляет собой эмоциональное выгорание, которое становится все большей социальной проблемой, являясь неотъемлемой частью представителей профессии типа «человек-человек», и особенно актуально для сотрудников УИС, осуществляющих по роду своей служебной деятельности непосредственное взаимодействие с осужденными. Согласно трактовке Всемирной организации здравоохранения «синдром выгорания» представляет собой проявления физического, эмоционального или мотивационного истощения, который характеризуется также ухудшением продуктивности в деятельности, усталостью, бессонницей и т. д. [9, с. 26].

Таким образом, эмоциональное выгорание формируется в процессе профессиональной деятельности и представляет собой одну из форм нарушений профессионального здоровья – стереотип поведения, в основе которого нарушения адаптационных возможностей организма человека, что в итоге приводит к разрушению самой личности [10].

Как отмечают Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова [11, с. 31], выгорание всегда развивается последовательно и выделяют 4 фазы его формирования: предупреждающая фаза (чувство утомления, бессонница, угроза несчастных случаев); фаза понижения уровня личностного участия (утрата позитивного восприятия окружающих людей, понижение интереса к коллегам, переход от помощи к контролированию, перекладывание ответственности за свои неудачи на других,

выраженность стереотипов в отношении окружающих, проявления негуманного подхода к другим, снижение уровня интереса в работе выражается в нежелании исполнять трудовые обязанности); фаза эмоциональных реакций (появляются признаки депрессии, выражающиеся в постоянном чувстве вины, снижении самооценки; безосновательных страхах, изменчивости настроения, апатии обвинении окружающих, игнорировании собственной роли в неудачах, снижении толерантности, отсутствии способностей в поиске компромисса, подозрительности, конфликтности Агрессия); фаза деструктивного поведения (снижение концентрации внимания, отсутствие способностей делать трудные задания, ригидность мышления, мотивационная сфера отличается резким снижением инициативы, низкими показателями эффективности деятельности, исполнением заданий в основном только согласно инструкции).

В. В. Бойко описывает такие основные симптомы эмоционального выгорания: эмоциональный дефицит; деперсонализация, или личностная отстраненность; психосоматические и психовегетативные нарушения [12, с. 34].

Мы проводили исследование эмоционального выгорания (методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко) на базе Объединения исправительных колоний Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю.

Относительно возраста и стажа работы выборка была неоднородной (мужчины, сотрудники отдела безопасности и отдела режима) в возрасте от 23 до 40 лет. Стаж работы от 3 до 17 лет (средний 9,5 лет). Сотрудникам этих служб приходится постоянно общаться с различными категориями людей (как с коллегами, так и с осужденными).

В исследовании приняли участие 15 сотрудников Исправительной колонии № 2 (особый режим, далее – ИК-2) и 15 сотрудников Исправительной колонии № 1 (строгий режим, далее – ИК-1) Федерального казенного учреждения «Объединение исправительных колоний № 2 с особыми условиями хозяйственной деятельности Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому Краю». Обе колонии расположены в городе Соликамске.

ИК-2 носит название «Белый лебедь» (образована в 1938 г.). Первоначально она предназначалась для изоляции политических заключенных, а с 1999 г. – для осужденных, которые судом приговорены к пожизненному заключению (территориально она находится внутри ИК-1).

Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко позволяет выявить степень сформированности синдрома эмоционального выгорания, которая определяется по степени сформированности трех фаз: фаза напряжения, фаза резистенции и фаза истощения, которые отражают три фазы переработки стресса (общий адаптационный синдром). Каждая фаза имеет 4 стадии, которые позволяют проследить подробную картину синдрома «эмоционального выгорания».

Количественные результаты, полученные по каждой фазе, представлены на рис. 1.

Подробная картина синдрома «эмоционального выгорания» выглядит следующим образом:

1. Фаза напряжения находится в стадии формирования у 33 % сотрудников, работающих в ИК-1, и у 7 % сотрудников ИК-2. Формирование этой фазы связано со стрессогенным характером служебной деятельности, дестабилизирующей обстановкой, повышенной ответственностью, криминальной зараженностью осужденных, необходимостью постоянно разрешать конфликты не только в среде осужденных, но и в коллективе сотрудников.

Данную фазу отражают следующие стадии: переживание психотравмирующих обстоятельств; чувство «загнанности в клетку»; неудовлетворенность собой; тревога и депрессия.

2. Фаза резистенции сформировалась у 47 % сотрудников, работающих в ИК-1, и у 13 % сотрудников, работающих в ИК-2, у 40 % и 13 % соответственно находится в стадии формирования. Эта фаза свидетельствует о стремлении сотрудников оградить (защитить) себя от неприятных переживаний и впечатлений.

Фазу резистенции образуют такие симптомы, как неадекватное избирательное эмоциональное реагирование; расширение сферы «экономии эмоций»; эмоционально-нравственная дезориентация; редукция профессиональных обязанностей.

3. Фаза истощения сформировалась у 27 % сотрудников, работающих в ИК-1 строгого режима (еще у 20 % находится в стадии формирования), и у 13 % сотрудников, работающих в ИК-2 особого режима. Сформированность этой фазы свидетельствует о том, что у сотрудников уже произошло изменение в эмоциональной сфере, а также истощение психических ресурсов.

Фазу истощения образуют следующие симптомы: эмоциональный дефицит; личностная отстраненность (деперсонализация); эмоциональная отстраненность; психосоматические и психовегетативные нарушения.

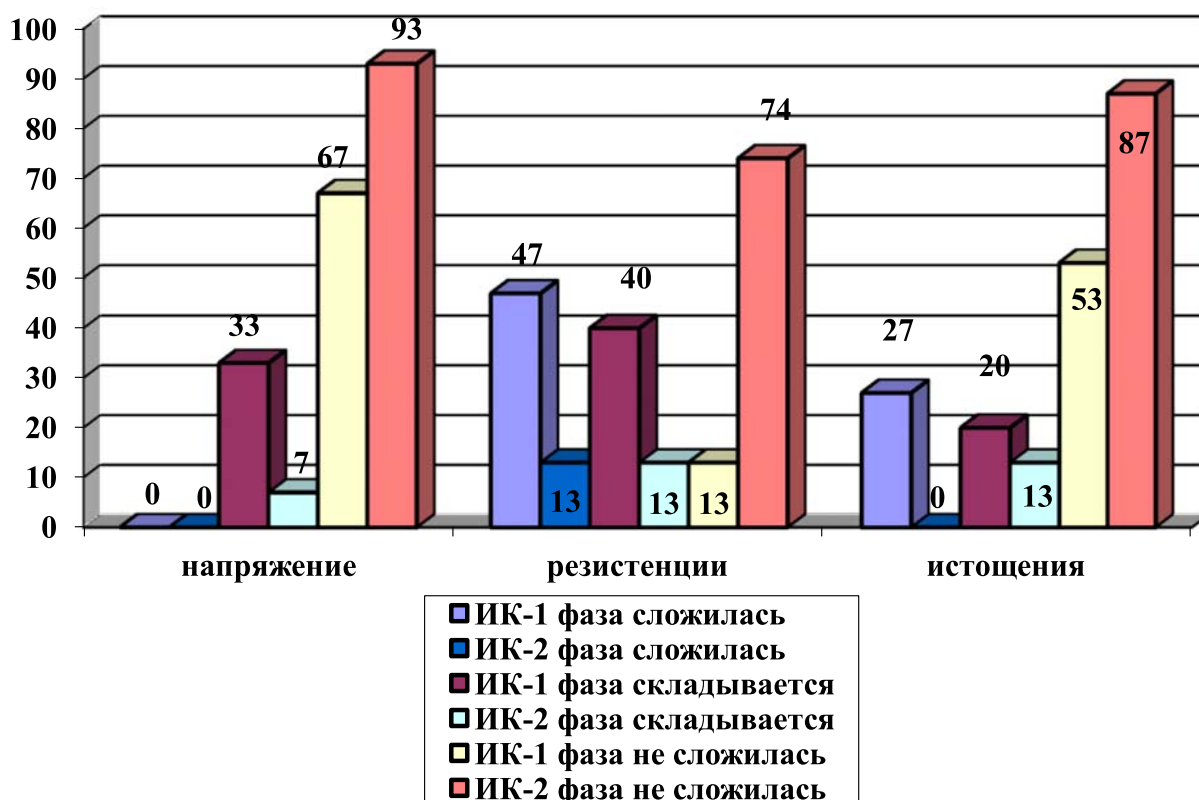

Рис. 1. Сформированность синдрома эмоционального выгорания у сотрудников ИК-1 строгого режима и ИК-2 особого режима (в процентах)

Особую тревогу вызывают следующие результаты.

Симптом «переживание психотравмирующих обстоятельств» сложился у 20 % сотрудников ИК-1 и у 7 % сотрудников ИК-2 (еще у 20 % сотрудников в каждой колонии этот симптом складывается). Данный симптом проявляется в усиливающемся осознании психотравмирующих факторов профессиональной деятельности, которые трудно или невозможно устранить. Раздражение ими постепенно растет, накапливается отчаяние и негодование.

У 60 % опрошенных сотрудников ИК-1 и у 53 % сотрудников ИК-2 выявлено наличие симптома «неадекватного избирательного эмоционального реагирования» (а еще у 13 % сотрудников каждой колонии он складывается). Данный симптом свидетельствует о том, что сотрудник избирательно относится к коллегам и осужденным, проявляя равнодушие и эмоциональную черствость в случаях, когда не хочет общаться.

У 47 % сотрудников ИК-1 проявляется симптом «эмоционально-нравственной дезориентации» (еще у 33 % сотрудников ИК-1 и 27 % сотрудников ИК-2 он складывается). Такие люди оправдывают свое поведение тем, что кто-то заслуживает их хорошего отношения, а кто-то не заслуживает, что с учетом специфики круга служебного общения сотрудников УИС представляет собой особый риск.

40 % сотрудников ИК-1 и 7 % сотрудников ИК-2 напряжение, возникающее на работе, перерабатывают за счет сокращения эмоциональных контактов с близкими, таким образом страдает семья – симптом «расширение сферы экономии эмоций» (еще у 33 % сотрудников ИК-1 и 7 % сотрудников ИК-2 он складывается).

27 % сотрудников ИК-1 и 13 % сотрудников ИК-2 стараются избегать служебных обязанностей, требующих больших эмоциональных затрат – симптом «редукции (упрощения) профессиональных обязанностей» (еще у 33 % сотрудников ИК-1 и 20 % сотрудников ИК-2 он складывается).

У 33 % сотрудников ИК-1 проявляется симптом «эмоционального дефицита», выражающийся в утрате способности к сочувствию и сопереживанию, дефицит которой восполняется негативными эмоциями (раздражительность, агрессивность) и проявляется в категоричном, грубом

и неуважительном общении с окружающими. При этом у 40 % сотрудников ИК-1 и 20 % сотрудников ИК-2 он складывается.

У 27 % сотрудников ИК-1 проявляются симптомы эмоциональной и личностной отстраненности, еще у 27 % он складывается. Такие сотрудники почти полностью исключают эмоции при осуществлении служебной деятельности (работают как автомат). Этот симптом уже свидетельствует о профессиональной деформации личности сотрудника, так как такой сотрудник начинает относиться к другим людям только как к неодушевленному объекту, стараясь только использовать другого человека для своих нужд (объект манипуляции).

У 20 % сотрудников ИК-1 сложился симптом «психосоматических и психовегетативных нарушений» (еще у 13 % сотрудников ИК-1 и 7 % сотрудников ИК-2 он складывается), который проявляется в обострении хронических заболеваний и сосудистых реакций (ухудшение физического и психического состояния).

У 33 % сотрудников ИК-1 и у 7 % сотрудников ИК-2 складывается симптом «неудовлетворенность собой», который говорит о том, что сотрудник испытывает не только недовольство собой, но и избранной профессией, служебными обязанностями и занимаемой должностью. Причина возникновения – неспособность повлиять на психотравмирующие обстоятельства.

Симптом «тревоги и депрессии» уже сложился у 7 % сотрудников ИК-1 (у 27 % – складывается) и складывается у 13 % сотрудников ИК-2. Этот симптом проявляется в возникновении у сотрудника чувства разочарования в себе или избранной профессии (возможно, в месте службы или в должности) и в формировании у них чувства ситуативной или личностной тревоги.

Для того чтобы проверить значимость различий в полученных результатах в двух группах, мы использовали стандартные методы математической статистики. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью пакета статистических программ SPSS-Statistics v.17.0. Данные расчета критерия Манна-Уитни показали, что по всем трем фазам существуют статистически значимые отличия между сотрудниками ИК-1 строгого режима и ИК-2 особого режима, при этом в ИК строгого режима у сотрудников увеличивается риск возникновения эмоционального выгорания.

Следует отметить, что одним из первых и наиболее сильных симптомов является неадекватное избирательное реагирование, позднее развиваются такие симптомы, как эмоционально-нравственная дезориентация; редукция профессиональных обязанностей; эмоциональный дефицит и эмоциональная отстраненность.

Сотрудники ИК-1 строгого режима в большей степени общаются с осужденными, чем сотрудники ИК-2 особого режима, так как осужденные содержатся в отрядах, а это вызывает большее количество проблем и усилий по их устранению. Кроме того, в ИК строгого режима основная цель деятельности сотрудников – исправление осужденных и подготовка их к освобождению, что требует больших эмоциональных затрат с учетом высокой степени криминальной зараженности осужденных (перед сотрудниками ИК особого режима такая цель не стоит).

Подчеркнем, что эмоциональное выгорание, являясь формой профессиональной деформации личности, оказывает сильное влияние на сотрудника, подрывая его здоровье и желание работать, и проявляется в снижении эмоциональной отдачи, в стремлении сократить профессиональные обязанности, требующие эмоциональных затрат, а также в стремлении оправдать это путем обесценивания служебной деятельности.

Представленные результаты эмпирического исследования проблемы эмоционального выгорания указывают на высокую степень вероятности развития профессиональной деформации у сотрудников, которые не просто много общаются с осужденными, но и заинтересованы в результатах своего труда (видят в осужденном человека, которого нужно не просто наказать, но и помочь ему стать законопослушным гражданином нашей страны).

Признаки профессиональной деформации указывают на необходимость принятия мер по ранней профилактике этого явления, так как на ранних этапах симптомы человеком не осознаются.

Профилактика синдрома эмоционального и профессионального выгорания у сотрудников ИК строгого режима должна быть направлена на достижение двух целей: предупреждение появления синдрома эмоционального и профессионального выгорания и недопущение того, чтобы синдром сложился окончательно. Для профилактики этого явления необходимо помимо ежегодной диагностики проводить целый комплекс мероприятий:

1. Отслеживать изменения в поведении сотрудников и особенности их реагирования на психотравмирующие события (развитию эмоционального истощения сотрудников способствует: заниженная самооценка; эмоциональная неустойчивость; использование стратегии избегания

в конфликтах; неадекватность самооценки; консерватизм; отсутствие целей и духовно-нравственных ценностей; низкая мотивация саморазвития; низкий уровень коммуникативных умений; отсутствие креативного подхода; ориентация на деструктивные стратегии поведения).

2. Назначать сотрудников на должность, требования которой соответствуют возможностям сотрудника.

3. Использовать не только систему наказания, но и систему поощрений, так как отсутствие вознаграждения часто ощущается сотрудником как непризнание его труда.

4. Осуществлять работу по повышению социального статуса службы в УИС.

5. Обеспечить возможность профессионального и личностного роста.

6. Проводить мероприятия по сплочению трудового коллектива и улучшению социально-психологического климата в коллективе.

7. Проводить занятия с сотрудниками, направленные на повышение их стрессоустойчивости (за счет обучения методам саморегуляции) и развитие у них коммуникативной компетентности и интереса к работе.

8. Оказывать сотрудникам социальную и профессиональную поддержку.

Данные меры позволят снизить риск возникновения у сотрудников профессиональной деформации, которая негативным образом сказывается на эффективности их служебной деятельности.

Библиографический список

1. Статистические данные [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний [Официальный сайт]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 16.04.2018).

2. Епифанов О. С. Исполнение наказания в исправительных колониях общего и строгого режимов: нормативное регулирование, практика, вопросы совершенствования. Рязань, 2016. 25 с.

3. Колесникова Н. Е. Личностные особенности осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1. С. 40–44.

4. Климова В. А. Условия отбывания наказания осужденных к лишению свободы в исправительных колониях строгого режима [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scienceforum.ru/2016/pdf/18725.pdf> (дата обращения: 24.05.2018).

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.01.2018).

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.01.2018).

7. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний [Официальный сайт]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 16.04.2018).

8. Усеев Р. З., Дергачев А. В., Ельчанинов А. П. Исполнение наказания в исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. 97 с.

9. Лексиконы психиатрии Всемирной Организации Здравоохранения. М., 2001. 500 с.

10. Ежова О. Н. Профилактика эмоционального выгорания сотрудников УИС как условие эффективности их профессиональной деятельности // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 2(24)/2017. С. 113–119.

11. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2007. 180 с.

12. Бойко В. В. Синдром «профессионального выгорания» в профессиональном общении. М.: Феникс, 2012. 105 с.

References

1. Statisticheskie dannye [Statistical data]. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazaniy. Ofitsial'nyy sayt* [Federal Penitentiary Service of Russia. Official website]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (Accessed: 16.04.2018) [in Russian].

2. Epifanov O. S. Ispolnenie nakazaniya v ispravitel'nykh koloniyakh obshchego i strogogo rezhimov: normativnoe regulirovanie, praktika, voprosy sovershenstvovaniya [Execution of punishment in correctional colonies of general and strict regimes: regulatory regulation, practice, improvement issues]. Ryazan', 2016, 25 p. [in Russian].

3. Kolesnikova N. E. Lichnostnye osobennosti osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v kolonii strogogo rezhima [Personal traits of convicts serving sentences in a strict regime colony]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of Vladimir Law institute], 2008, no. 1, pp. 40–44 [in Russian].

4. Klimova V. A. Usloviya otbyvaniya nakazaniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody v ispravitel'nykh koloniyakh strogo rezhima [Conditions for serving sentences of prisoners sentenced to deprivation of in correctional colonies of strict regime]. URL: <https://www.scienceforum.ru/2016/pdf/18725.pdf> (Accessed: 24.05.2018) [in Russian].

5. O vnesenii izmeneniy v Uголовный кодекс Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh usileniya otvetstvennosti za prestupleniya seksual'nogo kharaktera, sovershennyye v otnoshenii nesovershennoletnikh: federal'nyy zakon ot 29.02.2012 № 14-FZ [On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation with a to strengthening liability for crimes of a sexual nature committed against minors: Federal Law No. 14-FZ of February 29, 2012]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 16.01.2018) [in Russian].

6. O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 01.03.2012 № 18-FZ (red. ot 03.07.2016) [On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation, of the Russian Federation: Federal Law No. 18-FZ of 01.03.2012 (as amended on 03.07.2016)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 16.01.2018) [in Russian].

7. Kratkaya kharakteristika ugovolno-ispolnitel'noy sistemy [Brief description of the penitentiary system]. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazaniy. Ofitsial'nyy sayt* [Federal Penitentiary Service of Russia. Official website]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS//> (Accessed: 16.04.2018) [in Russian].

8. Useev R. Z., Dergachev A. V., El'chaninov A. P. Ispolnenie nakazaniya v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima dlya osuzhdennykh, otbyvayushchikh pozhiznennoe lishenie svobody [Execution of punishment in correctional colonies of special regime for convicts serving a life imprisonment]. Samara: Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii, 2016, 97 p. [in Russian].

9. Leksikony psikhii Vsemirnoy Organizatsii Zdravookhraneniya [Lexics of psychiatry of the World Health Organization]. Moscow, 2001, 500 p. [in Russian].

10. Ezhova O. N. Profilaktika emotsional'nogo vygoraniya sotrudnikov UIS kak uslovie effektivnosti ikh professional'noy deyatel'nosti [Prevention of emotional burnout of MIS staff as a condition for the effectiveness of their professional activities]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Bulletin of the Samara legal institute: scientific and practical journal], 2017, no. 2 (24), pp. 113–119 [in Russian].

11. Vodop'yanova N. E., Starchenkova E. S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika [Burn-out Syndrome: Diagnosis and Prevention]. Saint-Petersburg, 2007, 180 p. [in Russian].

12. Boyko V. V. Sindrom «professional'nogo vygoraniya» v professional'nom obshchenii [Syndrome of «professional burnout» in professional communication]. Moscow: Feniks, 2012, 105 p. [in Russian].

УДК 159.9

Тарасова Светлана Александровна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры пенитенциарной психологии
и педагогики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: svetliks68@mail.ru

Svetlana A. Tarasova

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of penitentiary psychology
and pedagogics,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: svetliks68@mail.ru

ГОТОВНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ОКАЗАНИЮ ЭКСТРЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННОМУ ПРИ УГРОЗЕ СУИЦИДА

Аннотация. В статье рассматривается проблема оказания экстренной психологической помощи осужденному при угрозе суицида. Обсуждается вопрос оказания данного вида помощи в отсутствие специалиста-психолога другими сотрудниками пенитенциарных учреждений. Целью статьи является анализ результатов опроса сотрудников пенитенциарных учреждений по поводу их готовности к оказанию экстренной психологической помощи осужденному при попытке суицида. Установлено, что 80 % сотрудников отделов охраны, безопасности, воспитательных отделов и групп социальной защиты не готовы к оказанию первой психологической помощи осужденному-суициденту. Анализируется причина неготовности к данным действиям: отсутствие гуманной установки по отношению к осужденному. Данная установка объясняется профессиональной ролью сотрудника. В статье дается краткая характеристика экстренной психологической помощи при попытке суицида. Называются некоторые приемы воздействия на осужденного в критической ситуации, которые может применить сотрудник пенитенциарного учреждения. Рассматривается оперативная информация о наличии конфликтной ситуации как важный показатель возможной суицидальной активности осужденного. Статья представляет интерес для специалистов, занимающихся психологическими аспектами профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, осужденные, экстренная психологическая помощь, суицид, готовность к оказанию помощи, установка, прогнозирование.

THE WILLINGNESS OF THE PENAL STAFF TO PROVIDE EMERGENCY PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO CONVICTED WHEN THE THREAT OF SUICIDE

Summary. The article deals with the problem of providing emergency psychological assistance to the convict at the threat of suicide. The issue of providing this type of assistance in the absence of a specialist psychologist by other prison officials is discussed. The purpose of the article is to analyze the results of a survey of prison staff about their readiness to provide emergency psychological assistance to the convict in an attempt at suicide. It is established that 80 % of employees of departments of protection and regime, as well as 50 % of employees of educational departments and groups of social protection are not ready to provide first psychological assistance to the suicidal. Analyzes the reason for the unwillingness to the action: the lack of humane attitudes towards the convict. Installation is determined by the professional role and meaning of the profession, which deals with the employee of the penitentiary institution. The article gives a brief description of the emergency psychological help in an attempt of suicide. Some methods of influence on the condemned in a critical situation which can be applied by the employee of penitentiary institution are called. Operational information on the existence of a conflict situation as an important indicator of possible suicidal activity of the convict is considered. The article is of interest to specialists dealing with psychological aspects of professional training of prison staff.

Keywords: employees of the penal correction system, convicts, emergency psychological assistance, suicide, suicide attempt, readiness to provide assistance, humane attitude, prediction of suicide activity, conflict situation.

Самоубийства осужденных – явление далеко не редкое в местах лишения свободы. Статистические данные свидетельствуют, что смертность от самоубийств среди этого контингента в России превышает средние популяционные показатели в 2–3 раза [1]. Право на жизнь является основным и неотъемлемым правом осужденных, поэтому персонал УИС несет ответственность за сохранение их жизни и здоровья, обеспечение безопасности личности.

При покушении на самоубийство человек нуждается не только в медицинской, но и в экстренной психологической помощи, которую, как известно, должны оказывать специалисты-психологи. Однако в пенитенциарной практике случаются критические ситуации, когда осужденному-суициденту немедленно требуется психологическая помощь, а психолог отсутствует. И тогда эти функции «ложатся на плечи» сотрудников, по роду своей деятельности находящихся рядом. В связи с этим возникает проблема готовности сотрудников пенитенциарных учреждений к профессиональным действиям в ситуации угрозы суицида осужденного.

Проблема суицидального поведения сложная и неоднозначная, имеющая юридические, морально-нравственные, медицинские, социальные и психологические аспекты, соответственно в науке она рассматривается с различных точек зрения. Например, правовые и криминологические аспекты представлены в работах Р. А. Шахманова (2001), О. Р. Цой (2006), Е. В. Губенковой (2011). Медицинские вопросы суицидального поведения осужденных обсуждаются в работах П. Б. Зотова (2017), П. В. Кузнецова (2012), А. С. Бецкова (2013). Психологические проблемы стали предметом анализа в работах А. М. Сысоева (2002), В. А. Комлева (2010), О. Г. Ковалева, и Н. П. Тимонина (2002), М. Г. Дебольского и И. А. Матвеевой (2013), А. Н. Ломакиной и А. А. Шапоренко (2015), В. М. Заломовой (2001), Л. Л. Зеленской (1999), Е. В. Мариной (2006) и др.

Учеными-пенитенциаристами рассматриваются факторы, способствующие суицидальному поведению осужденных, вопросы прогнозирования и профилактики данного явления, психологического сопровождения лиц, состоящих на профилактическом учете. Однако проблема готовности сотрудников УИС к действиям по оказанию первой психологической помощи осужденному при попытке суицида остается за рамками научного интереса. В то же время существующая потребность в сотрудниках, компетентно действующих в острой ситуации суицидального риска осужденного, диктует необходимость научного подхода в ее изучении. Целью данной статьи является представление результатов анализа данных опроса сотрудников УИС по поводу их готовности к оказанию неотложной психологической помощи осужденному.

Согласно представлениям А. Г. Амбрумовой, суицид является следствием социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта [2]. Суицид представляет собой один из крайних вариантов поведения человека в критической ситуации. Статистика показывает [3, 4], что критические ситуации, вызвавшие самоубийство осужденного, чаще всего связаны со следующими обстоятельствами: чувство вины за совершенное преступление (например, убийство собственного новорожденного ребенка матерью); боязнь расправы со стороны других осужденных за совершение преступлений, вызывающих особый общественный гнев и возмущение (например, развратные действия в отношении детей, изнасилование несовершеннолетних); принуждение к гомосексуальным связям; издевательства со стороны других осужденных; лично-семейные конфликты (уход жены, измена); грозящая инвалидность. Критическая ситуация приобретает характер суицидоопасной, когда осужденный осознает ее как предельно сложную, а свои возможности оценивает, как недостаточные для ее разрешения. Важными просуицидальными факторами являются алкоголь и зависимость от психоактивных веществ, психические нарушения и личностные расстройства, ВИЧ-инфекция, туберкулез и др. [1].

Психологическую помощь человеку при попытке суицида принято называть кризисной интервенцией. Ведущим методом в этом случае выступает кризисное консультирование, целью которого является удержание человека в живых [5]. Когда речь идет о спасении жизни человека, в отсутствие квалифицированного психолога и до его прихода неотложную помощь должен оказать любой человек, находящийся рядом. Готовность к данным действиям определяется ценностными ориентациями и установками этого человека по отношению к самоубийце, личностной и эмоциональной включенностью в проблему, а также элементарными умениями и навыками психологической работы.

С целью изучения представлений сотрудников УИС о своей готовности к оказанию первой неотложной психологической помощи осужденным при попытке суицида нами был проведен опрос сотрудников пенитенциарных учреждений. Выборка состояла из младших инспекторов отдела охраны и отдела безопасности (режима), начальников отрядов ИУ, а также сотрудников отделов социальной защиты осужденных. Все респонденты являлись слушателями юридического факультета заочной формы обучения или факультета повышения квалификации Самарского юридического института ФСИН России. Опрос проводился в течение 2012–2017 гг. в форме групповой и индивидуальной беседы. В опросе участвовало более 200 человек.

Сотрудникам были заданы следующие вопросы:

1. Что Вас большего всего беспокоит в ситуации попытки самоубийства осужденного?
2. Каковы Ваши действия в ситуации угрозы суицида осужденного?
3. Знаете ли Вы, что такое экстренная психологическая помощь и в чем она заключается?
4. Готовы ли Вы оказать экстренную психологическую помощь осужденному-суициденту?
5. Как распознать потенциального самоубийцу и каковы признаки приближающегося суицида осужденного?

Проведенный опрос показал, что более 80 % респондентов в ситуации суицидальной попытки осужденного переживают страх допустить ошибки в собственных действиях, то есть нарушить нормативно-правовые предписания. По мнению большинства сотрудников, наказание в отношении тех сотрудников, которые не смогли предотвратить самоубийство осужденного, является несправедливым.

Далее все опрошенные нами сотрудники ответили, что в случае обнаружения приготовления осужденного к суициду будут действовать по инструкции. Отметим, что нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность сотрудников отдела безопасности (режима) при осуществлении надзора за осужденными, обязывают в случае попытки самоубийства осужденного оказать ему необходимую помощь (см. Инструкцию о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях: утв. приказом Минюста России от 13 июля 2006 г. № 252-дсп). При этом не разъясняется, какие конкретно действия должен осуществить сотрудник. Сотрудники понимают свои обязанности как оказание медицинской помощи, изъятие предметов, способствующих совершению суицида, помещение осужденного в безопасное место. Если событие происходит днем, то к суициденту вызывают психолога. Ночью же часто квалифицированную психологическую помощь осужденному приходится ждать до утра. Все дело в том, что принятых мер по обеспечению безопасности осужденного бывает недостаточно. Известны случаи, когда осужденный, лишившись подручных материалов, перегрызал себе вены зубами, раздирал ногтями грудь, буквально рвал себе тело. Эти факты говорят о том, что сотруднику отдела безопасности кроме навыков осуществления действий по исключению возможности осужденного нанести себе физический вред необходимы навыки по оказанию экстренной психологической помощи осужденному.

Данные опроса свидетельствуют о том, что 90 % респондентов в общих чертах понимают, что такое первая экстренная психологическая помощь, однако их представления о содержании этой помощи носят весьма поверхностный и нечеткий характер. Кроме этого сотрудники убеждены, что ее должен оказывать только специалист-психолог.

Вопрос «Готовы ли Вы оказать первую неотложную психологическую помощь осужденному-суициденту?» вызвал эмоциональную реакцию и стал дискуссионным. Ответы испытуемых разделились на две группы. Первую группу составили сотрудники, выразившие неготовность к данным действиям (70 % респондентов). Среди них встречались радикальные взгляды (20 % опрошенных). «Как можно оказывать помощь матери, убившей своего новорожденного ребенка? Пусть вешается! Ей незачем жить! Ни за что не буду ей помогать!» – такое мнение было услышано от сотрудницы, выполняющей функции оператора поста видеонаблюдения. В данном случае сотрудник считает, что суицидальный фактор оправдывает совершение самоубийства. Причиной неготовности оказывать экстренную психологическую помощь является неприятие осужденного как человека, достойного или нуждающегося в спасении. Были высказывания такого рода: «Если человек решил уйти из жизни – это его право. Зачем мешать ему в этом?». Эта принципиальная позиция подразумевает, что с самоубийцей вообще не нужно работать.

Другая часть сотрудников (примерно 30 % респондентов) считает, что поговорить и успокоить осужденного необходимо независимо от причин, побудивших его к экстремальным действиям, а также личностных качеств осужденного. Эта позиция находит свое выражение в словах одной сотрудницы: «С гуманной точки зрения помощь нужно оказывать любому человеку, который в ней нуждается, даже если он отъявленный негодяй, и это человеческий поступок».

Анализ ответов показал, какое значение в действиях сотрудников имеет установка по отношению к осужденным. Сотрудники с гуманной установкой видят в осужденном человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию, и готовы ему по-человечески помочь. Сотрудники с негуманной установкой рассматривают осужденного как преступника, врага и соответственно отказывают в поддержке. По данным опроса, негуманную установку по отношению к осужденным демонстрировали в основном сотрудники отделов охраны и безопасности (80 % от количества в общей выборке). Это объясняется их профессиональной ролью, смыслом профессии. По сути,

сотрудник отдела охраны или отдела безопасности (режима) – воин-защитник [6]. Как воин-защитник, он должен видеть в каждом осужденном потенциально опасного преступника, чьи действия могут привести к непредсказуемым последствиям (нападения, побег и т. д.). Воин-защитник должен хорошо себе представлять, что ему противостоит умный, коварный, жестокий, бескомпромиссный враг. Подобная негуманная установка в отношении осужденных исключает не только возможность оказания неотложной психологической помощи осужденному, но и само по себе человеческое отношение к осужденному в целом.

Другое дело сотрудники воспитательного отдела или группы социальной защиты осужденных. Их профессиональная роль – воспитатель, педагог, защитник интересов. Просоциальные мотивы должны занимать одно из главных мест в структуре профессиональной мотивации этой категории сотрудников ИУ, так как без гуманной основы их профессиональные действия лишены всякого смысла. Именно эти сотрудники, в первую очередь, при необходимости должны выступать в роли спасателя и оказывать экстренную психологическую помощь осужденному. По данным исследования, 50 % опрошенных сотрудников воспитательных отделов и групп социальной защиты ответили, что в суицидоопасной ситуации готовы помочь осужденному. В то же время около 90 % этой категории персонала пенитенциарных учреждений отметили, что не имеют для этого достаточно знаний и умений.

Первая неотложная психологическая помощь осужденному при попытке суицида может быть оказана любым сотрудником, оказавшимся рядом, и для этого необязательно иметь специальное психологическое образование. В критической ситуации сотрудник принимает на себя роль спасателя, главная задача которого – сохранение жизни человека. Цель неотложной помощи – предотвратить дальнейшее развитие острой реакции и покушение на самоубийство, сделать так, чтобы осужденный смог прожить без аутоагрессивных попыток до прихода специалиста-психолога и получения квалифицированной помощи. Образно говоря, «отвести человека от края». От сотрудника требуется проявить простое человеческое тепло, поддержку и сочувствие. В этих действиях осуществляется принцип гуманности, в котором выражается милосердие и сострадание к людям, преступившим закон.

Опрошенные нами сотрудники определили первую психологическую помощь бытовым языком как «душевный разговор». Действительно, в процессе ее оказания необходимо выслушать осужденного, а затем привести такие аргументы, которые остановят человека. Наиболее действенны в данной ситуации следующие доводы:

1. Обращение к чувству долга и ответственности перед близкими и родными (А Вы подумали, что будет с Вашей матерью? Как она переживет Ваш уход? Кто о ней позаботится в старости, если Вы уйдете из жизни?).
2. Развенчание исключительности ситуации (Ваше тяжелое эмоциональное состояние, переживаемое в настоящий момент, является временным, другие люди в аналогичных ситуациях чувствовали себя также тяжело, но со временем все нормализовалось).
3. Описание тяжелых последствий неудавшейся попытки суицида (Знаете ли Вы, что большинство попыток самоубийства заканчиваются не смертью, а инвалидностью, медленным и мучительным умиранием? Не существует надежных способов ухода из жизни!).
4. Описание неэстетического вида человека, предпринявшего попытку суицида (это особенно действует на женщин).

В некоторых случаях в диалог с осужденным-суицидентом эффективно включение ярких примеров из жизни (например, печальная история американской актрисы Лупе Велес, покончившей жизнь самоубийством весьма неэстетическим способом), а также юмористических рассказов (М. Веллер «Суицид»). Можно рекомендовать также и «хитрые» приемы, например, сказать: «Вы, безусловно, имеете право распоряжаться своей жизнью, но решение этого вопроса в силу его крайней важности лучше отложить на некоторое время (например до завтра), чтобы спокойно его обдумать». В диалоге с осужденным сотрудник должен транслировать, с одной стороны, понимание серьезности проблемы, возникшей у осужденного, а с другой – уверенность и оптимизм в отношении ее решения.

В науке и практике пенитенциарных учреждений всегда остро стоит вопрос о прогнозировании суицидального поведения осужденных. В сознании многих сотрудников бытуют стереотипы в отношении того, как ведет себя человек в пресуицидальный период. Результаты нашего исследования показывают, что к показателям приближающегося суицида сотрудники относят состояние депрессии, замкнутость, отказ от приема пищи, резкие изменения в поведении осужденного.

Заметим, что эти показатели важные, однако они не являются основными. Многие осужденные в условиях депривации переживают состояние депрессии, апатии, но это не всегда приводит к суициду. Следует помнить, что человек, решивший совершить самоубийство, не демонстрирует свои намерения открыто, его внешний вид и поведение могут практически не измениться. Известно, что истинный суицид трудно прогнозируем и для окружающих часто выглядит как неожиданный поступок. Поэтому необходимо искать более существенные показатели возможной суицидальной активности осужденного.

Исходя из определения самоубийства как следствия социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта главным показателем потенциального суицида является наличие сложной критической ситуации, в которой оказался осужденный. Функция отслеживания информации, касающейся возникновения подобных критических ситуаций, лежит прежде всего на сотрудниках оперативного отдела. К информации особой значимости относятся сведения о происшедших конфликтах между осужденными, проигрышах в карты, долгах, нарушении законов тюремной субкультуры, а также личных драмах, известных из переписки осужденных с родственниками и близкими. Информация о трагических или драматических событиях «с воли» способна спровоцировать жесткое аутодеструктивное поведение [7], поэтому цензура корреспонденции, получаемой осужденными, является важной функцией отдела безопасности. Оперативная информация обязательно доводится до начальника отряда, сотрудника отдела безопасности, мастеров на производстве, психологов и т. д. Осужденный, попавший в критическую ситуацию, должен находиться под особым наблюдением, и в случае необходимости ему необходимо оказать помощь, например, в переводе в другой отряд или в другое исправительное учреждение.

В заключение отметим следующее. Проведенное исследование показало, что многие сотрудники УИС не готовы к оказанию первой психологической помощи осужденному в ситуации суицидального риска. При этом установка сотрудников по отношению к осужденному является определяющим фактором. Готовность к действиям по спасению осужденного включает гуманную установку и владение самыми общими приемами оказания психологической помощи. Этим аспектам профессиональной компетентности, на наш взгляд, необходимо уделять особое внимание в процессе вузовской подготовки специалистов УИС, а также на курсах повышения квалификации.

Библиографический список

1. Зотов П. Б. Суицидальное поведение заключенных под стражу и осужденных // Суицидология. 2017. Т. 8. № 2(27). С. 60–70.
2. Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Диагностика суицидального поведения. М., 1980. 55 с.
3. О результатах психологической работы и профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях УИС в 2012 г. УСПВРО ФСИН России.
4. О состоянии работы по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных по итогам 9 месяцев 2017 г. УСПВРО ФСИН России.
5. Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 288 с.
6. Тарасова С. А. Психологическая подготовка сотрудников подразделений охраны исправительных учреждений к применению огнестрельного оружия на поражение (экзистенциальные аспекты) // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 2(28) / 2018. С. 129–132.
7. Шабанов В. Б., Кашинский М. Ю. Аутодеструктивное поведение в учреждениях уголовно-исполнительной системы: организационные и правовые проблемы: монография. Минск, 2009. 148 с.

References

1. Zotov P. B. Suitsidalnoe povedenie zakliuchennykh pod strazhu i osuzhdennykh [Suicidal behaviour of prisoners and convicts]. *Suitsidologiya* [Suicidology], 2017, t. 8, no. 2(27). pp. 60–70 [in Russian].
2. Ambrumova A. G., Tikhonenko V. A. Diagnostika suitsidalnogo povedeniia [Diagnosis of suicidal behavior]. Moscow, 1980, 55 p. [in Russian].
3. O rezultatakh psikhologicheskoi raboty i profilaktike suitsidov sredi podozrevaemykh, obviniaemykh i osuzhdennykh v uchrezhdeniiakh UIS v 2012 godu [The results of psychological work and the

prevention of suicide among suspects, defendants and convicts in prisons in 2012]. USPVRO FSIN Rossii [in Russian].

4. O sostoianii raboty po profilaktike suitsidov sredi podozrevaemykh, obviniaemykh i osuzhdennykh po itogam 9 mesiatsev 2017 goda [On the state of work on the prevention of suicide among suspects, accused and convicted in the first 9 months of 2017]. USPVRO FSIN Rossii [in Russian].

5. Zmanovskaia E. V. Deviantologiya Psikhologiya otkloniaiushchegosia povedeniia: ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedenii [Deviantology: (Psychology of deviant behavior)]. Moscow: Akademiia, 2004, 288 p. [in Russian].

6. Tarasova S. A. Psikhologicheskaya podgotovka sotrudnikov podrazdelenii okhrany ispravitelnykh uchrezhdenii k primeneniiu ognestrel'nogo oruzhiia na porazhenie (ekzistentsialnye aspekty) [Psychological training of employees of correctional security units for the use of firearms to kill (existential aspects)]. *Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Bulletin of the Samara legal institute: scientific and practical journal], 2018, no. 2 (28), pp. 129–132 [in Russian].

7. Shabanov V. B., Kashinskii M. Iu. Autodestruktivnoe povedenie v uchrezhdeniakh ugolovno-ispolnitelnoi sistemy organizatsionnye i pravovye problem: monografiia [Autodestructive behavior in the institutions of the penal system: organizational and legal problems]. Minsk, 2009, 148 p. [in Russian].

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 340

Борченко Вера Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: borchenko.vera@yandex.ru

Vera A. Borchenko

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of civil law disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: borchenko.vera@yandex.ru

Душин Евгений Андреевич

курсант 3-го курса юридического факультета,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская 24в,
e-mail: maloi-dushin@mail.ru

Evgeniy A. Dushin

3 year cadet,
Samara law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: maloi-dushin@mail.ru

ВОПРОСЫ ОТОБРАНИЯ РЕБЕНКА ПРИ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ УГРОЗЕ ЕГО ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ

Аннотация. Данная статья посвящена самостоятельному правовому институту отобрания ребенка у родителей в административном порядке. Основанием такого отобрания может являться как противоправное, так и правомерное поведение, создающее угрозу жизни или здоровью ребенка. Немедленное отобрание ребенка производится органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо акта главы муниципального образования в случае, если законом субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами.

Рассмотрены проблемные вопросы отобрания ребенка из семьи или у родителя сотрудником органа опеки и попечительства при обстоятельствах, указанных в ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации. При отобрании ребенка на орган исполнительной власти возлагается обязанность обеспечить временное устройство такого ребенка. Кроме того, при отобрании ребенка орган опеки и попечительства обязан незамедлительно уведомить прокурора. Отмечается, что в целях охраны и защиты прав отобранного ребенка предусматривается обязанность органов опеки и попечительства обратиться в суд.

В процессе написания статьи авторы пришли к выводу о необходимости ввести такой институт, как «временное отобрание» ребенка.

В представленной работе обозначена необходимость корректировки ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: орган опеки и попечительства, органы местного самоуправления, ребенок, родители, защита прав и интересов, отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью.

QUESTIONS OF THE REFLECTION OF THE CHILD WHILE DIRECTLY DAMAGE ITS THE LIFE OR HEALTH

Summary. This article is devoted to an independent legal institution of taking a child from parents in an administrative order. The basis for such selection may be both unlawful and lawful behavior that creates a threat to the life or health of the child. Immediate removal of the child is carried out by the guardianship and trusteeship body on the basis of a relevant act of the executive authority of the subject of the Russian Federation or an act of the head of the municipal formation in the event that the law of the subject of the Russian Federation gives local authorities the powers of guardianship and trusteeship in accordance with federal laws.

The problematic issues of the removal of the child from the family or from the parent by the employee of the guardianship and trusteeship body under the circumstances specified in Article 77 of the Family Code of the Russian Federation are considered. When taking a child to the executive body, it is the duty to ensure the temporary arrangement of such a child. In addition, when the child is taken away, the guardianship and trusteeship authority must immediately notify the prosecutor. It is noted that in order to protect and protect the rights of the selected child, the duty of the guardianship and trusteeship bodies to apply to the court is provided.

In the process of writing the article, the authors came to the conclusion that it was necessary to introduce such an institution as a «temporary removal» of the child.

In the work presented, the necessity of adjusting art. 77 of the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: guardianship authority, local authorities, child, parents, protection of rights and interests, child selection in case of direct threat to the child's life or health.

Охрана семьи, ребенка и детства является важной задачей государства, которую осуществляют различные институты современного общества, в том числе и органы исполнительной власти.

Органы опеки и попечительства являются органами местного самоуправления, осуществляющими функции управления в муниципальных образованиях (то есть в городских и сельских поселениях) (ст. 131 Конституции) [1, с. 3].

Органы опеки и попечительства реализуют свои обязанности, осуществляя защиту прав и законных интересов детей, ведя учет детей, оставшихся без родительского попечения, осуществляя устройство детей в семьи. В данной статье будет рассмотрен вопрос отобрания детей у родителей при обстоятельствах, указанных в ст. 77 СК РФ.

Дети могут остаться без попечения родителей по различным причинам, как уважительным, так и неуважительным. В ч. 1 ст. 122 СК РФ указаны наиболее распространенные причины, по которым дети могут остаться без родительского надзора.

Все граждане, располагающие сведениями о детях согласно п. 1 ст. 121 СК РФ, обязаны сообщить об этом в органы опеки и попечительства по месту фактического нахождения детей [2, с. 3].

Из этого следует, что законодатель обязует каждого гражданина сообщать органам опеки и попечительства в любой форме об отсутствии контроля над ребенком со стороны родителей. Под любой формой подразумеваются любые способы сообщения, а именно телефонный звонок, месседж, записка и т. д.

После выполнения гражданином или организацией возложенных на них обязанностей, указанных в ст. 121 СК РФ, органы исполнительной власти в течение 3 дней должны отреагировать на данное сообщение (ст. 122 СК РФ).

Таким образом, российским законодательством установлена защита детей и детства, обязанность их воспитания. Контроль за выполнением этой обязанности возлагается на муниципальный орган в виде отдела опеки и попечительства. Семейный кодекс устанавливает, кто обязан сообщать органам опеки и попечительства об угрозе жизни и здоровья ребенка, связанных с воспитанием и бытовыми условиями проживания ребенка, а также о неисполнении родителями, опекунами или попечителями обязанностей по воспитанию ребенка.

Мы говорим о ненадлежащем воспитании как об опасном факторе: в формировании ребенка как личности на почве детских переживаний могут произойти невосполнимые провалы в психике, что может негативно сказаться на воспитании им уже своих детей, и в итоге будет содействовать морально-нравственному и культурному разложению общества в целом.

Тем самым мы дополнительно отмечаем важность деятельности данных органов и граждан и организаций способствующих нормальной деятельности органов опеки и попечительства в сфере воспитания и охраны детей и детства. Из практики нам известно, что орган опеки и попечительства должен в любом случае отреагировать на сообщение о нарушении защиты прав и интересов детей.

При поступлении от юридических и физических лиц устных или письменных обращений, содержащих сведения о неисполнении, ненадлежащем исполнении опекуном своих обязанностей либо о нарушении прав и законных интересов подопечного, орган опеки и попечительства вправе осуществить внеплановую проверку [3, с. 3].

В ходе проверки заполняется акт обследования условий жизни несовершеннолетнего гражданина и его семьи. В данном акте обозначается сотрудник, составивший акт, данные родителей, а именно паспортные данные, данные о доходах родителей, отношение к ребенку, участие в его воспитании. Также указываются при необходимости иные члены семьи вплоть до ближайшего окружения, в случае необходимости указывается лицо, непосредственно осуществляющее уход и надзор за ребенком. Далее в акте отмечаются данные жилой площади, на которой проживает несовершеннолетний: метраж жилой площади, тип постройки, санитарно-гигиенические условия, наличие коммуникаций, а также жилищно-бытовые условия проживания ребенка (отдельная комната и т. д.). Следующими действиями работника органа опеки и попечительства является опрос

(родителей, близких лиц, соседей). Из опросов формируются проблемы и рекомендации по воспитанию ребенка и вопросы, которые может решить орган опеки в рамках своей компетенции.

Но если ситуация, связанная с воспитанием ребенка, удручающая, и сотрудник понимает, что несовершеннолетнему опасно находиться с этими людьми и в этом помещении, то в силу вступает другая норма закона – ст. 77 СК РФ: при непосредственной угрозе жизни ребенка или здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится. В данной ситуации встает вопрос о действиях должностных лиц. Из практики нам известно, что определенных методик, разъяснений, рекомендаций по действиям сотрудника опеки и попечительства при возникновении таких ситуаций не существует.

Причем опасность может возникать как от жилищно-бытовых условий, так и от лиц, проживающих с ним на этой жилой площади. Критерии опасности также нигде не обозначены, и инспектор отдела опеки и попечительства должен оценить критерии опасности жизни и здоровью, ориентируясь лишь на свое субъективное мнение.

Представляется, что наиболее распространенные основания для отобрания ребенка необходимо прописать в Семейном кодексе, чтобы сотрудники органа опеки и попечительства ясно представляли, что понимается под реальной опасностью жизни либо здоровью ребенка. Причем в некоторых субъектах РФ такие рекомендации существуют, но только на местном уровне. Считаем необходимым создать специальный нормативно-правовой акт на уровне федерального законодательства.

Далее хотелось бы остановиться на надлежащей последовательности действий сотрудников органа опеки и попечительства. Если в ходе осмотра жилищно-бытовых условий проживания ребенка инспектор опеки и попечительства усматривает обстоятельства, соответствующие ч. 1 ст. 77 СК РФ, то он имеет право забрать ребенка. Данная процедура проходит, как правило, в присутствии сотрудника полиции, который также оценивает состояние условий проживания ребенка и соблюдение его прав.

В соответствии с ч. 1 ст. 77 работник опеки все делает верно, однако согласно второму абзацу указанной статьи немедленное отобрание ребенка производится органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта РФ либо акта главы муниципального образования в случае, если законом субъекта РФ органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральным законом.

Следовательно, если при осмотре сотрудник наблюдает удручающие бытовые условия проживания несовершеннолетнего, он не имеет права забрать ребенка без соответствующего на то акта, подписанного главой муниципального образования. В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» главой муниципального образования признается высшее должностное лицо муниципального образования, наделяемое уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения [4, с. 3]. Указанными лицами могут быть президент республики, председатель правительства республики, глава республики, губернатор края (области, города федерального значения, автономной области), глава администрации (губернатор), мэр города. Исходя из практики получить в трехдневный срок подписи вышеуказанных лиц проблематично.

Без акта органа исполнительной власти ребенок не может быть устроен на временное содержание в больницу, приют и т. п. В итоге остается только один вариант – это признание ребенка больным с целью помещения его в стационар примерно на неделю, до сбора всех необходимых документов и т. д.

После изъятия орган опеки должен незамедлительно уведомить прокуратуру. Однако не совсем понятно значение данного сообщения, если никаких действий после него прокуратура не предпринимает.

Следует также подробно рассмотреть ч. 2 ст. 77 СК РФ. Данная императивная норма обязывает в любом случае органы опеки и попечительства обратиться в суд с исковым заявлением о лишении или ограничении родительских прав, даже если орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, отобрав ребенка, приходит к выводу, что оснований для лишения или ограничения в родительских правах нет. Полагаем, что целесообразно было бы ввести норму «временное отобрание» до выяснения всех обстоятельств случившегося.

Подводя итоги исследования, подчеркнем необходимость доработать или изменить ст. 77 СК РФ для полного понимания работы данной нормы. Кроме того, мы считаем, что следует

изменить второй абзац 1 части данной статьи с целью минимизации бюрократического аппарата работы. Также непонятна необходимость составления иска о лишении или ограничении родительских прав. Лишение родительских прав – это крайняя мера, и при судебном разбирательстве органам опеки нечем состязаться, поскольку отсутствует норма, регламентирующая, что является опасностью для жизни и здоровья ребенка. Это требует создания нормативно-правового акта на уровне федерального законодательства, которым будут регламентированы правила изъятия, дано определения опасности, а также четко обозначены ее критерии. Мы считаем необходимым дополнить данную норму понятием о «временном отобрании» ребенка.

Библиографический список

1. Гувев А. Н. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.07.2018).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017, с изм. от 20.06.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.07.2018).
3. Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан: Постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2009 № 423 (ред. от 30.12.2017) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.07.2018).
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 18.04.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.07.2018).

References

1. Guev A. N. Postatejnyj kommentarij k semejnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Article commentary to the family code of the Russian Federation Special]. *SPS «Garant»* [*SPS Garant*] (Accessed: 12.07.2018) [in Russian].
2. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (as red. ot 29.12.2017, s izm. ot 20.06.2018) [The family code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223-FZ (as amended on 29.12.2017, Rev. from 20.06.2018)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 12.07.2018) [in Russian].
3. Ob otdel'nyh voprosah osushchestvleniya opeki i popechitel'stva v otnoshenii nesovershennoletnih grazhdan: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.05.2009 No. 423 (red. ot 30.12.2017) [About single questions of implementation of guardianship and guardianship concerning minor citizens. Resolution of the Government of the Russian Federation from 18.05.2009 No. 423 (ed. by 30.12.2017)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 12.07.2018) [in Russian].
4. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 18.04.2018) [On General principles of local self-government in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation of 06.10.2003 № 131-FZ (as amended on 18.04.2018)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 12.07.2018) [in Russian].

УДК 340

Мусалева Анна Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного и уголовного
исполнительного права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: musaleva.a@yandex.ru

Anna V. Musaleva

Candidate of Law,
Associate Professor of Department of criminal and criminal-
executive rights,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: musaleva.a@yandex.ru

Сабиров Далер Шакирович

курсант 4-го курса,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: daler.sabirov.2016@mail.ru

Daler Sh. Sabirov

4 year cadet,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: daler.sabirov.2016@mail.ru

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Сравнительный анализ уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни как исключительной меры весьма часто вызывает интерес ученых и порождает массу противоречивых мнений по поводу правового регулирования их исполнения и отбывания.

В статье предпринята попытка по-новому решить вопрос отбывания пожизненного лишения свободы через призму института освобождения от наказания, а именно возможности замены данного наказания добровольным лишением жизни.

Предлагается включить новую статью «Замена пожизненного лишения свободы на добровольное лишение жизни» в Уголовный кодекс РФ, а также новую главу «Исполнение добровольного лишения жизни» в Уголовно-исполнительный кодекс РФ, в которой будет регламентирован порядок обращения осужденного с ходатайством в суд, его правовое положение, а также порядок исполнения добровольного лишения жизни.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, смертная казнь, добровольное лишение жизни, осужденный.

A NEW LOOK AT THE INSTITUTION OF RELEASE FROM PUNISHMENT IN THE FORM OF LIFELONG IMPRISONMENT

Summary. Comparative analysis of criminal punishment in the form of lifelong imprisonment and the death penalty as an exceptional measure, quite often is of interest to scientists and has generated a lot of conflicting opinions regarding the legal regulation of execution and serving.

In the article the attempt is made anew to solve the issue of serving a life sentence through the prism of the Institute of exemption from punishment, namely the possibility of replacing the punishment of voluntary deprivation of life.

It is proposed to insert a new article «the Replacement of life imprisonment on a voluntary deprivation of life» in the criminal code of the Russian Federation, as well as a new Chapter of «Enforcement of voluntary deprivation of life» to the Penal code, which regulated the treatment of the convict with a petition to the court, its legal situation, as well as the order of execution of the voluntary deprivation of life.

In conclusion, the analysis of the death penalty and voluntary deprivation of life.

Keywords: life imprisonment, the death penalty, the voluntary deprivation of life, convict.

Анализируя институт пожизненного лишения свободы современной России можно выделить следующие этапы его развития.

В СССР пожизненное лишение свободы было отменено в связи с тем, что законодатель считал данный вид наказания не выполняющим уголовно-правовой цели, и уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов не предусматривали этого вида наказания.

Институт «пожизненное лишение свободы» снова вводится в уголовное законодательство на основании Закона РФ № 4123-1 от 17.12.1992 «О внесении изменений в ст. 24 Уголовного кодекса

РСФСР», но не как самостоятельный вид уголовного наказания, а как максимальный срок лишения свободы при замене смертной казни в порядке помилования Президентом РФ.

Присоединение Россия в 1996 г. к Уставу Совета Европы [1], а затем в 1998 г. ратификация Конвенцию о защите прав человека и его основных свобод ETS № 005 [2] оказали существенное влияние на законодательство нашего государства и поставили перед ним задачу приведения правовой системы Российской Федерации в соответствие с установленными нормами и стандартами Совета Европы. В связи с этим Россия согласилась взять на себя обязательство о поэтапном сокращении применения уголовного наказания в виде смертной казни.

Вместе с тем вопросы борьбы с преступностью и, в частности, с особыми ее проявлениями настоятельно диктуют необходимость применения к виновным самых строгих, а порой и радикальных мер уголовного воздействия, в качестве которых необходимо рассмотреть такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы [3, с. 5–8].

Введение в российскую систему пожизненного лишения свободы как уголовного наказания, в сущности, предопределило процесс его институализации – иными словами, закрепило в уголовном, а также в уголовно-исполнительном законодательстве в качестве устойчивой группы норм, регламентирующих назначение, применение, а также его исполнение.

Пожизненное лишение свободы представляет собой структурно-функциональный блок правовых установлений, в котором, с одной стороны, данный институт обладает относительной самостоятельностью и заключается в части общего превентивного воздействия, которое должно распространяться на общественное правосознание, а с другой – выполняет свои особые функции в части реализации данного вида наказания.

Анализ судебной практики показал, что пожизненное лишение свободы в России применяется довольно редко. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации данный вид наказаний в 2009 г. назначен 73 осужденным, в 2010 – 66, в 2011 – 64, 2012 – 66, 2013 – 67, 2014 – 62, 2015. – 53, 2016 – 87 [4].

На сегодняшний день на территории России находятся шесть исправительных колоний, исполняющих пожизненное лишение свободы, в которых содержатся 2 023 осужденных [5].

Нами в рамках реализации гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства предлагается внести ряд новых норм в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, регламентирующих освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы, а также порядок освобождения от него, поскольку мы согласны с мнением многих авторов о том, что данный вид наказания является чрезмерно суровым.

В доктрине уголовного права не сложилось единой точки зрения по вопросу о соотношении освобождения от наказания и освобождения от отбывания наказания.

Разделяет эти два понятия С. И. Зельдов, указывая, что освобождение от уголовного наказания – это полное исключение кары, а освобождение от отбывания наказания – это исключение частично (под условием) или полностью лишений или ограничений прав, которые входят в содержание назначенного приговором наказания, с сохранением судимости.

П. В. Коробов указывает, что различие этих двух видов состоит в том, что характеристикой освобождения от отбывания наказания является частичное отбытие осужденным назначенного судом наказания.

Мы разделяем данные убеждения, на наш взгляд, предложенные изменения будут носить характер такого явления, как освобождение от отбывания наказания, поскольку для реализации предлагаемого законного интереса осужденным изначально необходимо будет отбыть определенную часть пожизненного лишения свободы, что является подтверждением высказанных мнений С. И. Зельдова и П. В. Коробова [6, с. 9–13].

Предлагаемые изменения мы видим следующим образом.

Главу 12 «Освобождение от наказания» УК РФ дополнить новой ст. 83-1.

«Ст. 83-1. Освобождение от отбывания наказания путем замены добровольным лишением жизни.

1. Лицо, которому судом было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, может быть освобождено от отбывания наказания путем замены добровольным лишением жизни, если данное лицо полностью или частично возместило вред, причиненный преступлением.

2. Вопрос о добровольном лишении жизни осужденного решается судом, если иное не предусмотрено законом.

3. При рассмотрении ходатайства осужденного о добровольном лишении его жизни суд должен убедиться в добровольности принятого им решения и его вменяемости.»

Гл. 21 «Освобождение от отбывания наказания» УИК РФ дополнить новыми нормами 175-1, 175-2, 175-3, регламентирующими порядок обращения осужденного с ходатайством о добровольном лишении жизни, правовое положение осужденного, порядок исполнения добровольного лишения жизни:

«Ст. 175-1. Порядок обращения с ходатайством о добровольном лишении жизни.

1. Осужденный, отбывающий наказание в виде пожизненного лишения свободы, который фактически отбыл не менее трех лет в обычных условиях в колонии особого режима, может через администрацию учреждения, исполняющего наказание, обратиться в суд с ходатайством о замене пожизненного лишения свободы добровольным лишением жизни. В ходатайстве должны содержаться данные о поведении осужденного, меры поощрения и взыскания, применяемые к нему в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию и о том, что осужденный возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением.

2. Администрация учреждения не позднее чем через 30 дней после подачи ходатайства направляет в суд указанное ходатайство вместе с характеристикой на осужденного и результаты психиатрической экспертизы. В характеристике должны содержаться данные о поведении осужденного в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию и о том, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления.

3. Одновременно с ходатайством в суд направляется заключение психиатрической экспертизы, содержащее сведения, касающиеся решения о добровольности лишения жизни. Экспертиза проводится уполномоченным на то органом за счет средств, содержащихся на личном счете осужденного. Администрация учреждения, исполняющего наказание, при необходимости оказывает осужденному содействие в проведении психиатрической экспертизы.

4. В случае отказа суда в освобождении от отбывания наказания путем замены пожизненного лишения свободы добровольным лишением жизни повторное обращение с ходатайством может иметь место не ранее чем по истечении одного года со дня вынесения постановления суда об отказе.

Ст. 175-2. Правовое положение осужденного, принявшего решение о добровольном лишении жизни.

1. После вступления решения суда в законную силу о допустимости добровольного лишения жизни осужденный имеет право до момента исполнения решения обратиться с ходатайством в суд о его отмене.

2. Лицо, указанное в части первой настоящей статьи, вправе:

а) в предусмотренном законом порядке оформить необходимые гражданско-правовые и брачно-семейные отношения;

б) получать необходимую медицинскую и психологическую помощь;

в) иметь ежемесячно два краткосрочных свидания с близкими родственниками;

г) иметь свидания со священнослужителем;

д) пользоваться ежедневно прогулкой продолжительностью не более 2 часов;

е) ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства в размере, установленном для осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима в обычных условиях;

ж) перед непосредственным исполнением решения суда осужденному предоставляется право на последний прием пищи.

Статья 175-3. Порядок исполнения добровольного лишения жизни.

1. Добровольное лишение жизни происходит путем введения в организм осужденного смертельной инъекции.

2. При исполнении решения суда присутствуют прокурор, представитель учреждения, в котором исполняется добровольное лишение жизни, врач.

3. Наступление смерти осужденного констатируется врачом. Об исполнении решения суда составляется протокол, который подписывается прокурором, представителем администрации, врачом.

4. Администрация учреждения, в котором исполнено добровольное лишение жизни, обязана поставить в известность об исполнении суд, вынесший решение, а также одного из близких родственников осужденного. Тело для захоронения не выдается и о месте его захоронения не сообщается».

Данные изменения направлены на улучшение положения осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, так как данный вид наказания мы считаем противоречащим принципам уголовного права, поэтому и предлагаем предоставить осужденным право выбора.

В завершение необходимо отметить ряд преимуществ, которые имеют данные нововведения. Во-первых, добровольное лишение жизни является законным интересом и заключается в добровольном волеизъявлении осужденного, что также свидетельствует о том, что свободы человека учитываются в современном российском обществе.

Во-вторых, следует отметить способ осуществления: добровольное лишение жизни происходит путем введения смертельной инъекции. Высокий уровень развития отечественной медицины позволяет лишить жизни человека, не причиняя ему никаких страданий.

В-третьих, ни в одном государстве не представлен рассматриваемый институт освобождения от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы, что не может не говорить о самобытности отечественной уголовно-правовой системы.

Также стоит отметить плюсы введения новой нормы для государства. По состоянию на 1 ноября 2017 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 607 894 чел. [7]. Из федерального бюджета Федеральной службе исполнения наказаний выделяется 256 млрд р., таким образом, в среднем на осужденного государство затрачивает около 421 тыс. р. в год. Разумно говорить о значительной экономии бюджетных средств.

В рамках данной статьи не представляется возможным раскрыть более детально все имеющиеся проблемы, связанные с институтом пожизненного лишения свободы. Однако, подводя итог, можно сделать вывод о том, что предложенные нами нововведения не противоречат международным нормативно-правовым актам, позволяют сохранить соразмерность наказания совершенным деяниям, соответствуют принципам уголовного закона, кроме того, их применение позволит частично снизить численность осужденных в исправительных учреждениях особого режима.

Библиографический список

1. О присоединении России к Уставу Совета Европы: Федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.11.2017).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.2017).
3. Желоков Н. В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 26 с.
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.11.2017).
5. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 02.11.2017).
6. Терентьева В. А. О понятии освобождения от уголовного наказания в доктрине уголовного права // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 9–13.
7. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsin.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-a%20UIS/> (дата обращения: 03.11.2017).

References

1. O prisoedinenii Rossii k Ustavu Soveta Evropy. Federalnyj zakon ot 23 fevralya 1996 g. № 19-FZ [On Russia's accession to the Charter of the Council of Europe. Federal law no. 19 of February 23, 1996]. *SPS «Garant»* [*SPS Garant*] (Accessed: 01.11.2017) [in Russian].

-
2. Konvenciya o zashite prav cheloveka i osnovnyh svobod ETS № 005 (Rim, 4 noyabrya 1950 g.) [Convention for the protection Of human rights and fundamental freedoms sed]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 01.11.2017) [in Russian].
 3. Zhelokov N. V. Pozhiznennoe lishenie svobody v sisteme nakazaniy UK RF i ego naznachenie. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Life imprisonment in the penal system, the criminal code and its function. Extended Abstract of candidate's of Law thesis]. Saratov, 2007, 26 p. [in Russian].
 4. Oficialnyj sayt Sudebnogo Departamenta pri Verhovnom Sude RF [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 02.11.2017) [in Russian].
 5. Oficialnyj sayt FSIN Rossii [Official site of the Federal penitentiary service of Russia]. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (Accessed: 02.11.2017) [in Russian].
 6. Terenteva V. A. O ponyatii osvobozhdeniya ot ugolovnogogo nakazaniya v doktrine ugolovnogogo prava [On the Concept of exemption from criminal punishment in the doctrine of criminal law]. *Ugolovnaya yusticiya* [*Criminal justice*], 2017, no. 10, pp. 9–13 [in Russian].
 7. Oficialnyj sayt FSIN Rossii [Official site of the Federal penitentiary service of Russia]. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (Accessed: 02.11.2017) [in Russian].

УДК 340

Шиханов Вячеслав Александрович

заместитель начальника кафедры режима и охраны
в уголовно-исполнительной системе,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: science@samlawin.ru

Vyacheslav A. Shikhanov

Deputy Head of the Department of regime and security
in the FPS,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: science@samlawin.ru

Ермуханов Жандос Ержанович

курсант 5-го курса,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: science@samlawin.ru

Zhandos E. Ermukhanov

5 year cadet,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: science@samlawin.ru

ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ НА РЕЖИМНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Процесс изоляции личности на сегодняшний день претерпевает изменения. Это связано с развитием телекоммуникационных технологий в современном обществе. В основном пересмотру подлежат меры ограничения, связанные с запрещенными в изоляции предметами и веществами. Незаконный оборот запрещенных предметов и веществ в учреждениях уголовно-исполнительной системы мешает стабильной работе учреждений и создает угрозы личной безопасности персонала учреждений, иных лиц и самих осужденных на режимных территориях и территориях, прилегающих к учреждениям, на которых установлены режимные требования. Имеющийся на сегодняшний день правовой механизм мер по противодействию незаконному обороту запрещенных предметов и веществ в учреждениях уголовно-исполнительной системы не в полной мере регулирует эти отношения. Авторами статьи предлагается пересмотреть ответственность лиц, осужденных к лишению свободы, и граждан, участвующих в незаконном обороте запрещенных предметов и веществ в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В статье рассматривается вопрос о криминализации данного деяния, которое состоит из совокупности действий, связанных с запрещенными предметами на режимных территориях учреждения уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: запрещенные предметы, режимная территория, уголовно-исполнительная система, общественная опасность, уклонение от отбывания наказания, исправительные учреждения.

TURNOVER OF PROHIBITED ITEMS IN THE REGIME AREAS OF THE PENAL SYSTEM: CRIMINALIZATION ISSUES

Summary. The process of isolating the individual is undergoing changes. This is due to the information development of modern society, the development of telecommunications technologies. The attitude of society towards the process of state coercion, with respect to persons sentenced to deprivation of liberty, requires a qualitative review of the positions of restrictions and coercions of these individuals. Basically, restrictions are imposed on restrictions related to objects and substances that are prohibited in isolation. Illicit trafficking in prohibited items and substances in the institutions of the penal system interferes with the stable operation of institutions and creates threats to the personal safety of the personnel of institutions, other persons and the convicts themselves in the regime territories and territories adjacent to the institutions on which the regime requirements are established. The currently available legal mechanism for counteracting illicit trafficking in prohibited items and substances in the institutions of the penal system does not fully regulate these relations. The authors of the article are proposing to review the responsibility of persons and citizens convicted to deprivation of liberty involved in the illicit trafficking in prohibited items and substances in the institutions of the penal system. The article considers the criminalization of such an act, which consists of a set of actions related to prohibited items in the regime territories of the establishment of the penal system.

Keywords: prohibited items, regime territory, penal system, public danger, evasion of punishment, correctional institutions.

Наблюдая изменения, происходящие в обществе, стоит обратить внимание и на изменение мест изоляции граждан, совершивших преступление. Суровые остроги и казематы средневековой

тюрьмы со временем эволюционировали в современные пенитенциарные учреждения, однако проблемы изоляции преступников существуют и по сей день. На смену одним ухищрениям, принимаемым для ухода от кары за содеянное и облегчение себе условий отбывания наказания, изолируемые лица придумывают все новые и новые способы разрядить, обойти, да и просто игнорировать требуемую по закону изоляцию. Насколько это им удастся, могут судить не только персонал учреждений, но и общественность: сейчас никого не удивишь звонками со средств сотовой связи из исправительных учреждений или видеороликами о жизни арестантов и «беспределе» администрации [1].

Так или иначе, следуя правилам человеческой природы, ограничение в одном порождает активный интерес на возвращение у ограничивающей стороны предмета ограничения, пусть и незаконным способом, не страшась в дальнейшем наказания за содеянное правонарушение.

Факты появления запрещенных предметов, вещей и продуктов питания в учреждениях уголовно-исполнительной системы всегда были и остаются большой проблемой сотрудников. Учреждения, исполняющие наказания, вопреки желанию быть открытыми, все же остаются местами изоляции и скопления большого количества людей. Содержание же большого количества людей, в той или иной степени зараженных криминалом, в замкнутом пространстве, в охраняемом периметре, всегда будет вызывать проблемы. Стоит признать, что незаконный оборот предметов, вещей и продуктов питания в учреждениях уголовно-исполнительной системы явление вполне социально объяснимое, но требующий минимизации, так как бесконтрольность данного процесса может привести к всплеску правонарушений и преступлений не только на территории учреждений, но и далеко за их пределами, создавая социальный резонанс.

Изучая природу незаконного оборота запрещенных к обращению осужденными и заключенными под стражу лицами вещей, предметов и продуктов питания, нам следует рассмотреть порядок обращения предметов в целом, оценить правовые основы урегулирования процессов оборота.

В настоящее время оборот многих вещей находится под контролем государства. Таким образом, государство берет на себя ответственность за реализацию механизма правового мониторинга безопасных, условно опасных и опасных вещей. В связи с упорядочиванием этого произошло разделение вещей по способности участвовать в обороте: вещи, свободные в обороте, вещи, ограниченные в обороте, и вещи, изъятые из оборота.

Но кроме этого государством установлены специальные требования на территориях с режимными требованиями, это касается учреждений, где людей изолируют от общества в связи с их опасностью для общества. На данных территориях люди подвергаются различным правовыми ограничениям, что выражается, в частности, в запрете вещей, свободных в обороте, например, мобильных телефонов, сим-карт и тд.

Перечень запрещенных предметов на территории исправительных учреждений регулирует Приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» [2].

Наличие запрещенных предметов на территории ИУ представляют опасность для нормальной деятельности самих ИУ, поскольку данные предметы представляют угрозу безопасности сотрудников и персонала исправительных учреждений, могут стать инструментами дестабилизации ИУ, их наличие у осужденных ускоряет реализацию ими преступных замыслов. Все это свидетельствует об общественной опасности проникновения запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений.

Вследствие этого уголовно-исполнительная политика направлена на противодействие наличию запрещенных предметов на режимных территориях исправительных учреждений.

Пресечению незаконного оборота запрещенных предметов особое внимание уделялось во время существования СССР, которое выражалось в ее уголовно-правовой охране. В соответствии ст. 188 ч. 4 УК РСФСР данное правонарушение относилось к группе иных уголовно-наказуемых преступлений, совершение которых было возможно только в связи с отбываемыми наказаниями. Статья за незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в воспитательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях, предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, или исправительных работ на тот же срок, или штрафа до трехсот рублей [3, с. 178]. Тем самым, явления и процессы, связанные с запрещенными предметами на режимных территориях исправительных учреждений, определялись нарушением правосудия.

В настоящее время деяния, связанные с запрещенными предметами, перестали иметь уголовно-правовую охрану, а за пронос либо угрозу проноса запрещенных предметов лицо несет административную ответственность на основании ст. 19.12 КоАП РФ, причем данная статья, на наш взгляд, направлена на применение в отношении достаточно узкой категории людей: родственники осужденных, прибывших на режимную территорию, и иные граждане, заинтересованные в проносе запрещенных предметов [4]. Следует заметить, что для осужденных, участвующих в незаконном обороте запрещенных предметов, предусмотрена лишь дисциплинарная ответственность, которая несет в себе незначительные карательные меры. Согласно ч. 1 ст. 116 УИК РФ изготовление, хранение передача запрещенных предметов является злостным нарушением осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания, которое может повлечь за собой выговор, который по факту не несет в себе кару; водворение в штрафной изолятор до 15 суток, который предполагает жесткую изоляцию не только от общества, но и от остальных осужденных с увеличенным комплексом правовых ограничений; перевод осужденных в помещение камерного типа с аналогичным увеличением правовых ограничений, но на более длительный срок (до 6 мес.) [5]. Однако наличие запрещенных предметов не исключено и на данных изолированных участках, что может помешать осуществлению частной превенции, которое направлено в отношении злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания.

Мы разделяем мнение О. В. Пенина о необходимости принять уголовно-правовые меры противодействия проникновению запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, внося в действующее уголовное законодательство единую норму, устанавливающую уголовно-правовой запрет всех видов обращения и передач, запрещенных для осужденных веществ, вещей и предметов. Мы согласны, что в гл. 32 УК РФ необходимо включить новую ст. 321 прим. 1 «Проникновение запрещенных предметов в места лишения свободы или содержания под стражей» [6, с. 7–11]. Но в этом случае, по нашему мнению, в противодействии проникновению запрещенных предметов, стоит уделить особое внимание самим осужденным и заключенным под стражу лицам, находящимся в учреждениях УИС, так как именно данная категория лиц непосредственно иницирует доставку и использует запрещенные предметы в своих противоправных целях.

Деяствия осужденных, связанные с запрещенными предметами на режимных территориях УИС, следует считать нарушением правосудия, а именно уклонением от отбывания наказания, так как запрещенные предметы издавна для лиц, изолированных от общества, компенсирующим элементом свободы. Следовательно, наличие запрещенных предметов в местах лишения свободы нарушают не только процесс порядка исполнения и отбывания наказания, но и процесс осуществления правосудия к лицу, чье поведение является общественно опасным и неприемлемым в обществе. Сами запрещенные предметы в местах лишения свободы по назначению могут быть бытовыми и неопасными для общества, но в руках лиц, совершивших преступления, использоваться не по назначению и в корыстных целях, что в итоге может привести к негативным последствиям, следовательно, весь перечень запрещенных предметов имеет условно равную общественную опасность. Однако последствия от запрещенных предметов могут наступить разные и определять общественную опасность в конкретном случае будет суд, осуществляя принцип индивидуализации и дифференциации. Кроме этого предметы, которые запрещены в местах лишения свободы могут лишить наказание от такого признака как кара. Вследствие чего правонарушитель, не испытывая должной кары правосудия, будет и дальше совершать общественно опасные деяния.

Что касается термина «уклонение», то большая группа ученых определяют уклонение от отбывания наказания как правонарушение, имеющее свои объективные и субъективные признаки [7, с. 38–41]. Особо следует отметить позицию Е. В. Лошенко, которая пишет о посткриминальной (проуголовной) ответственности, выполняющей обеспечительную функцию в отношении уголовной ответственности; это, по её словам, уголовное взыскание за уголовный проступок, который посягает на нормальное развитие связи между преступлением и формой реализации уголовной ответственности. Уголовным проступком, в том числе, является злостное уклонение от отбывания уголовного наказания, при этом его субъективная сторона может характеризоваться только умыслом [8, с. 9–10, 23–24]. Незаконный оборот запрещенных предметов на режимной территории исправительных учреждений осуществляется только с прямым умыслом, так как осужденных информируют о соблюдении режимных требований, в частности о перечне запрещенных предметов. Т. И. Нагаева считает, что специфика субъективной стороны уклонения определяла не содержание

мотива и цели, а представление субъекта о юридических свойствах своих поведенческих актов [9, с. 105–108].

Другая группа ученых в уклонении от отбывания наказания видит в большей степени объективные признаки. Так, О. Г. Демидов определяет уклонение от наказания как противоправное умышленное деяние (действие или бездействие) осужденного, направленное на отказ от претерпевания негативных для него последствий, связанных с применением уголовного наказания, назначенного судом за совершенное им преступление [10, с. 3]. Запрещенные же предметы служат по-мехой карательного воздействия и компенсирующим элементом свободы, что в итоге и является уклонением от такого наказания, как лишение свободы.

В связи с вышесказанным возникает необходимость урегулирования явления запрещенных предметов в уголовно-правовом плане. В уголовном законодательстве имеется глава, посвященная охране общественных отношений в сфере правосудия, но кроме этого имеется и ст. 314 УК РФ, которая регулирует вопросы уклонения от отбывания наказания. Но так как в данной статье не упоминается оборот запрещенных предметов в качестве преступления, то мы предлагаем ввести ч. 3 ст. 314 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Незаконный оборот запрещенных предметов на режимных территориях исправительных учреждений и прилегающих к учреждениям территориях, на которых определены режимные требования... ».

Библиографический список

1. Ледяева М. Интернет строгого режима / Информационное агентство 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://region29.ru/2016/07/25/57923e7f2817cabb6800834d.html> (дата обращения: 01.03.2018).
2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.02.2018).
3. Ткачевский Ю. М. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2010. 597 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 28.11.2015, с изм. от 15.11.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6839.
6. Пенин О. В. Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия проникновению запрещенных предметов в исправительные учреждения УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. № 3. 2011. С. 7–11.
7. Чорная У. В. Злостное уклонение от отбывания наказания как основание уголовной ответственности // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 38–41.
8. Лошенкова Е. В. Ответственность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.
9. Нагаева Т. И. Уклонение от исполнения обязанностей как вид преступного деяния по уголовным кодексам РСФСР // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 105–108.
10. Демидов О. Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 26 с.

References

1. Ledjaeva M. Internet strogogo rezhima [Internet strict regime]. URL: <http://region29.ru/2016/07/25/57923e7f2817cabb6800834d.html> (Accessed: 01.03.2018) [in Russian].
2. Prikaz Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii ot 16.12.2016 g. № 295 «Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego raspordadka ispravitel'nyh uchrezhdenij» (v red. 28.12.2017) [About the approval of internal regulations of correctional institutions]. SPS «Konsul'tant Plyus» [SPS Consultant Plus] (Accessed: 20.02.2018) [in Russian].
3. Tkachevskij Ju. M. Izbrannye trudy [Selected Works]. Saint-Petersburg: Yurid. centr Press, 2010, 597 p. [in Russian].

4. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 31.12.2017) [Code of administrative offences of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1 (ch. 1), st. 1 [in Russian].

5. Uголовно-исполнитель'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ (v red. ot 28.11.2015, s izm. ot 15.11.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2016) [The Penal Code of the Russian Federation No.1-FZ of January 8, 1997 (as amended of November 28, 2015, as amended on November 15, 2016) (as and supplemented, effective from January 1, 2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of of the Russian Federation], 1997, no. 2, st. 198; 2016, no 48 (III), st. 6839.2 [in Russian].

6. Penin O. V. Sovershenstvovanie uголовно-правovyh mer protivodejstvija proniknoveniju zapreshennyh predmetov v ispravitel'nye uchrezhdenija UIS [Improvement of criminal law measures against penetration of prohibited items in correctional facilities of the penal correction system]. *Vedomosti uголовno-ispolnitel'noj sistemy* [Statements of the penal enforcement system], 2011, no. 3, pp. 7–11 [in Russian].

7. Chornaja U. V. Zlostnoe ukлонenie ot otbyvaniya nakazaniya kak osnovanie uголовnoj otvetstvennosti [Malicious evasion from serving of punishment as the basis of criminal liability]. *Uголовno-ispolnitel'noe pravo* [Penal enforcement law], 2013, no. 2, pp. 38–41 [in Russian].

8. Loshenkova E. V. Otvetstvennost' v uголовnom prave. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Liability in criminal law. Extended Abstract of candidate's of Law thesis]. Moscow, 2007, 30 p. [in Russian].

9. Nagaeva T. I. Ukлонenie ot ispolneniya objazannostej kak vid prestupnogo dejanija po uголовnym kodeksam RSFSR [Evasion of duties as a type of criminal act under the criminal codes of the Russian Soviet Federal Republic]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2012, no. 5, pp. 105–108 [in Russian].

10. Demidov O. G. Ukлонenie ot nakazaniya: uголовно-правовой i kriminologicheskij aspekty. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The avoidance of punishment: criminal law and criminological aspects. Extended Abstract of candidate's of Law thesis]. Ryazan, 26 p. [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА»

1. Для публикации научных материалов автор предоставляет в редакцию журнала: статью, оформленную по установленному стандарту; анкету автора публикации и оператора персональных данных (<http://sui.fsin.su/vestnik-syui-fsin-rossii/>) по адресу: 433022, г. Самара, ул. Рыльская, 24в.

Статья принимается в одном экземпляре, в распечатанном, а также электронном виде.

2. Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат и прочих сведений ответственность несет автор.

3. Каждый автор может опубликовать в одном номере журнала не более одной статьи. Количество статей одного автора, публикуемых в одном номере, может быть увеличено только по решению редакционной коллегии.

4. Электронная версия рукописи выполняется в редакторе Microsoft Word.

5. Формат страницы – А4, поля – по 2,5 см, шрифт основного текста и примечаний – Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал основного текста – полуторный, остального текста – одинарный, абзацный отступ основного текста – 1,25, выравнивание страницы – по ширине.

6. Объем статьи должен составлять от 10 до 20 страниц (предусматривая автоматическую расстановку переносов в тексте). В ином случае необходимо данный вопрос согласовать с редакционной коллегией журнала.

7. В начале рукописи указывается код УДК. Далее приводятся сведения об авторе на русском и английском языках, включающие: Ф.И.О., ученую степень, ученое звание, должность, организацию, почтовый адрес организации, e-mail. Для англоязычных метаданных необходимо соблюдать следующий вариант написания сведений об авторе: полное имя, инициал отчества, фамилия (Anna I. Ivanova).

8. Далее пропускается одна строка и по центру жирным шрифтом сначала на русском, а затем на английском языках набираются название статьи, аннотация и ключевые слова.

Аннотация и ключевые слова к статье набираются курсивом. В аннотации должны быть отражены актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и выводы. Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, ее объем – от 150 до 250 слов. Ключевые слова служат для автоматизированного поиска информации и должны отражать как общие, так и частные аспекты результатов представленного в статье исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 8–10.

9. Затем следует основной текст статьи, библиографический список.

В статье допускается наличие таблиц, формул и рисунков. Обязательно наличие подписанных подписей, подписей к таблицам и ссылок на них в тексте. Всем иллюстрациям и таблицам необходимо давать сквозную нумерацию. Иллюстрации, приведенные в статье, должны быть высокого качества, хорошо читаемы. Таблицы должны быть выполнены в Microsoft Word. Не допускается применение фоновых рисунков и цветной заливки в схемах, таблицах. При наличии в тексте диаграмм они должны быть сохранены в формате «диаграмма Microsoft Word» (данные диаграммы должны быть доступны для редактирования).

Библиографический список является обязательным атрибутом любой научной публикации.

Ссылки на упомянутую в тексте литературу приводятся в квадратных скобках (например [1, с. 7]) в порядке первого упоминания. Нежелательно включать в списки литературы анонимные источники и нормативные документы, предпочтительно их цитировать непосредственно в тексте или внутритекстовых сносках.

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

После библиографического списка приводится транслитерация References (перевод текста библиографического списка на латиницу). Для этого рекомендуется воспользоваться специальной программой (<http://translit.ru>, стандарт BSI). Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык.

10. Все страницы рукописи, включая библиографический список, должны быть пронумерованы.

11. Статья должна быть подписана автором.

12. Перед подписью автор дает разрешение на публикацию в Интернете и гарантирует, что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не был предоставлен на публикацию одновременно в другие журналы.

Например: «Статья публикуется впервые. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

13. В случае если автор является студентом, курсантом, аспирантом, адъюнктом или прикреплен к адъюнктуре (аспирантуре) для подготовки диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата наук, он должен предоставить ответственному секретарю рецензию от специалиста соответствующей отрасли науки, заверенную кадровым аппаратом соответствующего учреждения.

14. Материалы направляются в адрес редакции с пометкой «Вестник Самарского юридического института». В качестве имени файла русскими буквами указывается фамилия, инициалы автора (например, Петров А.А.doc).

15. Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

16. При несоблюдении указанных требований редакция журнала статьи к изданию не принимает.

*Адрес редакции: 443022, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, тел. 205-67-14
e-mail: science@samlawin.ru*

Научное издание

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

Научно-практический журнал

3 (29) / 2018

Редактор *О. Е. Тимошина*
Техническая редакция – *Н. В. Романова*
Компьютерная верстка – *Д. Б. Кротков*

Подписано в печать 08.08.2018
Усл. печ. л. 17,3 (18,8 печ. л.)
Тираж 100 экз. Заказ № 769
Цена свободная

Отпечатано в ООО «Прайм»
443544, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49